

Легенды
земли
Саратовской

82(235.54)
138

05

Легенды земли Саратовской

115820-1 ✓

МУК Балаковская Районная
центральная библиотека

Саратов
2004

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

УДК 908(470.44)
ББК 26.89(2Рос-4Cap)
Л 38

Издание осуществлено за счет средств
областной целевой программы
«Развитие туризма в Саратовской области на 2002–2005 годы».

Редакционный совет:
А.В. Шарапов (отв. редактор), *Н.Ю. Репина* (отв. секретарь),
О.В. Гудошникова, О.А. Самошина, М.Л. Фомина

Легенды земли Саратовской. – Саратов: Поволжская
Л 38 академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2004. –
196 с.: ил.
ISBN 5-8180-0182-2

В издание вошли популярные легенды и предания, бытующие на земле Саратовской, отобранные по результатам областного конкурса, проводившегося в 2000 г. отделом туризма министерства молодежной политики, спорта и туризма и нацеленного на привлечение внимания общественности к проблеме развития внутреннего и въездного туризма.

Авторы сборника – краеведы Саратовской области разных возрастов и профессий: от школьников и студентов до научных работников. В основе большинства сюжетов – рассказы, живущие в народе и передаваемые на протяжении десятков лет, а иногда и веков. Часть работ является результатом архивных поисков, проведенных на основе исследования достаточно древних источников.

Книга иллюстрирована работами юных художников Саратова.
Для широкого круга читателей.

УДК 908(470.44)
ББК 26.89(2Рос-4Cap)

ISBN 5-8180-0182-2

© Министерство экономики
и инвестиций Саратовской области, 2004
© ГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы
им. П.А. Столыпина», 2004

Панящая сила легенды

С вообразной изюминкой для въездного регионального туризма, безусловно, может стать идея-легенда, непосредственно связанная с историей существования населенного пункта или географического района в целом. Имеются в виду как конкретные примечательные факты и события, реально происходившие в данном месте, так и любопытные сведения, не получившие научного подтверждения, но и не имеющие аргументов научного опровержения. Местные предания, были, сказания должны интриговать, «заманивать» туриста и привлекать к посещению территории. Примером использования такой общепринятой «раскрученной» идеи-легенды служит опыт финнов, превративших Лапландию в родину Санта-Клауса, что сделало страну популярным центром зимнего отдыха и новогодних туров. В свою очередь, администрация Вологодской области официально объявила леса Великого Устюга родиной российского Деда Мороза. В настоящее время в живописной дубраве строится резиденция Деда Мороза —

огромный деревянный терем-сруб. А пока Дед Мороз в лице специально уполномоченных работников туризма «обитает» во временном доме и «ведет» активную переписку с детьми многих регионов России. Турагентства Вологды организовали зимний детский маршрут «Поездка в гости к Деду Морозу». Заявок на посещение Вологодской области – множество...

Саратовская область – многонациональный регион с богатой историей и традициями, сложившимися в укладах многих народов, населявших испокон веков ее территорию. Многонациональность региона составляет его яркую отличительную индивидуальность. Сто одиннадцать национальностей проживают на территории Саратовской области сегодня, и этот факт необходимо использовать при формировании туристического имиджа территории.

Ассоциация города или населенного пункта с именами замечательных земляков – выдающихся писателей, художников, музыкантов, деятелей науки и техники, доблестных защитников Отечества, а также с интересными историческими событиями существенно оптимизирует благоприятные перспективы развития туризма.

Современные города с каждым днем становятся все более похожими друг на друга, а поэтому даже легкий штрих индивидуальности может коренным образом изменить впечатление от города и привлечь к нему интерес. В Саратовской области десять городов вошли в перечень исторических населенных мест России: Саратов, Аткарск, Балаково, Вольск, Маркс, Петровск, Пугачев, Балашов, Хвалынск, Энгельс. Это самобытные, непохожие друг на друга населенные центры с десятками памятников архитектуры и культуры, историей, уходящей своими корнями в многонациональное прошлое губернии.

Описание знаменательных моментов жизни и деятельности видных соотечественников, так или иначе связанных с Саратовским краем, особенностей формирования и развития территории, сбор и изложение легенд, сохранившихся до наших дней, пересказ любопытных историй, неординарных фактов и собы-

тий современности, повествование о дивных красотах неповторимой волжской природы – все это может положительно повлиять на формирование туристического имиджа области.

Вот один из ярких примеров. История Саратовской земли не одну сотню лет хранит тайны атамана Кудеяра. Кто он? Аютый разбойник, грабивший проезжих купцов? Робин Гуд, отбиравший сокровища у богатых и отдававший их бедным? Несколько веков идея найти клад Кудеяра бередила умы людей и толкала на поиск его сокровищ, поэтому пещера атамана Кудеяра в окрестностях села Лох Новобурасского района притягивала к себе кладоискателей из разных уголков России.

В 2002 году на основе этой легенды областным министерством молодежной политики, спорта и туризма, администрацией Новобурасского района и туристической фирмой «Ювента-тур» был разработан и реализован историко-познавательный тур в село Лох, под названием «Атаман Кудеяр». Окрестности пещеры посетили более двух с половиной тысяч детей.

Идея широкого использования в региональном туризме бытующих в народе местных преданий получила свое творческое развитие в рамках конкурса, объявленного министерством молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области. Этот конкурс стал в первую очередь свидетельством того, что не оскудела земля Саратовская талантами. При оценке конкурсных работ главное внимание уделялось не литературной форме изложения, а идее, которая может быть положена в основу туристического маршрута по родному краю. Однако представленные материалы, увлекательные и незаурядные сюжеты легенд, преданий, очерков и исследований навели на мысль об их опубликовании в виде сборника, главная цель которого – создание притягательного образа Саратовской области как региона, интересного для развития туризма.

В итоге появилось уникальное в своем роде произведение, поскольку в нем впервые сделана попытка собрать воедино легенды и предания, бытующие на территории Саратовской

области, в целях их дальнейшего использования в формировании системы внутреннего и въездного туризма.

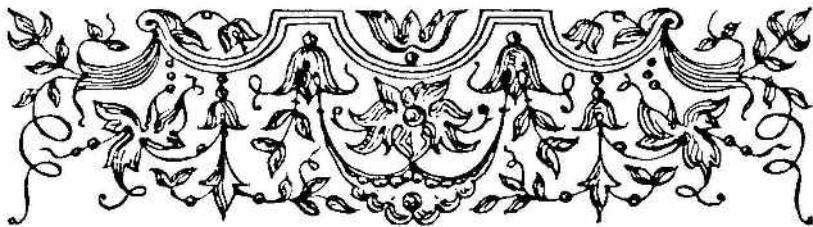
Авторы сборника – жители области разных возрастов и профессий: от школьников и студентов до ученых-историков и краеведов. Подавляющее большинство работ – это авторское изложение легенд и рассказов, живущих в народе и передаваемых из уст в уста, от старших к младшим на протяжении десятков лет, а иногда и веков. Часть работ является результатом архивных поисков и научных изысканий, проведенных на основе исследования достаточно древних источников.

Самыми первыми читателями конкурсных работ явились юные художники изостудии. Их впечатления от прочитанных легенд и преданий нашли свое воплощение в рисунках, иллюстрирующих сборник. Возраст юных художников от 6 до 12 лет.

Авторов всех представленных работ и иллюстраций к ним объединяет искренняя любовь к родному краю и его истории. Надеемся, что она передастся нашему читателю и позовет его в дорогу, чтобы увидеть места, где когда-то произошли удивительные события, воочию соприкоснуться с историей родной земли.

*А.В. Шарапов, первый заместитель
министра экономики
и инвестиций Саратовской области*

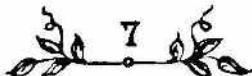

Кудеярова гора

Устали в нашем простом народе передаются из уст в уста давние-давние истории, бережно сохраняются поверья, легенды и обычаи. Глубоко они пустили корни в той среде, куда не заглядывало не только образование, но и грамотность. Саратовская губерния тоже богата народными легендами. Одну из них я хочу вам поведать. Есть в селе Лох, Саратовского уезда, Кудеярова гора, где, по народному преданию, спрятаны в пещере за железными дверями громадные сокровища разбойника Кудеяра, но золотой ключ от тех дверей лежит в глубине Симонова родника; к тому же и сам Кудеяр стерегет свои сокровища.

Лох — большое село Саратовского уезда, в 75 верстах от города Саратова; его обступили возвышенности: Кудеярова, Марунова и Каравульная горы. В Кудеяровой горе находится пещера с двумя утлubляющимися отверстиями. Одно из них называется трубой и расположено на самой вершине горы. Сейчас оно завалено щебнем, а прежде было свободно и опускалось внутрь горы отвесно на

глубину тридцати саженей. Это отверстие когда-то служило выходом для дыма из внутренних помещений пещеры. Другое отверстие размещается ниже, на склоне горы, обращенном на юг, на высоте приблизительно сорока саженей от дна долины. Теперь человек может только пролезть в него ползком не далее пяти саженей. Вход ведет внутрь горы извилистым коридором, а дальше проход завален упавшими камнями, затем он обрывается пропастью, из которой поднимаются газы, гасящие свечу, а на дне бурлит вода и веет холодом.

Про Кудеярову гору и пещеру рассказывают, что там когда-то жили разбойники, а атаманом был Кудеяр. Он обитал в пещере внутри горы, где было вырыто множество тайных ходов со всевозможными устройствами, располагались роскошные помещения и кладовые, наполненные разными драгоценными вещами. Уходя на разбой, атаман скрывал и заваливал вход так, что никто не мог отыскать его. Вход в пещеру и вся местность охранялись стражей; причем на Караульной горе Кудеярставил караулы, наблюдавшие за окрестностью.

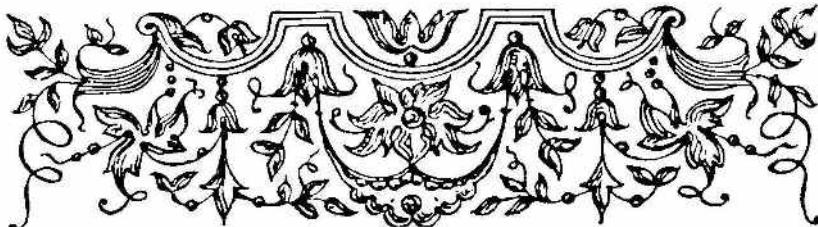
Народная легенда говорит, что этот подземный дворец цел и до сих пор, а в кладовых его лежат многочисленные богатства, закрытые за железными дверями. Сторожить их приставлен нечистый дух в образе седого старца. Кто высушит Симонов родник, тот найдет ключи от Кудеяровой пещеры. Народ верит, что у крестьянина Ерша была старинная записка, в которой подробно описана пещера и ее богатства. Когда Ерш умер, то записка пропала.

О Симоновом роднике существует особое предание: Кудеяр и товарищ его Сим вздумали однажды перескочить с Маруновой горы на Кудеярову. Кудеяр перескочил, но Сим сорвался и упал в долину. В том месте, где он упал, и ударили родник.

Рассказы старожилов обрастают всё новыми сюжетами... Шед, говорят, однажды лохоччанин около Кудеяровой горы, стемнело, он заблудился и попал в какую-то землянку. Видит, в ней сидит седой старик. На вопрос старика, откуда он и что ему нужно, путник ответил, что был на Кудеяровой горе, шел в

Лох и в темноте сбился с дороги. Тогда старец заявил, что они на Кудеяровой горе, а он сам Кудеяр. В это время влетела громадная птица, села старику на голову и стала клевать ее. Долго долбила птица голову седовласого Кудеяра, наконец с рассветом улетела. Несчастный вздохнул и поведал пришельцу, что более века как обречен он сторожить свои сокровища в горе по каре Божьей, за разбой. Каждую ночь прилетает эта огромная птица и клюет ему голову. Конца не видит он этому мучению. В землянке лежит краюха хлеба, которая никогда не убывает...

Легенды о Кудеяре

К

удеяр... Говорят, что именно о нем сложил народ одну из лучших своих песен:

Не шуми ты, мати, зеленая дубрава,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати!..

Кто же он? Бытует огромное количество легенд, в каждой из которых личность Кудеяра представлена по-разному.

В одних преданиях Кудеяр предстает разбойником, грабившим население; в других – опальным боярином, скрывавшимся от гнева грозного царя; в третьих – беглым разбойником и самозванцем, выдававшим себя за родственника царя; в четвертых – братом Ивана Грозного (сыном Василия III от первого брака). Историк А. Леопольдов полагал, что предводителем одного из разбойничьих притонов в Сердобском уезде Саратовского края «был атаман Кудеяр, татарин необыкновенного роста, зверовидной наружности и редкой силы». Считается, что жил он в пещере Кудеяровой горы, недалеко от села Аох.

В окрестностях этого села расположены возвы-

шленности и урочища, названия которых связаны с памятью о Кудеяре. Это Кудеярова, Марунова и Каравульная горы, Майоров дол, урочище Пушка, Утиное озеро. Кудеярова гора в прошлом представляла из себя хорошее городище, становище было окопано рвом и волами. У подножия Кудеяровой горы бьет Симов (или Симонов) родник, названный в честь друга Кудеяра, образуя речку Соколку, соединенную через реку Чардым с Волгой. В прошлом Чардым был полноводной рекой, и, по преданию, именно этим водным путем пользовались кудеяровцы для набегов на купеческие суда, идущие по Волге, все ценное свозилось в Кудеярово логовище — лог, именно отсюда пошло наименование села Лох, которое называют еще Кудеяровкой.

Вот одна из легенд, записанная Б. Зайковским в селе Лох весной 1919 года со слов 65-летней Анастасии Родионовой.

Кудеяр был царского рода. Он приходился родным братом Ивану Грозному. Когда до царя Василия III дошли слухи, что Соломония родила сына, он приказал убить его с тем, чтобы в будущем тот не претендовал на престол, во избежание смуты в царстве. Василий III послал к Соломонии двух убийц. Они же дорогой сговорились убить другое дитя — некрещеное, а царевича отослать к турецкому султану. На том и порешили, потому что думали себе жизнь спасти, а когда царевич вырастет, то за спасение своей души, дескать, их наградят и первыми в царстве людьми поставят. Вот приехали они в тот город (Сузdal) к матери его и все рассказали. Ну, ей-то, конечно, свое дитя жалко стало. Взяла она грех на свою душеньку: была при ней верная прислужница из татарок (некрещеная). Вот царица и говорит ей: «Мне сказали эти добрые люди, что царь велел моего сына убить, а ты, раба моя верная, докажи мне службу свою, отдай свое дитя некрещеное тем убийцам на смерть, а я тебя не оставлю!» Залилась татарка слезами и просит: «Сначала меня убейте, а потом убейте мое дитя». Так и сделали.

С царевичем приехали к самому султану и все ему по чистой правде рассказали. Обрадовался султан и говорит им: «Хорошо,

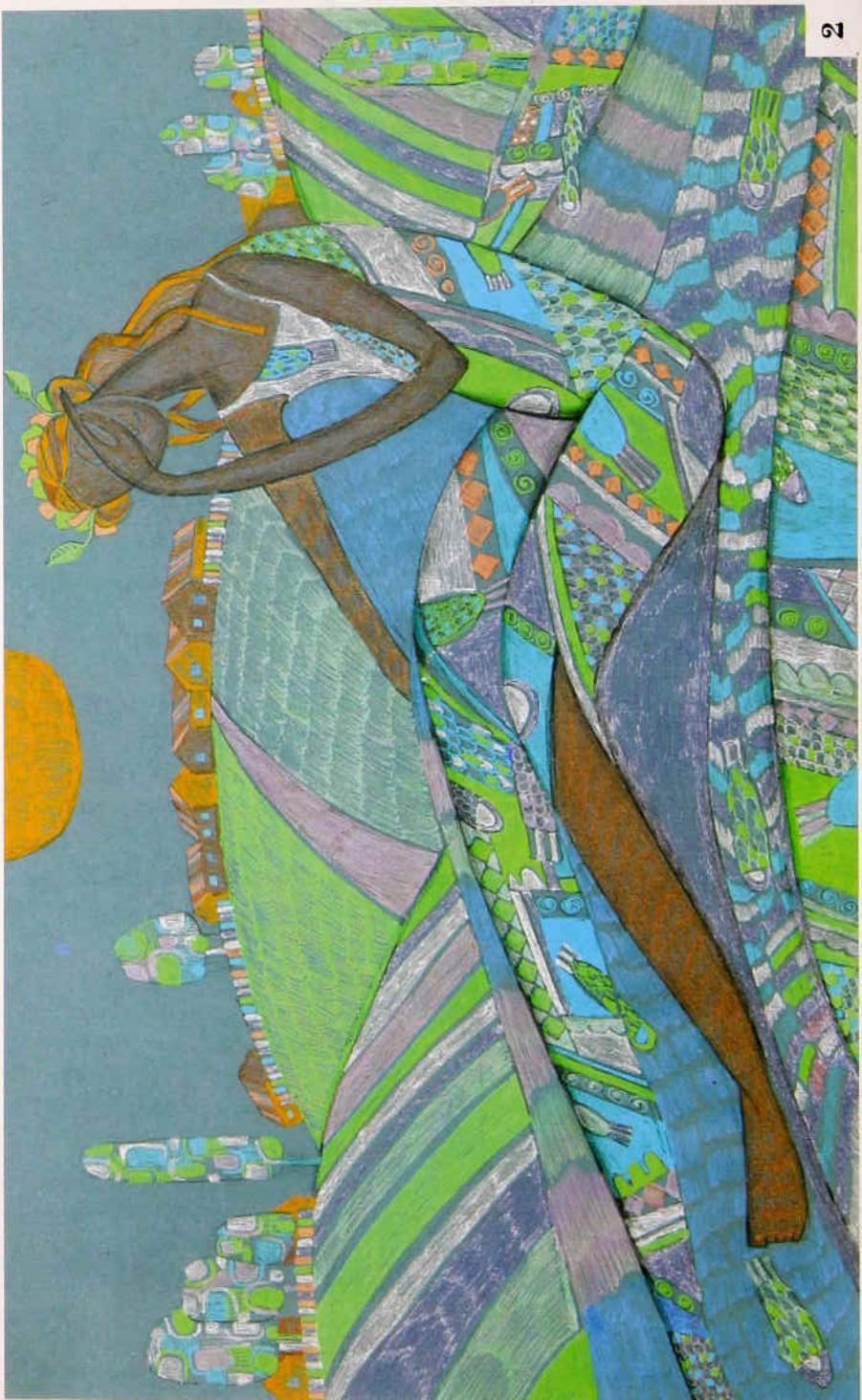
царевича оставьте у меня, а вас я большими людьми сделаю; когда царевич вырастет, дам вам войско и казну, вы покорите всю Россию, царевича на престол посадите. Но только за эту помощь вы должны будете нашу веру принять и от Иисуса Христа отрешиться! Стали они промеж себя совет держать. Симон, который был помоложе, согласился, а другой, которого звали Иван, сказал: «Нет! От Христа я не откажусь и против царя не пойду!» Наутро Симон пошел к султану и все рассказал ему. Султан велел Ивану голову снести, а Симону говорит: «Когда царевич в лета войдет, мы его женим и веру он нашу примет». Царевича назвали Кудеяром и в свою веру перевели. Рос он рос и таким богатырем вышел, какого во всей турецкой земле не оказалось. Когда исполнилось Кудеяру 17 лет, его женили, а потом с большим турецким войском направился он в Россию через Каспий, чтобы отомстить за несправедливость.

Но разыгравшаяся на море буря разметала турецкие корабли. Погибли все, в том числе и жена Кудеяра. Спаслись только Кудеяр и Сим. Судьба привела их к раскинутому в лесах татарскому становищу, которое находилось в окрестностях нынешнего села Лох. Поселились в пещере горы, прорыв в ней ходы. Стал собирать Кудеяр к себе молодцев, беглый люд, а с ними потом принял грабить купцов и бояр. Часть отнятого богатства отдавал бедному люду, другую часть складывал в пещере, украшал комнаты коврами персидскими да столами дубовыми и всяким добром. А чтобы в горе воздух был легкий, чтобы можно было огонь развести и коней держать, пробили сверху горы отверстие в виде трубы. Внутри выложили ее камнями, чтоб земля не обсыпалась в жилье.

Шло время, Кудеяр – атаман разбойников – собрал казну богатую, много золота, целые бочки серебра и камни самоцветные. Однажды, вернувшись из очередного разбоя, его верный товарищ и друг привез Кудеяру в подарок невиданную красавицу Настю. Полюбилась она Кудеяру.

Дошла молва о делах Кудеяровых до Ивана Грозного. Двинул он на Волгу большое войско. В свою очередь Кудеяр созвал

к себе всех степных атаманов да татарских ханов, мечтавших отомстить Ивану Грозному за разгром из ханств. Собралось народу столько, что места на горе не осталось свободного. Захотел Кудеяр показать всем удаль своих воинов, поспорил, что Сим на коне перепрыгнет с Маруновой горы на Кудеярову.

Пришпорил коня Сим и перелетел с горы на гору. Ахнули все, не думали они, что Сим живой останется. А Сим еще похвастался перед ними: «Это что, вот раз атаман послал меня за сто верст, так я на этом коне с горы на гору и не такие пропасти перелетал». И не заметил Сим, что конь его на ногах чуть дергится. Повернул коня, попрощался. Взвился конь, но на самой середине упал от усталости замертво. Да так грохнулся вместе с всадником, что ушел в землю на семь сажен. И забил из той ямы родник, который потом назвали Симовым. Вода в нем чистая да легкая.

«Пришла беда, отворяй ворота», гласит пословица. Заболела атаманова жена, красавица Настя. Вскоре она умерла. Темнее тучи стал Кудеяр. Нарядил покойницу в парчу да бархат, в жемчуга да камни самоцветные. Гроб ей сделал дубовый, серебром окованный. На развилке трех дорог вырыл ей под могучим молодым дубом могилу. А когда стали ее землей засыпать, увидели обоз, который на трехстах подводах следовал из Москвы в Астрахань. Безли вино в бутылях да штофах старинных. Кудеяровцы разграбили обоз, вино слили в бочки дубовые, а посуду перебили на мелкие кусочки и засыпали на могилу верной жены. Получился целый курган.

Вино то выпили за упокой ее души.. Старики сказывали, утверждает А. Родионова, это еще на их памяти на местах могилы при солнце словно звезда горит: то стекло сверкает и переливается.. Схоронил Кудеяр сразу и друга, и жену любимую, и постыл ему стал белый свет. К чему казна несметная? К чему удаль богатырская? Созвал вновь Кудеяр атаманов лихих и молвил: «Царя Ивана я не прощаю не за свою обиду, а за то, что для народа он зверь лютый. С ним вы сражайтесь, а меня, Кудеяра, забудьте. Не поминайте меня дурным словом, не судите меня

строго. Не мил мне стал Божий свет. Возьмите моих коней, мое оружие, порох и казны моей часть. Идите каждый своей дорогой, а сюда дорогу забудьте». Разъехалось войско, остался Кудеяр один..

«Стал он строить в своей горе церковь Божью, — завершает рассказ А. Родионова. — Иконостас поставил из части золота, серебряные отлил колокола, сосуды святые да книги все (из других церквей награбленные) в той церкви собрал. Завалил все входы в свое подземное жилье. Свои и людские грехи перед Господом замаливает. Старики раньше говорили, что под большие праздники глубоко под землею слышен был перезвон его серебряных колоколов, а затем он прекратился, и решили, что Кудеяр умер...».

Иная легенда о Кудеяре записана Т. Ладухиной, дед которой жил в Ложу в XIX веке.

По приказу поместьца на глазах двух братьев засекли насмерть их родителей. Два окровавленных трупа выбросили в яму. А в полночь над поместьем занялось огромное зарево пожара. К утру от усадьбы остались одни уголья, среди которых валялись трупы барина и его слуг.

Оба брата, Сим и Кудеяр, запалив усадьбу, вскочили на лихих коней из барской конюшни и умчались в синюю даль волжских просторов. На своем пути каждую ночь они поджигали поместьчицы владения и оставались неуловимыми на своих скакунах. Братья создали себе отряды из беглых рабов и разделились на две группы. Они жгли поместья, убивали их владельцев, забирали с собой их богатство. Пять лет Сим и Кудеяр со своими отрядами «гуляли» по волжским степям, по Уральским горам и по долинам рек Хопер и Медведица.

Дальше в предании повествуется о том, как однажды ночью, когда все спали, а Кудеяр сидел на берегу Волги, он услышал конский топот и голоса. Атаман разбудил своих. Лишь только обоз, охраняемый полицией, приблизился, разбойники напали на него и захватили все драгоценности и молодую, необычайной красоты девушку. Она была прекрасна. С русыми, пыш-

ными волосами, с черными, как агат, глазами, руки ее были белы, как мрамор, голова величаво держалась, тень печали лежала на лице. Это оказалась дочь дворянина, который за вольнодумство был сослан в Сибирь на вечное поселение. Девушку же, красавицу Людмилу, определили в наложницы какому-то вельможе. Сильно полюбилась Людмила Кудеяру, он нарядил ее в шелка и бархат, на ноги надел сафьяновые сапожки, шею и руки украсил жемчугом и другими драгоценными камнями. Он любовался ею день и ночь. Людмила тоже полюбила Кудеяра, и они решили пожениться. Послали гонца разыскать Сима и пригласить его на свадьбу. Сим не замедлил явиться. И на берегу Волги, где возвышаются Жигулевские горы, устроили богатую свадьбу. Симу тоже понравилась Людмила, и он решил отнять ее у брата. Когда Людмила спустилась к реке искупаться, Сим упал перед ней на колени с молящими глазами. Глаза горели негой и страстью, он как зачарованный смотрел на неземную красоту Людмилы. Когда Сим понял, что Людмила неумолима, и убедился, что она любит Кудеяра, он решил силой завладеть ею и позвал своих друзей. Они схватили ее и хотели ускакать. Людмила вскрикнула так, что услышал Кудеяр. Он жестоко расправился со своим наглым братом, а со своим отрядом и любимой женой уехал в лесостепную полосу России.

Пробравшись через топкие болота, Кудеяр остановился у высокой горы, которая теперь называется Кудеяровой. Там, где протянулась цепь венценесленых, стройных сосен, и находилось его убежище — глубокая пещера. Здесь поселился Кудеяр со своей женой и друзьями. Гора, на которой расположилось Кудеярово войско, всегда шумела радостными голосами, песнями. Его товарищи на склонах гор, вокруг дола разбили сады, а в сухом месте дола стали сеять пшеницу и садить бахчи. Это самое место теперь называется Сухоуловской. В предании говорится, что Кудеяр безумно любил жену, целые дни и ночи проводил с ней. Тем временем Сим, потеряв след Кудеяра, искал его. Любовь к Людмиле все сильней жгла его сердце, и он решил во что бы то ни стало найти ее. Однажды ночью Сим со своим отря-

дом остановился на отдых на противоположной горе от Кудеярова лога, услышал знакомый голос Пела Людмила. Сердце в его груди сильно забилось. Всю ночь он не спал, а утром Сим вызвал Кудеяра на бой. Простившись с женой, Кудеяр вскочил на коня, Сим уже ждал его. Братья взмахнули мечами и понеслись навстречу друг другу как ураган. Они встретились в воздухе над ущельем между гор, где и начался бой. Меч Кудеяра вонзился в сердце коня Сима, в то время как меч Сима рассек богатырскую грудь Кудеяра. Насмерть раненный конь Сима вместе с седоком рухнул в ущелье, исчезнув в трясине, и на том самом месте забил фонтан холодной прозрачной воды. Говорят, это слезы Сима.

А конь Кудеяра, заржав, помчался обратно на гору, где стояла побледневшая Людмила. Она упала на бездыханное тело своего супруга и горько рыдала. Кудеяра похоронили за чугунной дверью в пещере. Большинство разбойников уехали и расселились по белу свету, но часть остались вместе с Людмилой, у подножия горы выстроили себе дома. Через четыре месяца у Людмилы родилась дочь. Она выросла, вышла замуж. И от них пошло потомство кудеяровцев, а селение стало называться Кудеяровкой. Людмила умерла в глубокой старости, и ее похоронили рядом с Кудеяром в пещере за железными дверями. В предании отмечается, что вначале вход в пещеру шел по вертикали метров на двенадцать, затем ноги ступали на каменное дно. Солнечный свет не проникал, и приходилось зажигать свечу. В центре пещеры расстояние хода расширялось, а в середине стены стояла огромная железная дверь, запертая большим замком с надписью «Лог». Там находились все сокровища. Много золота, жемчуга, других драгоценностей. Когда посмотришь в щелку между створками дверей, как рассказывают, то за стенами видишь свет, похожий на свет луны, такой бледно-перламутровый, иногда с разноцветными отливами. Многие пробовали проникнуть в святыню Кудеяра, но безуспешно. Открыть замок на той загадочной двери никому не удалось.

В следующей легенде повествуется о том, как Аксюша, писаная красавица, вскружила головы атаману Кудеяру, Симу и Маруну. Начали те враждовать меж собой. А потом решили соперники помериться силой: перескочить на конях с одной горы на другую. Кто одолеет, тот будет владеть красавицей. Оседали коней, надели доспехи. Сим въехал на гору, что стоит через долину от Кудеяровой, Кудеяр — на свою, Марун — на свою. Сим первым ринулся в бой. Конь разбежался, оттолкнулся и вместе с всадником взлетел, но не смог перемахнуть долину и упал между гор. Провалился у самой подошвы Кудеяровой горы, близ берез. И в этом месте брызнула вода.

В Кудеяровой горе находится пещера с двумя отверстиями. В пещеру ведет узкий извилистый подземный ход от середины довольно крутого склона горы, тянущийся внутрь саженей на сто; из внутреннего помещения до верхней площади горы проделано отверстие, саженей в тридцать длины — «труба», через которое выходил дым наружу. В пещере Кудеяра было много тайных ходов. Внутри горы был «дворец», как называют его рассказчики, который был окружен коридорами. Помещения внутри пещеры богато убраны сокровищами, добытыми при набегах. Здесь же в пещере была и конюшня.

После двадцати лет совместной жизни у великого князя Василия III и Соломонии не было детей. Обеспокоенный отсутствием наследника, он стал подумывать о разводе. Соломонию обвинили в бесплодии и насильственно заточили в Сузdalский Покровский девичий монастырь. При пострижении ей дали имя София.

Василий III вторично женился, взяв в жены литовскую княжну Елену Глинскую. Только через три года желаемый результат был достигнут: великая княгиня родила 25 августа 1503 года знаменитого Иоанна IV Васильевича.

А тем временем, вскоре после заточения Соломонии в монастырь, по Москве стали распространяться слухи, что у ссыльной княгини родился сын, которого она назвала Георгием. По распоряжению Василия III в Сузdal были направлены его

ближайшие помощники для установления истины. Однако Соломония отказалась показать ребенка, сказав, что когда он вырастет, то явится, чтобы завладеть принадлежавшим ему по праву престолом и отомстит за позор матери. По свидетельству монахов, вскоре ребенок скончался и был погребен в Покровско-Сузdalском монастыре..

Эта легенда получила неожиданное подтверждение. В 1934 году реставратором, директором Сузdalского музея Алексеем Дмитриевичем Варгановым, около гробницы Соломонии-Софии было найдено и вскрыто надгробие XVI века, а под ним обнаружен гробик-колода, в котором находилась кукла, одетая в маленькую шелковую рубашечку. А.Д. Варганов предположил, что «ложное захоронение было устроено Соломонией с целью спасения ребенка»(!).

История рождения сына у Соломонии – это монастырская легенда, получившая широкое распространение. С другой стороны – Кудеяр, герой легенд и преданий, неизвестно когда и где родившийся. Не исключено, что имена Соломонии, Кудеяра и Ивана Грозного были впоследствии искусно соединены между собой. Так родилась легенда о родстве Кудеяра и Ивана Грозного.

В XIX веке в России широко было распространено кладоискательство. Слухи о несметных кладах, зарытых Кудеяром, породили целую армию кладоискальщиков. Поиски знаменитых кладов, в реальность существования которых многие верили, привели к тому, что кладоискальщики только им известными путями находили и располагали целыми описями этих кладов с приметами мест, по которым якобы можно было разыскать сокровища. На один из таких документов, датированный 1605 годом и подписанный самим Кудеяром, ссылается А.Н. Минх:

«В начале сентября 1887 г. пристав пятого стана Саратовского уезда Ф.А. Горин прислал ко мне крестьянина Пензенской губернии, Краснослободского уезда села Самоевки Никифора Егорова-Милина, лет 55, который на мои расспросы

объяснил, что у товарища его, оставшегося дома, есть документ 1605 г., подписанный Кудеяром Кудеяровым, где описано, что против Кудеяровой горы и той норы или входа, который ведет во внутреннюю пещеру, немного выше родника, на противоположном берегу речки, в склоне горы находится заваленный вход с приметами, ведущий в три погреба, в которых хранятся большие богатства. В этой же старой грамоте значится, что несколько верст от входа есть рытое озеро и около него грядки, указаны и другие приметы. На этот клад положен был Кудеяром зарок на 200 лет. Кудеяр был "Хозяином" и чеканил монету из своей руды, он сам спрятал сокровища в этих погребах. "Рыть вход должны рабочие в нечетном числе. В Пензенской губернии, — говорил Милин, — есть пять становищ Кудеяра, я с товарищем, у которого хранятся эти бумаги, ходил по этим местам, но приметы не сходятся". Теперь он пришел один в с. Лох и все приметы сходятся с тем местом, которое лежит саженях в 300 от села Лох против Кудеяровой пещеры и Симова родника, верстах в двух с чем-то есть рытое озеро с грядами около него.

Лоховчане в прошлом веке тоже утверждали, что у местного жителя — крестьянина Григория Ершова (давно умершего) тоже была старинная записка, доставшаяся ему по наследству, в которой подробно описаны все входы в пещеру и ее богатства. На склоне горы будто находилась гробница жены Кудеяра, в другом месте молельня с множеством старинных икон в богатых окладах, а третьем — дворец, где скрыты его сокровища. "Ерш был одинок, и когда умер, то записка пропала", — говорили жители Лоха».

Впечатления от таинственной и загадочной личности Кудеяра были настолько сильными, что вдохновили известных поэтов, историков XIX века, а также крупных писателей на создание художественных произведений, посвященных этому легендарному персонажу. Его имя обессмертил Н.И. Костомаров в романе «Кудеяр»; он был воспет Н.А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»; Н.А. Навроцкий сло-

жил о нем проникновенное сказание «Последняя любовь Кудеяра»...

Об атамане Кудеяре написаны и научные труды. Так, член Московского археологического общества А.Н. Минх, изучая в 1861–1888 годах народные обычаи, суеверия и традиции крестьян Саратовской губернии, подробно отображает в своих записях и Кудеярову гору с имеющимися на ней двумя отверстиями. Как известно из «Саратовского дневника» № 181 за 1880 год, в село Лох приезжала ученая комиссия, состоящая из одного представителя Московского археологического общества и одного члена Казанского археологического общества. Занимались Кудеяровой горой в 1890 году и ученые Саратова. А.Ф. Милощенко в своем очерке о Кудеяре пишет: «В 1977 г. один старик 80-ти лет из с. Лох говорил, что с ним вела разговор в 1898 г. какая-то комиссия, которая что-то раскапывала на горе, но вскоре работу приостановили, т.к. не хватило средств. Он же говорил, что в 1903 г. в Лох приезжали 3 человека из Петербурга, которые вели разговор о произведении на горе нескольких взрывов, но это вызвало у них большое опасение, т.к. от взрыва мог получиться завал тех мест, откуда бьют родники и село останется без воды».

В августе 1890 года в Лох приезжала археологическая экспедиция в составе помощника председателя статистического комитета А.И. Соколова, члена комитета А.Н. Минха, усердно занимающегося археологией и поместившего много статей по этому предмету в «Саратовских губернских ведомостях», секретаря комитета Ф.М. Преображенского. В их отчете воспроизведен образ Кудеяровой пещеры на тот момент: «В Кудеяровой горе находится пещера с двумя отверстиями, ведущими внутрь горы: одно из них называется “трубой” и расположено на самой вершине горы, но так завалено щебнем, что отверстия не видно и осталась только яма, глубиной в сажень. Прежде, как говорят лоховчане, отверстие было свободным и можно было опускаться на глубину около 30 сажень внутрь горы отвесно, тогда было видно, что стенки “трубы” из дикого камня, ясно носят на

себе следы копоти от дыма, почему можно думать, что отверстие действительно когда-то служило выходом для дыма из внутренних помещений пещеры, это отверстие, по словам стояржилов (в 1880 г.), лет 20 тому назад завалили солдаты, стоявшие в селе Лох Бутырского поселка. Другое отверстие вроде русской печи находится ниже, на склоне горы, и обращено на юг, приблизительно сажень 40 от dna долины, последнее имеет теперь около $\frac{3}{4}$ аршина высоты и около 18 вершков ширины и помещается в яме; человек может теперь только пролезть в него ползком не более 5 сажень. Вход этот ведет далеко внутрь горы извилистым коридором. Раньше, как говорят лоховчане, можно было проникнуть по нему сажень до 60-ти. А дальше проход заслонен упавшими камнями, затем обрывается пропастью, из которой поднимаются пары, гасящие свечу, и на дне которой бурлит как будто вода и веет холодом. Вход в пещеру год от года обваливается, заносится щебнем и песком от весенних потоков. В 1870-х годах смельчаки живописцы, работавшие в лохонской церкви, смогли проникнуть на 70 сажень внутрь горы. Они нарисовали план своих исследований, но куда они его дели, неизвестно».

В начале XX века Ф.М. Миющенко, проживавший в восьми километрах от Кудеяровой пещеры, и его товарищ из деревни Александровка Даниловского района Пензенской области С. Пугачев с большим трудом проникли в глубь пещеры на 30–35 метров. В 1920 году отец и сын Миющенко не смогли пробраться более чем на 20 метров.

В 1924 году в селе Лох побывал Г.Г. Свенцев, который опулся в пещеру на 30 метров и якобы добрался до железной двери. В краеведческом музее города Саратова есть его тетрадь, где он описывает пещеру.

В июне 1957 года краеведческий отряд Энгельсского дома пионеров по руководством М.С. Шпилева прибыл в село Лох на раскопки пещеры. С ними вместе находился и корреспондент Всесоюзного радио, отмечавший затем в своих репортажах, что раскопки прошли успешно. Эти материалы дошли до

большого круга слушателей. В газетах «Комсомольская правда», «Труд», в саратовском «Коммунисте» стали печататься очерки о тайнах Кудеяровой пещеры.

На многие вопросы ответил директор Саратовской табачной фабрики А.Ф. Миющенко, семья которого проживала раньше в этой местности. Его дед М.Т. Грошев занимался сбором и критическим изучением легенд и сказаний о Кудеяре и его пещере. Хотя Михаил Тимофеевич был простым сапожником на селе, он выезжал в ряд городов Кавказа с одной лишь целью — что-либо прослышать о Кудеяре. После смерти М.Т. Грошева преемниками стали родители Андрея Федоровича. Он с ними неоднократно бывал на Кудеяровой горе, спускался в пещеру метров на тридцать. «Деятельность моих родителей, — отмечал Андрей Федорович, — уже не сводилась к собиранию легенд и сказаний, так как в их распоряжении имелось достаточно материала, к тому же очищенного от противоречий, чем страдали почти все легенды».

В 1958 году А.Ф. Миющенко представилась возможность принять участие в раскопках в качестве консультанта экспедиции Энгельсского дворца пионеров. Раньше энгельсских прибыли в Лох ребята из Новобурасского дома пионеров и начали копать там, где врывались в гору энгельсские туристы.

Эта экспедиция была длительной. В ее подготовке принимали деятельное участие десятки людей. Необходимую помощь оказывали работники Саратовского университета, областного архива, краеведческого музея. Из древнего города Суздаля приходили письма от известного археолога Варганова, который внимательно следил за работой краеведов и помогал добрыми советами. А.Ф. Миющенко указал место входа в пещеру, и новобурасские и энгельсские туристы расчистили прежний вход на 15 метров. Потом юные краеведы из Энгельса занимались углублением ямы на вершине горы, которая должна показать следы нахождения трубы. Работа продолжалась шесть дней, и расчищено напрямую вглубь до 35 метров.

Обнаружен вход в пещеру «труба», найдены большой ключ

и металлическая пластинка с «изображением» Кудеяра. Археологи раскопали шлак, оставшийся от плавки металла, черенки посуды, становище атамана, вал, окружавший становище.

Расчищенное место (отверстие входа) могло бы стать интересным объектом для экскурсии, в первую очередь из Саратова и области. Вместе с тем любопытно расследовать, что же таит в себе заветная гора. Вдруг в ней и в самом деле скрыты богатства, а быть может, там лежат только груды человеческих костей?

Скоро минет 400 лет, как Кудеяра не стало. Однако легенды и сказания о нем стойко живут в народе и поныне. Нет основания считать, что все предания о Кудеяре от начала и до конца являются вымыслом. Кудеяр, несомненно, был. И Кудеярова пещера представляет интерес для историков, археологов, туристов.

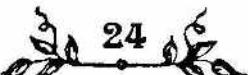
Кудеяр

6

дним из самых загадочных мест Саратовской области является пещера Кудеяра. Находится она в Кудеяровой горе рядом с селом Лох Новобурасского района в восьмидесяти километрах на север от Саратова. С трех сторон село окружено лесными возвышеностями, в числе которых горы, носящие названия Кудеярова, Каравульная и Марунова. Высота их от 100 до 120 метров над уровнем долин.

На вершине Кудеяровой горы – ровная безлесная поляна. Три стороны горы круто спускаются в узкие долины, по дну которых текут ручьи. Подъезд к горе возможен только с восточной стороны, и то небольшой по ширине, так как у этого склона с давних пор близко к горе находилось Ужковое озеро, которое сохранилось и поныне.

У подошвы Кудеяровой горы, между нею и Маруновой, бьет родник, названный Симовым; вода его течет на юго-восток, образуя ручей Соколка, на котором расположено село Лох. За селом Соколка соединяется с другим ручьем Лошок, образую-

щим по течению несколько маленьких озерков; соединенные Соколка и Лошок впадают в речку Чардым, текущую в Волгу. Когда-то в Лошке ловилась рыба-форель, которая называлась здесь, как и ручей, — лошок.

В Кудеяровой горе находится пещера с двумя отверстиями, ведущими внутрь горы. Одно из них называется «трубой» и расположено на самой вершине горы, но так завалено щебнем, что отверстия не видно и осталась только яма. Прежде, как говорят лоховчане, отверстие было свободно и опускалось на глубину около тридцати саженей внутрь горы отвесно. Тогда было видно, что стенки «трубы» выложены из дикого камня и ясно носят на себе следы копоти, — вероятно, отверстие служило выходом для дыма из внутренних помещений пещеры. Другое отверстие находилось ниже, на склоне горы, обращенном на юг.

По народному поверью, в пещере за железными дверями хранятся громадные сокровища разбойника Кудеяра, но золотой ключ от них лежит в Симовом роднике и достать ключ может лишь тот, кто вычерпает этот родник.

Недалеко от Кудеяровой горы, в конце Майорова дола, есть урочище, сохранившее название Пушки: здесь, говорят, находили ружейные стволы, попадались куски пережженного железа; по народному сказанию, здесь были кузницы Кудеяра, на которых и заготовлялось оружие для его войска. Сам же атаман жил в пещере внутри нынешней Кудеяровой горы, в которой было вырыто много тайных ходов и устроены роскошные помещения и кладовые, наполненные разными дорогими вещами. Внутри жилье пещеры (дворец, как выражались рассказчики) было окружено коридором. Уходя в набег или на разбой, Кудеяр скрывал и заваливал ход, так что никто не мог отыскать его. В народной легенде сообщается, что этот подземный дворец цел до сих пор и в кладовых его множество богатств, спрятанных за железными дверями. Двери заперты замками размером с поросенка.

При Кудеяре вход в пещеру и вся местность, где был стан

разбойников, охранялись стражей; кроме того, на Каравульной горе Кудеяр ставил караулы, наблюдавшие за окрестностью. О Симоновом роднике тоже существует предание: Кудеяр и его товариц Сим вздумали однажды состязаться в силе и ловкости коней; надо было перескочить с Маруновой горы на Кудеярову. Кудеяр на своем коне перескочил, а Сим оборвался и упал в долину: в том месте, где он провалился под землю с конем, и ударил родник, носящий и поныне его имя.

Кто такой Кудеяр?

О происхождении легендарного разбойника существует много версий. Одну из них предложил замечательный русский и украинский историк Н.И. Костомаров. Кстати, за участие в тайном обществе Н.И. Костомаров около десяти лет, до 1859 года, находился в ссылке в Саратове. Возможно, здесь он и написал свою историческую хронику «Кудеяр». В Саратовском краеведческом музее хранится легенда, записанная в селе Лох в 1919 году со слов 65-летней А. Родионовой. В ней так же, как и у Н.И. Костомарова, утверждается, что Кудеяр был братом Ивана Грозного.

Как известно, первой женой царя Василия (отца Ивана Грозного) была Соломония Сабурова, с которой он прожил десять лет, но, несмотря на продолжительность совместной жизни, детей у них не было. Вот за бездетность-то и сослал ее царь Василий в Покровский монастырь города Суздаля. В это время Соломония еще не знала, что она беременна, а почувствовала это только во время пострижения в монахини, но было поздно. Через несколько месяцев у нее в монастыре родился мальчик.

Царь Василий вскоре после того, как Соломония была сослана в монастырь, женился на Елене Глинской, которая через некоторое время забеременела и родила сына, будущего царя Ивана Грозного.

Когда царь Василий узнал о рождении сына Соломонией, было решено убить младенца, рожденного в монастыре, с тем чтобы в будущем он не претендовал на престол и во избежа-

ние смуты в царстве. Горько плача, долго уговаривала Соломония прибывших слуг царя не убивать младенца. В конце концов, чтобы сохранить царственного ребенка, было решено тайно убить вместо него кого-то другого. Соломония подъскала одну татарку, имевшую младенца, и будто бы уговорила ее убить мальчика.

После некоторого раздумья татарка согласилась на просьбу монахини при условии, чтобы вместе с сыном убили и ее, что и было исполнено. Для сокрытия возможных подозрений было произведено ложное захоронение, то есть вместо тела младенца в гробик положили куклу и похоронили в склепе Соборного храма Покровского монастыря. Кукла в гробик положена была потому, что тело татарина положить было нельзя, так как это было бы осквернением православной русской церкви.

Младенец же, рожденный Соломонией, вскоре был отправлен на воспитание к турецкому султану, где получил имя Кудеяр.

О происшедшем темном монастырском деле узнал брат татарки Симон, который и доложил о том царю Василию, одновременно упросив царя послать его, Симона, в Турцию для убийства царевича. Царь дал согласие. Симон прибыл в Турцию, но султан отказался выдать царевича, а Симона уговорили принять ислам и дали ему имя Сим.

Впоследствии Сим привязался к Кудеяру и полюбил его как родного сына. Когда Кудеяр, находясь в Турции, достиг совершеннолетия, его женили на девушке из знатной семьи. Затем султан снабдил Кудеяра средствами, оружием, небольшим войском, и тот на судне вместе с женой и другом Симом отправился на Русь на борьбу за царский престол. Говорят, что султан лично советовал Кудеяру идти на царя только с помощью татар и дал ему грамоту к татарскому хану, в которой якобы содержалась его просьба об оказании помощи действительному наследнику русского престола. В пути Кудеяра в низовьях Волги постигло большое несчастье. Во время разыгравшейся сильной бури не только разбилось его судно, но и погибли все

люди, в том числе и жена. Удалось спастись лишь ему самому да верному Симу.

Пробираясь пешком вместе с другом вверх по течению реки Волги, Кудеяр тяжело переживал все то, что с ним случилось во время бури, но беда не приходит одна, вскоре он узнал, что царь Иван покорил Казань. Это известие окончательно расстроило его планы, и он, как никогда, почувствовал себя крайне слабым и беспомощным.

Судьба привела его с товарищем к раскинутому в лесах татарскому становищу, которое находилось в то время в окрестностях нынешнего села Лох. В непосредственной близости к татарскому становищу, на горе, отделяемой от места расположения татар узким заболоченным долом, и остановились Кудеяр и Сим.

Когда последний раз татары под водительством Девлет-Гирея двинулись на Москву, Марун, находящийся со своим войском на горах села Лох, предложил атаману Кудеяру пойти на Москву вместе, на что тот дал согласие, получив от Маруна заверение, что во время наступления татары по пути продвижения не будут жечь русские деревни и города, а также и Москва будет сохранена от пожаров.

Однако, когда татары окружили Москву, город был ими подожжен со всех сторон. Коварство татар привело Кудеяра в бешенство, и он обратил все свои силы против них. Завязалась ожесточенная схватка. Кудеяр не мог выдержать превосходства татар и был разбит ими полностью. Убит был и сам. Остались в живых только несколько его разбойников.

Говорят и так, что Кудеяр после сражения с татарами остался жив, но был захвачен войсками царя Ивана Грозного, а затем приговорен к смертной казни. Перед казнью на вопрос пристава, кто он, Кудеяр ответил народу, что он тот, кто должен быть на русском престоле. Перед уходом вместе с татарами на Москву на Кудеяровой и Каравульной горах никто не остался, а все входы в пещеру были тщательно завалены.

Таким образом, прочно вошедшая в народное сознание

легенда утверждает, что Кудеяр был царский сын и звали его Юрий Васильевич. Кудеяр – кудри ярые – рыхкие, значит.

А вот уже не из легенды.

В лирическом дневнике «Владимирские проселки» В.А. Соловухин рассказывает о посещении в Суздале Покровского монастыря. Его экскурсоводом был директор Суздальского заповедника А.Д. Варганов.

«— Здесь, — остановился Алексей Дмитриевич у крайнего к входу камня, — пожалуй, самая интересная могила. Хотите, расскажу? Соборный храм в этом монастыре основал отец Ивана Грозного — царь Василий. С ним была и царица — молодая красавица Соломония Сабурова. Она, конечно, не могла знать наперед, что через десять лет муж сошлет ее в этот монастырь. Сослал же он ее за бездетность. Царю наследник нужен, а Соломония не рожала и не рожала.

Не хотелось ей, бедной, постригаться. Билась, говорят, ножницы из рук вырывала, плакала...

Царь Василий между тем женился на Елене Глинской, вскоре родившей мальчика, не кого иного, как будущего Ивана Грозного. Однако что же Соломония?

Постригли ее за бездетность в монахини, и вдруг вскорости она забеременела и даже ребеночка родила. Этот ребенок с рождения был обречен на смерть. Его бы, конечно, убили, дабы, когда вырастет, не претендовал на престол, не заводил в царстве смуту. Как-никак, родной брат Ивану Грозному.

Но прошел слух, что он помер и похоронен в этом склепе. Похоронен и похоронен — как говорят, концы в воду.

Недавно пришла мне мысль: дай-ка раскопаю, погляжу, что там, в могиле. Раскопал, вижу — гробик крохотный, а в гробике... кукла, обыкновенная кукла, в тряпки одетая, словно сейчас положили.

Захоронение оказалось ложным. Его устроили, чтобы спасти жизнь настоящему младенцу. Значит, настоящий-то младенец остался жив.

— И что же, какая его судьба?

Варганов помолчал — может быть, для большего впечатления.

— Разбойника Кудеяра слышали? Он. У меня нет в руках точных данных, но окольные исторические наблюдения, опыт и интуиция подсказывают мне, что он и есть разбойник Кудеяр».

В январе 2000 года мы с отцом побывали в Суздале в действующем Покровском монастыре. Я еще раз услышал рассказ о Соломонии Сабуровой, сосланной сюда, и о кукле, захороненной вместо ее сына. Древняя история Руси была совсем рядом с нами.

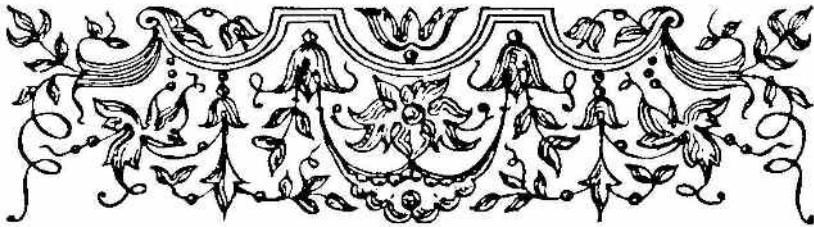
Без малого четыре века прошло с тех пор, как погиб разбойник Кудеяр, а сказания, легенды и песни о нем живут. Так и слышится могучий бас Федора Шаляпина:

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр-атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан..

Все интересно в прошлом, потому что без прошлого не было бы и нас.

Давно уже Кудеярова гора привлекает внимание и любителей, и ученых. Но тайна пещеры до сих пор не раскрыта.

Легенда о Стеньке Разине

И

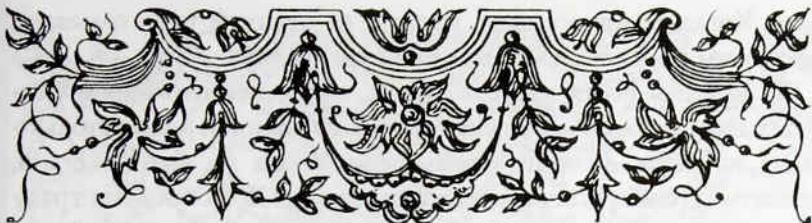
иже сел Золотого и Банного, на правом берегу Волги, в долах слободы Даниловки, в четырех верстах от нее и в трех от села Лапоть, расположен между бараками, выходящими к Волге, полукруглый бугор вышиной от подошвы в 20 саженей; на нем сохранились три канавы, глубиною каждая до двух аршин, прорытые от одного барака до другого; посередине канав оставлено непрорытое место. Этот бугор носит название кургана Стеньки Разина. Здесь, по преданию, было жилье этого знаменитого атамана-колдуна, обитое бархатом, и яма, в которой содержались пленные. На самом бугре стояло кресло с насыпью из слоновой кости, с которого сам Стенька рассматривал проходящие суда и чинил расправу. Рассказывают, что в бугре зарыт у Стеньки большой клад, только взять его до сих пор никто не может.

Верстах в двух-трех ниже, не доезжая до слободы Даниловки, находится ущелье, прозванное Стенькиной тюрьмой или Дурманом. Ниже Камышина,

возле деревни Караваинки и у Дубовского посада стоят еще два бугра, тоже Стенькины. В двухстах саженях от Дурмана находится бугор Стеньки Разина, о котором сложено такое предание. Очень давно шло по Волге судно. Когда оно поравнялось со Стенькиным бугром, то один из бурлаков спросил товарищей, нет ли желающих побывать с ним на бугре. Охотник нашелся. Сойдя на берег, бурлак предупредил товарища: «Чтобы ты не увидал и чтобы ты не услыхал, молчи». Взобравшись на бугор, они увидели отверстие, вроде гроба, с дверью; отворив ее, они увидели хорошо убранное подземелье, похожее на комнатау: в углу висел образ Спасителя в золотом окладе, осыпанный бриллиантами и разноцветными камнями; перед образом теплилась лампада. Посреди комнаты стоял гроб, окованный тремя железными обручами; возле лежал огромный железный молот и железные прутья. Вдоль стен стояло множество бочонков, засыпанных доверху золотом, серебром и драгоценными самоцветными камнями, а также ценная металлическая утварь. Бурлаки помолились иконе; вожатый схватил молот и разбил обручи на гробе: крышка поднялась, из гроба встала красная девица необыкновенной красоты и выговорила: «Что вам нужно, ребята? Денег, утвари, камней самоцветных — берите, братцы, сколько душе угодно». В ответ на это вожатый схватил прутья и начал стегать красавицу, безбожную Марину, и сколь она его ни умоляла о пощаде, все было напрасно. Товарищ не вытерпел и сказал: «Полно, брат, что с тобою, с ума ты, что ли, сошел?» Но едва он успел произнести эти слова, как невиданная сила подхватила его и выкинула в дверь, которая тотчас захлопнулась, и послышался голос: «Восемь, девятого!» Вслед за тем дверь и отверстие пропали. Испугавшись, бурлак едва добрался до судна; у него отнялся язык, и три года он оставался нем. После уже он рассказал, что если бы он сумел промолчать и если бы они успели завладеть иконой, как говорил ему еще дорогой вожатый, то все богатства перешли бы в их руки. Рассказчик добавляет, будто Стенька посейчас жив, его земля не принимает и живет он, окаянный, на островах и змеи грудь у него сосут.

Легенда о Волге

Бо времена давние, когда земля Солнцу радовалась, а Солнце ей в пояс кланялось, жила на свете девушка — краса ненаглядная, коса русая, глаза васильковые, светлые, ясные. И всяк, кто ни взглянет на нее, словно изменится, такой душевный свет струился из ее глаз. И звали ее Волга. А невдалеке жил молодец. Был он смел и безрассуден. Звали его Светорадов.

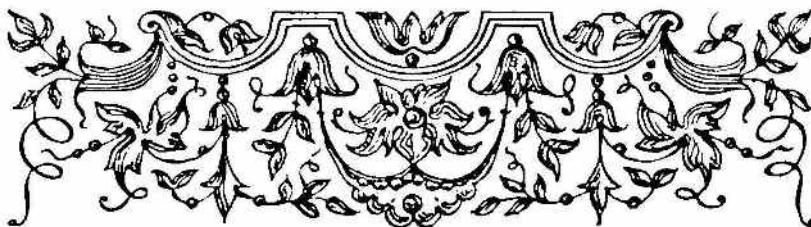
Однажды на рассвете вышел он в рощу березовую и увидел Волгу. Была она стройна, коса за васильки и ромашки задевала, а глаза.. Как глянула в них Светорадов, и наполнилась его жизнь их светом. Полюбили они друг друга. Но не суждено было им соединиться. Чернь татарская пошла на землю русичей, и ушел Светорадов защищать ее. Долго ждала его Волга, верной оставалась. Потускнела ее красота, лишь глаза не менялись. Струился из них свет теплый, ласковый, все живое к ней тянулось. И услышала однажды Волга, что погиб ее суженый, и пошла она вдоль реки глубокой, от великих озер к морю далекому. Долго шла Волга, а река ее согре-

вала. Когда Волга уставала, кровь с ее ступней река омывала, песчаным ковром дорогу пред ней расстилала.

И пришла Волга на поле битвы, и увидела, сколько молодцов здесь положено, а ее Светорадов как живой лежал, только глаза закрыты, да лицо белым-бело. Упала на колени Волга, обхватила голову Светорадова и заплакала. Жемчугом на траву падали слезы ее. Река вдруг вскипела и накрыла волной Волгу со Светорадовым, и унесла их. Вскипела река во второй раз и накрыла поле битвы горюю песчаною.

Много лет прошло с тех пор, и воздвигли люди на том месте город и назвали его Саратов, от слов «Сара» и «тай» — желтая гора, так считают историки. Но назвали-то его в честь богатыря Светорадова (имя его из уст в уста передавалось и призабылось). А реку ту Волгой назвали, потому что волны — как глаза ее ясные, ласковые, тихий свет в них струится, все живое к ней тянется. Неразлучны Саратов с Волгой и по сей день, и на все века. Увековечена память предков в каждом камне города, в каждой капле реки. Если б говорить могли, рассказали бы они, как поутру припадает Волга к Саратову и даже издали видно, как они счастливы.

Легенды Николаевского Городка

Много сел есть на земле,
Мне одно лишь снилось;
Пол-России в том селе
Для меня вместилось.
Что ни встречный здесь — то друг,
Что ни друг — то лучший.
Я касаюсь добрых рук,
Словно свел нас случай.

Бы ни разу не были в Октябрьском Городке (ранее Николаевском) Татищевского района? Можно представить, как вы удивитесь, когда увидите в сельской местности парковую зону, где расположился ансамбль архитектурных сооружений. А какие удивительные люди здесь проживали и проживают! Что же в них удивительного?

Пусть вам поможет ответить на этот вопрос легенда, основанная на исторических фактах...

Это случилось давно, более ста семидесяти лет назад. Молодой отрок царского рода повстречал прекрасную девушку, прекраснее утренней зари и, позабыв о своих заботах, залюбовался ее

совершенством. Но она была недоступна для земной любви и всегда исчезала, когда он к ней приближался. Отчаявшись, царевич горько плакал. И там, где проливались слезы, появлялись дети — символ огромной земной любви и страстных желаний...

Сердобольная царица Мария Федоровна всех сирот царского рода в Московский воспитательный дом собрала. Да что за жизнь в Москве? А когда весна согнала с полей снег и высоко поднялось солнце, царица приняла решение выкупить прекрасные земли, принадлежащие городу Саратову.

Тем временем, пока отрок оплакивал свою любовь, царица Мария Федоровна приступила к строительству. Выстроено было пять населенных пунктов: Николаевское, Александровское, Мариинское, Константиновское, Михайловское.

Милосердная Мария Федоровна тем временем обвенчала питомцев воспитательного дома с воспитанницами, не менее прекрасными и благородными, а кто мал, тех определила к молодоженам на воспитание и отправила их в места обустроенные для жительства на Саратовской земле.

Молодой царевич долго проливал слезы, пока силы не оставили его. Ангел-хранитель покинул отрока и отправился вслед за сиротами, ведь негоже детей оставлять без присмотра. Создал Ангел им такие условия проживания, что каждый позавидовать бы мог. А уж как за нравственностью, благородством присматривал и всех серебряными монетами поощрял за хорошие деяния.

Для обучения молодежи храм науки возвел. Как по наружности, так и по внутренней отделке храм тот мог служить украшением любой столицы. Его воздвигнул Ангел-хранитель, словно памятник в краю степном крепче мраморного и медного, чтобы пережил тот века и передал потомкам священные имена Марии и Николая I. Обучать стали воспитанников в храме том послушанию, ремеслам, грамоте, благородству, ведению хозяйства. Ангел-хранитель ответственность за воспитание на себя возложил. Кто же за сирот заступится? Обжились

оны, детей нарожали, а Ангел их все не покидает, все присматривает за воспитанниками тех мест, все благородство царских особ передает их наследникам.

Отсюда слава идет о воспитанности здешних жителей, да и приезжая молодежь старается бытъ им под стать.

А село Николаевское (сейчас Октябрьский Городок) и поныне краше других окрестных сел будет.

Легенда о парке влюбленных Николаевского Городка

Всё село Николаево приехал граф Владимир. Он был искренне тронут гостеприимством жителей, но главное, что его привлекало в этом селе, — красота природы. Он впервые увидел большие тенистые леса, чистые пруды со множеством рыбы, тихую спокойную речку с зелеными бархатными берегами. Эти края ему очень понравились, и он решил выкупить место у реки. Построили здесь замок, вокруг которого рассадили сад, аллеи цветов. Цветы были разнообразные и в таком большом количестве, какого люди не видели за всю свою жизнь. Этот сад был огорожен высоким забором.

У графа Владимира никого, кроме сына, не было. Звали сына Алексеем. Спустя пять лет Алексею исполнилось восемнадцать. За это время он подружился со своими сверстниками, но девушки у него не было, хотя многим из них он нравился.

В один прекрасный день, как обычно, Алексей

вышел на утреннюю прогулку, светило ослепительное солнце, из леса доносилось знакомое пение птиц, оно так и манило к себе. Идя по берегу, Алексей увидел прекрасную девушку. Заметя его, девушка скрылась среди деревьев. Она была настолько красива, что Алексея не покидало желание встретиться с ней вновь.

Наступил вечер, Алексей отправился гулять с друзьями и решил рассказать им о незнакомке. Вдруг, на радость Алексею, один из приятелей сказал, что знает ее.

Назавтра Алексей отправился на поиски девушки. Не сразу нашел он ее, а только спустя несколько дней. Оказалась она очень приветливой и гостеприимной. Звали ее Алена, жила она одна, потому что родители ее погибли, когда девочке было пять лет.

Познакомившись поближе, Алексей и Алена влюбились друг в друга. Граф Владимир, узнав, что Алексей нашел девушку своей мечты, приказал сделать из сада парк. На реке были привязаны лодки, а по парку расставлены лавочки, чтобы все любящие пары могли отдохнуть и любоваться природой.

Река была настолько чистой, что, катаясь на лодке, можно было увидеть дно и плавающих там рыб, а вдоль берегов цвели белые лилии.

В ночь полной луны влюбленные решили покататься по реке. Замечавшись о будущем, они не заметили, как течением унесло лодку далеко за пределы села. Течение реки становилось все сильнее и сильнее. Река превратилась в бурный поток, лодку бросало в разные стороны, она ударялась о камни и ... вскоре перевернулась. Оказавшись среди бушующих волн, Алексей и Алена не в силах были больше сопротивляться стихии и разбились о камни. Граф, не выдержав такого горя, покончил жизнь самоубийством.

Замок вскоре разрушили, за парком перестали следить. Парк и сейчас сохранился в селе Николаеве, переименованном позже в Октябрьский Городок. А в народе говорят, что раз в год в полнолуние цветут цветы в парке, и кто увидит их, будет счастлив до конца своих лет. Приезжайте к нам в городок на поиски счастья.

Легенды древнего Увека

У

стория Саратовского края издревле связана с яркими легендарными событиями далекого прошлого. Многие даже не подозревают, как близко соединены предания седой старины с именем нашего города. Когда Увек, или, как его называли раньше, Укек, в 1932 году вошел в городскую черту Саратова, его история слилась с историей столицы Поволжья воедино.

ГОРОД ГЕЛОН

Укек, этот древний поволжский город, существовал задолго до монгольского нашествия. По мнению дореволюционного историка-археолога И.Е. Забелина, еще лет за пятьсот до Рождества Христова на месте нынешнего Увека стоял античный город греков. Основываясь на сказаниях Геродота о Скифской земле, можно заключить, что в Земле будинов, простиравшейся по Волге от Саратова к Орлу и далее за Окой к западу, жил народ гелонов. Это были эллины-треки, поселившиеся у

будинов после изгнания их из торговых черноморских городов. Они построили свой огромный город, окруженный высокими стенами, каждая сторона простиралась на пять верст. Все строения — стены, дома, храмы — были деревянными. Геродот повествует о том, что персидский царь Дарий, преследуя скифов, прошел земли Скифскую и Сарматскую и нигде не нашел ничего, что можно было бы разорить, и только в Земле будинов он встретил город Гелон и сжег его. Город находился на выгодном месте, это была середина тогдашнего торгового пути из греческих черноморских городов к Уральским горам.

Самое интересное заключается в том, что на Увеке действительно были обнаружены предметы античной культуры. Как и когда они сюда попали, остается загадкой.

Шли годы, десятилетия и столетия. Античная эпоха сменилась эпохой средневековья. По Волге проходил важный торговый путь, соединяющий земли Руси и Булгара с арабскими халифатами, родиной сказок о тысяче и одной ночи. Но безоблачные мирные времена сменились новой жестокой агрессией.

СТАВКА ХАНА

Монгольское нашествие в Поволжье началось в 1223 году. Разбив русские войска на реке Калке, завоеватели достигли Булгарского царства, но, потерпев поражение, ушли в Нижнее Поволжье и Хорезм. Следующие завоевательные походы были тщательно продуманы и подготовлены.

Поход 1236 года под предводительством хана Батыя — от поверженного Булгара, через русские земли, Польшу, Венгрию, Моравию, Австрию вплоть до Балкан и Адриатики — сопровождался кровавыми погромами, пожарищами и разрушениями. Не потерпев ни одного поражения, монгольское войско в 1242 году двинулось обратно через Молдавию и Валахию. Батый возвратился в Нижнее Поволжье и приступил к устройству дел в своих владениях. Укек в это время, являясь удобным торговым пунктом на Волге, дважды оказался на пути монголов. Скорее всего город был просто разграблен, но не подвергся

разрушению, так как не представлял собой военной опасности. Город и его округа стали пристанищем монгольских войск, являясь для них хорошим плацдармом.

Неполучив больших разрушений, Укек быстро вошел в русло мирной жизни, стали быстро развиваться торговля и ремесла. Укек получил статус улусного города с правом чеканки монеты. Собственная чеканка монеты в Укеке началась, видимо, в 40-е годы XIII века. Монеты, чеканенные во времена великого завоевателя хана Батыя, мы можем видеть сейчас в Саратовском краеведческом музее.

Укек, безусловно, был одним из значимых и старейших городов Золотой Орды. Укек переводится как «башня» или «покатость». Город стал быстро строиться, расширяться при Батые в 50-е годы XIII века. В то же время происходило строительство столицы Сарай на реке Ахтубе.

Интереснейшее открытие сделал известный саратовский нумизмат-краевед Ю.Е. Пырсов, прочитав на ранних монетах Укека уйгурские надписи: «улус Укек» и «стavка хана» (улус – область). (Подобной точки зрения придерживаются доктор исторических наук Ф. Рашидов и кандидат исторических наук Н. Малов). Можно добавить следующее. На луговой стороне Волги в районе современного села Красниковка располагалось крупное золотоордынское поселение. Возможно, это было летнее стойбище (своего рода летняя дача) хана Батыя, куда монгольский правитель со своими домочадцами, двором, огромными стадами перекочевывал летом с низовьев Волги. В таком случае Укек мог превращаться на несколько месяцев в неофициальную столицу Улуса Джучи и именно для хана предназначался великолепный дворец, выстроенный в центре города. Об Укеке как монгольском городе упоминает знаменитый венецианец Марко Поло.

БАЯЛУНЬ

Своего расцвета Укек достиг в первой половине XIV века при Токте-хане (1291–1312) и хане Узбеке (1312–1342). Знаменитый арабский путешественник Ибн-Батута посетил

Укек в 1334 году, сопровождая старшую беременную жену хана Узбека, православную Баялунь, возвращавшуюся к своему отцу, византийскому императору в Константинополь. Он отметил, что город «средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей. Между ним и между Сараем.. 10 дней пути, а на один день пути от этого города горы Русских». Надо заметить, что путь из Сараги до Константино-поля гораздо короче, чем от Укека. Однако, невзирая на это, делается крюк в сотни километров. Значит, город Укек занимал совершенно определенное и важное место в жизни Золотой Орды.

Город был построен в виде треугольника, одна сторона была вытянута вдоль Волги на расстоянии двух километров. В Укеке были районы «зажиточных горожан», «ремесленный», «шатровой», «христианский» и район «некрополей». В городе были развиты строительство и ремесла.

МИХАИЛ КНЯЗЬ ЧЕРНИГОВСКИЙ

На окраинной части Укека, там, где находился некрополь, в XIX веке была сделана интереснейшая находка. Здесь нашли перстень черниговского князя Михаила с изображением львицы и надписью: «Печать князя Михаила». Следует заметить, что русские летописи повествуют о трагической гибели князя Михаила и боярина Федора в Орле, но никто не называет места, где это случилось. Православная церковь лишь установила время преставления князя перед Богом и день его памяти — это 20 сентября 1245 года и 14 февраля 1246 года. Находка перстня в Укеке однозначно подтверждает непреходящее значение этого города как ставки хана Батыя.

Формальным поводом, приведшим к гибели князя Михаила, был отказ его совершить языческий обряд. Держался он гернически и не изменил вере христианской. Его последними словами было: «Христианин есмь!»

Насильственная смерть Михаила Черниговского и боярина Федора в Орле была вызвана мотивами политического характера, являясь вместе с тем заключительным актом в длительной борьбе владимирского престола с черниговским.

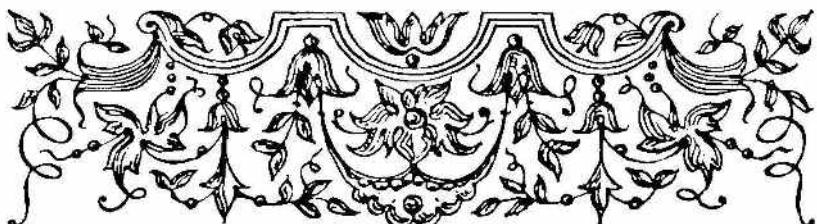
ОПОЛЗЕНЬ

Существует две версии о гибели Укека. Первая заключается в том, что город погиб от оползня и был поглощен Волгой; по второй — город был уничтожен в 1395 году войсками Тамерлана в войне с Тахтомышем (1380—1395 гг.) Случившийся в конце XIV века оползень окончательно похоронил то, что осталось от Укека, и навсегда унес в глубины Волги историю этого города, порождая о нем всевозможные легенды. Остатки Укека существовали еще в XVI столетии. Путешественники того времени говорили, что этот Укек лежит в плодородной стране, где растет во множестве ликорис, яблонные и вишневые деревья. Здесь на высоком холме был красивый замок Укек и подле него город, названный русским Содомом. Этот город и часть замка провалились по правосудию Божию за грехи народа, здесь обитавшего. Теперь видны только развалины и некоторые гробницы.

ТАМЕРЛАН

Известно, что в последней трети XIV века, как и многие центры Золотой Орды, Укек приходит в упадок, вызванный десятилетиями междоусобных войн и ослаблением ханской власти. Гибель Укека связывается с разгромом его Тамерланом в 1395 году.

В народе существовала легенда о том, что если гробница Тамерлана когда-либо будет вскрыта, то дух великого завоевателя вырвется наружу и разразится страшная война. И действительно, вскрытие гробницы Тамерлана в Самарканде в мавзолее Гур-Эмир было произведено под руководством знаменитого антрополога М.М. Герасимова. Саркофаг был вскрыт в ночь с 21 на 22 июня 1941 года.

Сказ о Белом Ключе

У

треннее солнце только что поднялось над горизонтом. Небо чистое, голубое, безоблачное радостно приняло светило в объятия, а оно побежало лучами по волнам великой реки Волги, по холмам и взгорьям. Лето еще было в зените, но не достигло крайней точки вершины и гуляло по бескрайним просторам теплом, радостью, раздаривая людям счастье хотя бы в это время года. Вся природа радовалась, цвела.

Старец Серафим почевствовал на своей щеке первый луч солнца. Он так каждое утро встречал. Первый луч солнца — его, и ни с кем не хотел он делиться этим. Поэтому, наверное, он так долго жил на белом свете. Всего три с половиной месяца назад, в начале марта, ему исполнилось сто два года. Он хотел еще пожить двадцать три года. Впрочем, насчет первого луча он зря старался: никто из окружающих его людей не претендовал на него. Это был его самый первый, самый светлый и самый теплый луч.

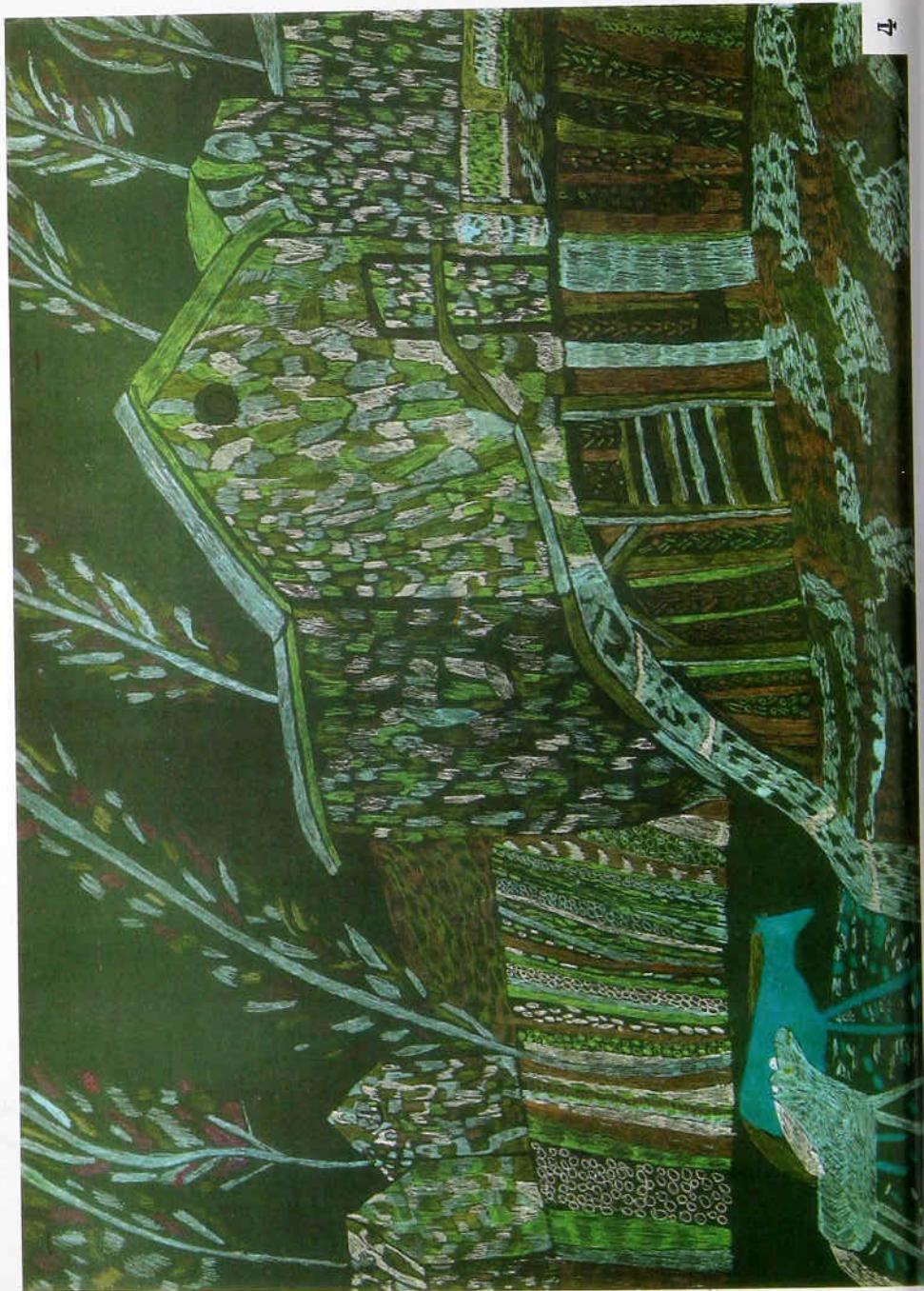
Серафим бодро выскользнул из-под одеяла, спустил босые ноги на земляной пол. Он вышел на улицу, встал лицом к востоку, в пояс поклонился солнцу и громко сказал: «Здравствуй, Владыко! Я вышел поприветствовать и повторю то, что сказал вчера: «Властвуй с добром на моей земле, твори чудеса, подай людям пищу и воду». После таких слов старец Серафим стал спускаться с крутого берега к Волге.

Деревня Усовка, на краю которой жил старец Серафим, стояла на Волге. Точно никто не знал, сколько ей лет. Серафим появился здесь тридцать лет назад. Атаман Стенька Разин как-то проходил по этим краям, а крепкий еще тогда Серафим был самым преданным человеком у именитого есаула Василия Уса. Но Серафим во время похода на Самару сильно приболел. Тогда Василий Ус остановил лошадей у деревни Усовка и оставил своего друга и советника на попечение усовцев, гневно предупредив: «Вернусь — и, если что не так, всем башки поотрываю. У меня с такими разговор, как правило, короткий бывает». Серафим — слабый, исхудавший — лежал на носилках, но, услышав грозный голос есаула, еле слышно, но твердо сказал: «Не гневайся, есаул. Я обязательно выживу. Здесь земля благодатная. Иди с Богом вперед, тебя ждут люди и дела». Есаул покорно замолчал, низко поклонился старцу и пошел к Волге; казначею своему Ефимке приказал оставить усовцам немного денег, чтобы они построили для старца Серафима крепкую избу. С тем и уехали казаки.

Много с тех пор прошло времени. Усовцы, хозяйственные, крепкие на слово, поставили Серафиму надежное жилье, избу в три окна, с высокой печной трубой и высоким крыльцом. Серафим остался доволен работой местных мастеров.

Прошло несколько лет, и Серафим стал незаменимым человеком в селе. Он хорошо узнал все человеческие болезни. Лечить людей ему помогало обилие в тех местах различных лекарственных растений. Да и сам он, окрепнув после болезни, в первый же год стал выращивать на своем огороде диковинные травы,

которых никто до этого в округе не видел. Их сушил на чердаке дома. Корни некоторых трав выкапывал ранней весной

...Серафим спустился с крутого берега к реке. День был тихий, и воды не спеша неслись к Саратову, а оттуда дальше — к Каспию.

Старец скинул одежду, тихо, осторожно, как будто стараясь не напугать реку, вошел в ее воды. Вода оказалась теплой, сохранившей добро и радость вчерашнего дня. Широко затрепетав руками, Серафим поплыл, его подхватило течение и понесло вниз. Как будто и не было у него за плечами ста двух лет жизни, жестоких сражений с турками, калмыками. Он с легкой тоской вспоминал эти годы, горевал по ушедшим рано в другую жизнь товарищам. Но потом все забывалось, и он продолжал жить жизнью усопцев, которые полюбились ему также, как и разинцы, как казаки есаула...

Старец Серафим едва успел поесть, попить кваску, как вдверь его избы постучали. Он вышел на улицу, на высоком крыльце стояла худенькая, лет десяти, девочка. Лицо ее, с чуть отвисающим подбородком, было усеяно веснушками. Они занимали большую часть ее лица.

— Дедушка, дедушка, — быстро заговорила девочка, спаси моего братишку, он умирает.

— Ты чья, дочка? — ласково спросил старец. — Я раньше тебя не видел.

— Из Елшанки я, дедушка, Анютой зовусь. Спаси братца, — девочка расплакалась.

— Ты что плачешь? Расскажи, что случилось.

— Пошли, дедушка, я по дороге тебе все расскажу. Он умирает. — Анюта опять заплакала.

— Ладно, пошли, — согласился Серафим. — Только я кое-что с собой возьму. Надо ведь чем-то твоего братца лечить.

Они пошли по утренней деревне.

— Вот теперь, Анюта, расскажи, что с твоим братцем произошло?

— Он заболел как-то враз. Сначала горит весь, мокрый, потом вроде становится нормальным. Вчера с ним так три раза было.

— Это малярия, — сразу же определил Серафим. — Его лечить надо и кормить хорошо. Плохо дома питается?

— Плохо, — согласилась Анюта, — все время есть хочется. Нас у мамки восемь ртов. Разве всех укормишь, — сокрущенно добавила девочка...

Они прошли километра три. День набирал силу. Солнце оторвалось от горизонта, опять стремилось к своей вершине. Хороший день будет, без ветра, дождя, без облаков в небе.

— Не умрет твой братик, — сказал Серафим. Он достал из своей походной сумки крупную тряпичку. — Смоши мне тряпичку вон в той лужице, — попросил старец, показав на лужу на дне оврага.

Когда девочка принесла ему мокрую тряпичку, положил в нее какой-то корешок.

— Принесешь корень домой, пусть его братишко сосет. Влагу высосет, еще помочите, опять ему дайте. Вот и все. Беги, дочка.

Девочка убежала. Старец вдруг схватился за сердце и затих. Солнце поднималось все выше и выше.

...Боль в груди не утихала. Старец не мог подняться, позвать кого-то на помощь. Впрочем, помочь ему никто не мог. Он всегда помогал себе сам. А сейчас не мог помочь даже себе. «Почему-то девочка долго не идет, — подумал Серафим, — ведь она должна вернуться». Старец посмотрел на лужицу, в которой Анюта намочила тряпичку. Она медленно наполнялась светлой водицей, даже издали было видно, что она чиста, прозрачна.

— Белый Ключ! — прошептал старец Серафим. — Я его так долго искал, а он тут, рядом.

— Он здесь! — раздался звонкий голос Анюты. — Я его здесь оставила.

От дороги к Серафиму шла Анюта. Ее сопровождали два бородатых мужика.

— Белый Ключ родился, — прошептал Серафим, увидев людей. — Берегите его. Он несет людям здоровье и долголетие.

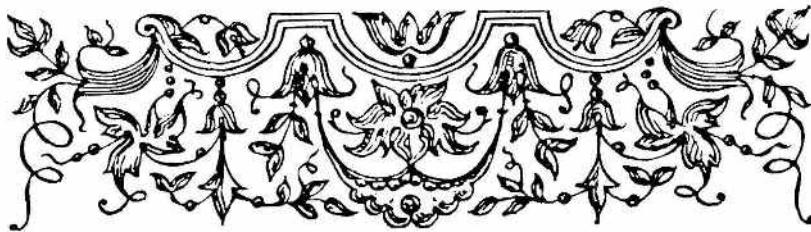
Старец затих. Его молодые глаза смотрели в небо, прощались с ним.

— Дедушка, — присела возле старца, но не заплакала Анюта. — Зачем ты умер? Ванятко-то после твоих корешков сразу же выздоровел. Он хотел тоже прийти, да мамка не пустила..

Солнце уже перешло на вторую половину своей дневной жизни. Оно низко, спокойно уходило на запад. Его последний луч печально лег на лицо Серафима; будто прощаясь, задержался надолго. Анюта тоже провела бледной рукой по лицу старца, как бы сгоняя этот луч. Откуда ей было знать, что старец Серафим так долго по утрам ждал этот свой первый самый теплый и самый светлый луч. На небе, таком чистом и прозрачном, появилось одно-единственное облачко, словно чистая, нетронутая душа прилетела, чтобы навеки забрать с собой душу старца.

Люди до сих пор верят в целительную силу Белого Ключа, словно старец Серафим, даже после смерти, с его помощью может исцелять людей. Эта легенда бытует в народе и по сей день, и люди не сомневаются в ее истинности.

Как Дюма деревню в карты выиграл

Александру Дюма понравилась усадьба князей Шербатовых. Небольшая, она своими аллеями прилегала к пруду и находилась в пяти верстах от села Елшанка. Усадьба чем-то напоминала именитому писателю родную Францию, которую он безгранично любил, в мыслях и душе опекал и защищал вместе с неунывающими мушкетерами. Россия, в которой уже почти год плутал Александр Дюма, казалась ему бескрайней, удивительной страной. За то время, что он находился в этой загадочной стране, у себя на родине он успел бы трижды проехаться от Средиземного моря до пролива Ла-Манш, через всю Францию с юга на север и обратно.

Писатель только что побывал в калмыцких степях, где его хотели женить на местной красавице. Цветом лица, блеском черных глаз, застенчивостью она напоминала парижских горничных. Привлекала дикая азиатчина, но он хотел еще попутешествовать по России и вернуться в любимую Францию. Князь, отец принцессы, немного обиделся, но

после нескольких пиал кумыса и трубки табака успокоился. На прощанье Дюма подарил калмыку золоченую табакерку и дорогой халат. Больше у него ничего не осталось.

Жуликоватый саратовский губернатор, действительный статский советник Алексей Дмитриевич Игнатьев сначала обрадовался, что к нему в город прибыл именитый, всемирно известный писатель, но потом, увидев, что последний не богат и с него нечего взять, уговорил князя Щербатова забрать к себе французского писателя. Князь Григорий Алексеевич ждал к себе в гости старшего брата, тоже действительного статского советника Владимира Алексеевича. Это он позже станет председателем Саратовского губернского комитета по устройству и улучшению быта крестьян. Он покровительствовал музыке и литературе, интересовался театром. А с 1863 по 1869 год Владимир Алексеевич будет губернатором Саратовской губернии.

Брат все не ехал, скучал и француз. Правда, накануне, специально для его развлечения устроили ночную ловлю форели. По всему периметру пруда прикрепили к деревьям смоляные факелы, девки гуляли по аллеям, русские песни пели. Как-то загадочно все было, интригующе. На лодке поехал управляющий Семен Никитич, взяв с собой одного из работников. Счасти у них имелись, как положено. Великий француз хотел тоже попробовать, да князь Григорий Алексеевич воспротивился.

— Нельзя, — как отрезал Григорий Алексеевич, — вы у нас, господин Дюма, дорогой гость. Что не так, мне головой отвечать придется. Я перед губернатором слово дал.

Так и уехал на лодке управляющий с работником на середину пруда. Через некоторое время оттуда стали доноситься восторженные крики. Значит, рыбалка началась удачно. Григорий Алексеевич крикнул, чтобы принесли водки и закуски. Дюма, пивший у себя на родине лишь изысканные вина, уже привык за время пребывания в России к русской водке. А здесь, на берегу пруда, при свете факела, он выпил с удовольствием.

— Григорий Алексеевич, — подошел к князю дворецкий

Артем, старый, верный служака Щербатовых, — помешник Неелов пожаловал, просят принять.

— Что это он на ночь глядя заявился? — удивился князь Щербатов. — Ну, зови, послушаем соседа.

Александр Дюма прислушался к разговору хозяина усадьбы и дворецкого.

— Господин Дюма, — сказал князь, — это сосед мой приехал. — Тут недалече деревня есть — Лесная Нееловка, в ней и обитает старый мой товарищ.

Шумно подошел крупный, но очень подвижный элегантно одетый мужчина лет сорока пяти, обнялся с хозяином.

— Погоди; Иван Андреевич, — отстранил шумного соседа Григорий Алексеевич. — Дай я на тебя посмотрю да с дорогим гостем познакомлю.

Неелов раскланялся с французом.

— Он по-русски не понимает? — спросил у князя.

— Нет, — ответил князь и пошутил: — Зато по-французски чисто говорит.

Они посмеялись, перевели сказанное писателю. Тот тоже засмеялся.

Неелов, веселый и неунывающий балагур, быстро сошелся с Александром Дюма. Еле дождались окончания рыбалки, чтобы уйти в дом. Неелов уже уговорил француза «расписать пульку». Пока готовился поздний ужин из форели, быстро подружившиеся французский писатель и русский помешник сыграли партию в преферанс. Неелов проиграл. Собрались раскинуть карты на вторую партию, но в это время подшедший дворецкий пригласил игроков к столу. Те с неохотой отправились вслед за Артемом.

Форель была замечательная. Ее подавали с зеленью и водкой. Но было заметно, что француз и Иван Андреевич спешили уединиться и разыграть еще одну партию в преферанс. После ужина они отправились в кабинет князя Щербатова. Сам Григорий Алексеевич, извинившись, покинул гостей.

Утром Щербатов нашел писателя и помешика Неелова в

своем кабинете. Они сидели обнявшись, оба изрядно пьяненькие и пели какую-то веселую песню на французском языке.

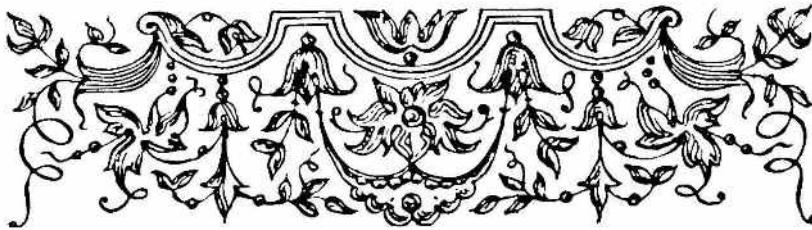
— Ты знаешь, — сказал заплетающимся языком помешчик, — я проигрался в пух и прах этому проклятому французу. Он меня разорил. Я ему и деревню свою, Лесную Нееловку, проиграл. Но он настоящий джентльмен, и деревню велел подарить тебе. Подтверди, Александр!

Француз согласно кивал головой.

На следующий день знаменитый Дюма покинул Елшанку и полюбившуюся усадьбу князя Щербатова. Он спешил в Астрахань. Иван Андреевич Неелов передал документы на владение Лесной Нееловкой Григорию Щербатову.

Правда, сегодня в исторических документах значится, что Неелов проиграл деревню самим князьям Щербатовым. В своих репортажах о путешествии по дорогам России Александр Дюма не упоминает о выигранной им русской деревне. А в Базарном Карабулаке, куда сейчас отнесена эта деревня, вообще об удивительной истории не слышали.

Ночевал атаман у Змеевой горы...

Пятнадцать лет назад в городе Марксе, возле дома нашей бабушки, проживал старик. Звали его Степан Минаев. Он был высокого роста, крепкий, жилистый. Особенно приметным было его лицо с огромным крючковатым носом. Седые длинные волосы завивались колечками, и ходил он потряхивая чубом. Ну прямо как шолоховский казак — как Гришка Мелехов из «Тихого Дона».

Пил Степан Степанович редко. Но когда выпивал, садился у двора своего дома, возле него собирались многочисленные соседи. Он начинал рассказывать истории, которых знал великое множество. Одна из них мне особенно запомнилась и часто приходит на память. Деда Степана давно нет в живых (светлая ему память), а нам волею судьбы пришлось перебраться в село Воскресенское, к которому легенда имеет самое прямое отношение.

— Помнишь роман Шукшина «Я пришел дать вам волю»? — начал Степаныч. — Там много интересного, но в одном Макарыч был не прав. Я говорю

о том месте, когда Степан Разин утопил княжну. На самом деле он утопил ее из-за Фрола Минаева, только Фрол не прятался по кустам, а сбежал далеко. Знаете, где он скрывался?

Степан Минаев загадочно улыбался, тянул в себя дым папиросы и смотрел в сторону Волги. Великая река не видна из-за многочисленных строений, но каждый житель города всегда чувствовал на себе близкое ее дыхание.

— В Воскресенском он скрывался, — почему-то радостно и возбужденно сообщил дед Степан. — Я это точно знаю. Ведь я по крови от рода Фрола Минаева происхожу. Он мой прапрадедушка.

Те, кто впервые слышат эту историю, удивлялись, ведь многие хорошо знают, что у Степана Разина на самом деле был славный есаул Фрол Минаев, который находился рядом с ним почти до конца, но на казни своего атамана есаул не присутствовал, зато после стал Фрол Минаев войсковым атаманом.

— Слушайте, как это было. — Степан становился все более оживленным, его глаза загорались непонятным озорным огнем. — Год этот точно нигде не указан, но поднимался Стенька Разин вверх по Волге на стругах. Около десятка их было. А войско насчитывало не более полутора тысяч, но то были только самые верные и храбрые соратники. Говорят, будто он до Казани добраться хотел, но не дошел, вернулся назад.

Так вот, возле Воскресенска, недалеко от Змеевой горы, вечер застал разинский отряд. И решил атаман здесь заночевать. Они поднимались от Астрахани, не останавливаясь даже в Царицыне и Саратове. Казалось, что атаман со своим небольшим войском старался незаметно уйти в верховья Волги.

Остановились всего в трех верстах от Воскресенского. Степан приказал шатров не ставить, а просто отдохнуть на берегу, сварить горячего. Фрола Минаева, Ларьку Тимофеева и еще двух казаков отправил проводить село. Он всегда так делал. Узнавал, как живут люди, что волнует их. Как будто знал, что лет через десять поднимет крестьянское восстание и будет набирать армию по деревням и городам.

Фрол с товарищами перешел речку-сестренку вброд. Лето уже было в зените, воды вокруг мало, трава пожухла. Они прошлись по улицам, заглядывали во дворы, разговаривали с людьми. В центре села, возле церкви, их окружила толпа народа. С сельчанами говорил Ларька Тимофеев, говорил долго, умно, на все вопросы отвечал.

Фрол Минаев блуждал взглядом по толпе. Заметил красивую, стройную, не по-деревенски тоненькую девушку, направился к ней. На него внимания не обратили, все слушали Ларьку.

— Ты чья? — Взял девушку за локоток Фрол.

Та не испугалась, лишь засмутилась немножко, глаза не опустила.

— Купца Ивана Будылина дочь, Настя я.

— Живешь-то где, красавица?

— На самом берегу Волги. Там есть большой дом. — Она чуть повела плечом и добавила не без гордости: — Самый большой в округе.

— Хорошо живешь? — почему-то спросил Фрол.

— Хорошо, — не удивилась Настя. — Ни на что не жалуюсь.

— Ты спать рано ложишься? — опять спросил Фрол.

— Когда надо, тогда и ложусь, — ответила Настя уже кокетливо.

На них кругом зашикали, чтобы не мешали слушать Ларьку. Некоторые неодобрительно смотрели на Настю Будылину, которая так вольно разговаривала с незнакомым мужчиной. В селе так не принято. Настя почувствовала недовольство односельчан, выбралась из толпы и направилась к дому. Следом за ней пошел и Фрол. Они остановились, сказали друг другу несколько резких фраз и разошлись. Настя быстрым шагом двинулась к отцовскому дому, а Фрол присоединился к своему товарищу.

Пришла глубокая ночь. Звездно. Тепло. Фрол беззвучно крался вдоль забора. Он знал, куда шел. Был, видимо, уверен, что Настя его ждет.

Фрол почему-то вспоминал о своих взаимоотношениях с

атаманом. Разин любил его, доверял. Но степенность и рассудительность Фрола Минаева часто иссякала, и он мог совершить такое, отчего гнев атамана становился неудержимым. И если бы в такую минуту есаул попал под горячую руку атамана, то не сносить ему головы.. Вот и в эти минуты Фрол должен был осматривать посты, а потом отдыхать, потому что впереди дальняя и тяжелая дорога, но он отправился на поиски любовных приключений, сам еще не зная, как глубоко поразила его сердце волжская красавица. Даже во время самого удачного похода в Персию он вспоминал свою Настю. Может быть, именно из-за нее он залезет потом в шатер к юной персиянке, дочери шаха, наложнице самого атамана Разина, убьет и выбросит за борт струга няньку княжны. Все это потом. А сейчас...

Фрол и Настя лежали на сеннике. Пахло свежей травой, навозом, молоком.

— Ты со мной останешься, Фрол? — спрашивала, гладя тонкой рукой волосатую грудь есаула, Настя.

— Не могу, Настюшка, — отвечал Фрол. — Мне атаман башку оторвет. — Тут он невесело засмеялся: — Как я без нее воевать буду? Ты жди меня, я к тебе обязательно приеду. Когда-нибудь, но вернусь.

— Ты мне сейчас нужен, я тебе сына рожу!

— Если родишь сына, — серьезно ответил Фрол, — назови его Степаном. В честь атамана моего.

— Ты со своим Степаном-атаманом будешь, а я с сыном Степаном, — печально заметила Настя, — но без тебя. И зачем ты пришел в нашу деревню?

— У меня много баб было, — как будто сам себе сказал Фрол, — но такую в первый раз встретил. Что мне делать-то?

— Оставайся со мной, Фролушка! — опять попросила Настя. — Вместе сына растить будем.

— Ты че это мне все про сына говоришь? — вдруг рассердился Фрол. — Может, его и не будет.

— Будет, — твердо сказала Настя. — Если не останешься, я обижаться не буду. Ждать буду.

— Ты своим, когда я уеду, скажи, чтобы не обижали. Приеду, всем башки поотрываю.

— Ты как твой атаман, всех напугать норовишь, — грустно засмеялась Настя.

— Я не пугаю. Пусть вспоминают Фрола Минаева.

Утром Настя долго стояла на крутом берегу Волги. Подошел отец, плотный, невысокий, с черной бородой. Ничего не сказал, обнял за плечи и увел в дом. Стругов атамана Разина уже давно не было видно за Змеевой горой. Тихо на Волге. Лишь чайка пролетела и что-то прокричала...

...Дед Степан, устав рассказывать, закурил. Долго молчит, как будто вспоминая что-то. Мы, слушавшие его, не торопили старика, терпеливо ждали. И терпение наше через некоторое время вознаграждается.

— Фрол Минаев вернулся в Воскресенское почти через четыре года...

Позади остался долгий поход в Персию, жестокие сражения, смертельные опасности, постоянный риск. С тех пор как Степан Разин взял в наложницы персидскую княжну, Фрол как-то странно смотрел на персиянку. Степан это замечал и злился, но ничего не говорил. А потом, по возвращении в Астрахань, сильно напившись, Фрол не выдержал и ночью полез к княжне. (Мне кажется, — говорил дед Степан, — что в ней он видел Настю.) Степан Разин приказал его найти, но он сбежал, знал, что атаман не простит. А кара атамана была жестокой. Это потом он отходил и прощал разные грехи своих соратников. Так было и с Фролом Минаевым. Степан его простила, даже княжну в Волге утопил, но Фрол в это время был далеко. В Воскресенском.

Настя все так же жила с родителями. Как и обещала, родила сына. Назвала Степаном Минаевым. Мальчишка уже бегал.

Фрол прискакал на взмыленном жеребце. Остановился у дома Будылиных и забежал в дом. Настя, увидев его, уронила на пол глиняную крынку с молоком. Посудина разбилась, молоко растеклось по полу. Настя подошла к Фролу, встала перед ним

на колени, обняла его жилистые, худые ноги. Не заплакала, до крови закусила губу. Фрол поднял ее, обнял, посмотрел в глаза. Слез в них не было, радости тоже. Только боль.

— Что с тобой, Настенька? — погладил ее по голове Фрол. — Что с тобой?

— Чую, ненадолго ты пришел, Фролушка, — тоскливо сказала она. — Уйдешь скоро к своему Степану. Совсем уйдешь, а я одна останусь.

— Теперь не уйду, — успокаивал ее Фрол. — Я надолго пришел. Где сын-то?

— А он есть? — неожиданно засмеялась Настя.

— Конечно, есть, — тоже засмеялся Фрол.

— С дедом в лес поехал. Сено дед косит со старшими сыновьями, внука с собой берет.

Всего год прожили Фрол вместе с Настей. Следующим летом, когда Степан Разин уже поднимал крестьянское восстание, он остановился на ночь чуть выше села Воскресенское. Фрол с крутыого берега видел, как мимо прошли многочисленные струги. Вечером до самого заката солнца стоял Фрол на берегу. Но смотрел он не вниз по Волге, где садилось красивое, багровое солнце, а вверх, в сторону Змеевых гор — туда, где остановились струги отчаянного атамана.

Сзади подошла Настя. Она держала пару весел от маленькой лодки отца. Фрол обнял свою невенчанную жену, потом опустился на колени, поцеловал ее босые ноги, встал и молча стал спускаться к Волге. Остановился, оглянулся в последний раз, задержав взгляд на округлившемся животе Нasti. Она вновь ждала ребенка.

...Степан Минаев замолчал, заволновался. Он хотел идти домой, но мы его не пустили.

— Что дальше было, дядя Степан? — настойчиво требовали мы завершения истории. — Чем закончилось все?

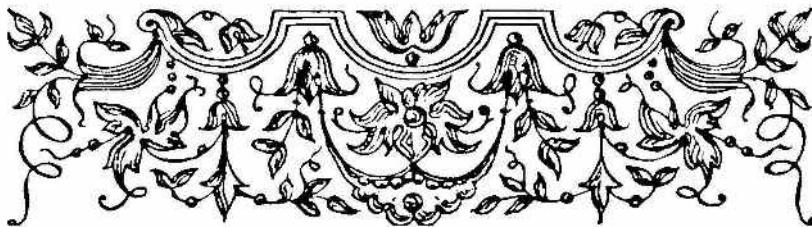
— Настя осенью родила мальчишку. Она жила спокойно, знала, что Фрол больше не вернется. Вот и назвала мальчонку Степаном Фроловым. От Будылиных три рода пошло — Буды-

лины, Минаевы, Фроловы. Все крепко жили. Правда, однажды в селе появились казаки. Как по-заказанному заявились они к Ивану Будылину. Лошадей ему оставили, добра разного. Будылины про этот случай больше молчали. Но люди говорили, что это послы от Фрола Минаева приезжали. Тогда Фрол войсковым атаманом был. Будылины после этого еще крепче зажили. Их дом, большой дом, и сейчас стоит на берегу Волги. Советская власть Будылиных раскулачила. Их потомки также в городе Марксе живут. А я — Минаев. Мы с Будылиными не родимся. Будто чужие.

Степан Минаев встал и тяжело пошел домой. В Марксе и вправду живут два брата Будылиных. В Воскресенском есть дом на берегу Волги, который принадлежал их деду-купцу.

А где правда? Никто не знает.

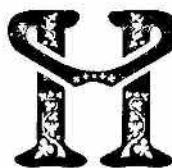

Читалагайский пуст

Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковылем;
Там тучи журавлей стадятся,
Валторн с высот пуская гром.
Там небо всюду лучезарно
Янтарным пламенем блестит...

Г.Р. Державин.
Благодарность Фелице (1783 г.)

а территории Марковского района, недалеко от небольшой деревеньки Волково, между бескрайними степями и поймой реки Волги расположено несколько небольших холмов. Местные жители именуют эти возвышенности «шишаками», и мало кто знает, что когда-то они носили тюркское название «Читалагай».

История Марковского района изобилует интереснейшими фактами. Но именно с этими Читалагайскими холмами связаны события, которые в дальнейшем получили отражение в российской литературе.

А начиналась эта история с указа Екатерины II от 22 июля 1763 года, разрешавшего иностранцам

селиться в необжитых степях Заволжья. Иностранные колонисты (в основном выходцы из германских княжеств) и основали в 1768 году село, которому дали название Шафгаузен.

В первые годы колонистам пришлось очень тяжко: не хватало продовольствия, не все выносили суровый климат, внушало страх воинственное и недоброжелательное местное туземное население, но, несмотря на это, жизнь в колониях не стояла на месте. Чтобы упорядочить управление поселениями иностранцев в крупных населенных пунктах, была введена должность окружного комиссара, который занимался распределением денежных, продовольственных и хозяйственных ссуд, сбором сведений о весенней и осеннеи вспашке, о посевных работах, о всходах яровых и озимых культур, об ожидаемом и выращенном урожае. Кроме этого, должность окружного комиссара имела и административно-полицейские функции. В Шафгаузене этот ответственный пост поручили пожилому и уважаемому в селе колонисту Иоганну Вильгельми.

В 1773 году в России началась крестьянская война, предводителем восставших был беглый служилый казак Емельян Пугачев. Восстание охватило Урал, Поволжье и некоторые области на Дону и в центральной части России. В апреле 1774 года для организации отпора мятежникам в Саратов прибывает гвардейский офицер Гаврила Романович Державин. Молодой, полный отваги и решимости в борьбе с бунтовщиками, он побывал в колониях на левом берегу Волги, где и познакомился с окружным комиссаром Иоганном Вильгельми. Иван Давыдович (так по-русски звал Вильгельми Державин) стал настоящим другом русскому офицеру. С этого момента между ними завязалась переписка.

В середине апреля 1774 года Вильгельми разоспал по колониям циркуляр о том, чтобы по требованию присланного поручика правительственным войскам оказывалось всякое содействие, в первую очередь предоставлялись подводы. Через

неделю праздновалась Пасха, и Вильгельми писал Державину: «Христос воскрес! Я и семья моя искренне поздравляем Вас за добрые Ваши пожелания и взаимно поздравляем Вас от всего сердца. Когда Вы возвратитесь, то получите здесь наши пасхальные яйца. Вам же да будет дано счастье положить к стопам великой нашей монархии Пугачева вместо красного яичка». К этому письму был приложен между прочим кожаный колет. В другой раз Вильгельми посыпает Державину корзинку салата или снабжает его кофе.

В это время войско Пугачева двигалось к Саратову. За день до взятия города из него в спешном порядке в сопровождении нескольких офицеров выехал поручик Г.Р. Державин. Через колонию Екатериненштадт (ныне г. Маркс) он вечером 6 августа 1774 года прибыл в Шафгаузен, где пробыл около двух дней у окружного комиссара Вильгельми, надеясь узнать, куда направился Пугачев: на Яик или вниз по Волге, и едва не попал в руки бунтовщиков. Какой-то пугачевский полковник, переправившийся через Волгу, различными послами привлек себе некоторых колонистов. За поимку Державина было обещано 10 тысяч рублей. Егеря комиссара Вильгельми спас поэта, вовремя предупредив, что повстанцы ищут его в соседних селах. Державин переправился на другой берег Волги в Малыковку (ныне г. Вольск) и оказался в безопасности. Пугачевцы начали открытый разбой в немецких колониях. У поселенцев отобрали скот и оружие, грабежу подверглись хлебные амбары (магазины). Страдали беззащитные колонии и от нападений кочевых племен киргизов-кайсаков.

Державин решился идти на киргизов. 21 августа 1774 года возглавляемый им отряд отправился из Сызрани. Весь отряд состоял из 700 крестьян и 25 гусар. Оставив сотню крестьян на реке Иргизе для прикрытия там селений, Державин 1 сентября 1774 года выступил из Красного Яра (ныне село в Балаковском районе) и пошел степью к Узеням, а 4 сентября в верховьях реки Малый Караман, неподалеку от Читалагайских гор,

атаковал одну тысячу киргизов. Завязался бой, и скоро киргизы, бросая добычу, ударились в бегство. Кочевники оставили на поле боя 48 трупов, в плен их было взято 6 человек. По мнению поручика, потери киргизов могли быть более внушительными, «...если 6 воины мои были не мужики и лошади были у них как у киргизов легкие». Но всего важнее было то, что у киргизов было отбито 811 колонистов, 20 украинцев из Покровской слободы (ныне г. Энгельс) и трое русских.

Люди, имущество и скот были доставлены в колонии. По прибытии в иностранные поселения Державин собрал окружных комиссаров и сдал им как освобожденных людей, так и отбывший скот.

В феврале 1775 года Г.Р. Державин во главе гусарского батальона был послан на Иргиз для поиска беглых крестьян и содействия поимке раскольнического игумена Филарета, сторонника Пугачева. Всю весну Державин пробыл в Шафгаузене у своего друга Вильгельми. Этот короткий период в жизни молодого поручика оказал огромное влияние не только на его дальнейшую жизнь, но и на развитие всей русской литературы. В колонии была прекрасная библиотека, состоявшая главным образом из произведений классиков западноевропейской литературы. Державин занимался переводами: переложил на русский язык четыре оды Фридриха Великого, книгу шведского графа Гиссена «Письмо пожилого человека к молодому принцу» и поэму «Мессиада» немецкого поэта эпохи Просвещения Фридриха Готлиба Кlopштока. Кроме этого, он сочинил ряд собственных оригинальных произведений. Все они вошли в первый сборник начинающего поэта Гаврилы Романовича Державина «Оды, сочиненные и переведенные при горе Читалаге», который вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1776 году.

В начале июня 1775 года отряд Державина вернулся в Малыковку, и он больше не посещал Шафгаузен.

Впоследствии Вильгельми продолжал переписываться с рус-

ским офицером. «Вы, почтеннейший друг, — писал он в одном из своих писем, — оставили в сердце моей семьи искреннейшей привязни и чистейшего уважения, которые по гроб не угаснут...».

Вот и вся история, от которой остались легенды и несколько стихотворных строк:

..Взойди на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Подай, найди ее совет...

Легенды Малинового родника

Известное, нет ни одного саратовца, кто бы не слышал об этом роднике, а многие с наслаждением пили его чудесную воду. Недавно отреставрированный, он стал подлинным украшением лесопарка «Кумысная поляна» (реставраторы – В. и А. Белоzerosовы).

Откуда же произошло название родника? Поремся в архивах и подключим воображение...

Доподлинно известно, что в камень родник «Малиновый» оделся еще в 1914 году, когда хозяином окрестных земель стал Крестьянский поземельный банк. Он занимался тем, что сдавал участки богатому чиновному и купеческому лицу, а для привлечения клиентов обустраивал, говоря современным языком, «инфраструктуру». Кстати, по одной из версий (легенда или быль?) на территории бывшего пионерлагеря «Росинка», что рядом с Кумысной поляной, была дача губернатора П.А. Столыпина, которая до последних лет радовала людей своей неповторимой архитектурой. Два года назад дачу спалили...

В те давние времена «уважаемые люди» любили присваивать свои имена достопримечательностям (вспомним Парусиновую рощу — ныне парк культуры имени М. Горького и пригород Саратова — Поливановку). Так, быть может, существовал какой-нибудь купец Малинов или Малиновский, пожелавший увековечить себя? Увы, архивные поиски не навели на такого рода след..

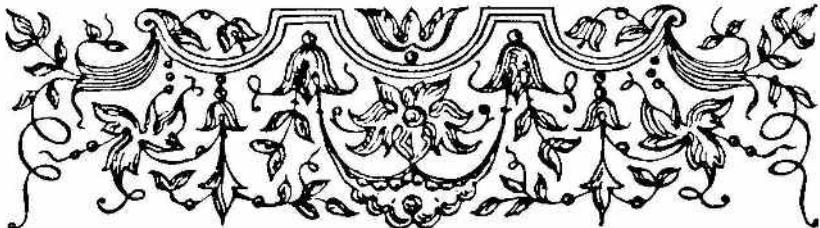
А теперь подключим фантазию. Что, если, к примеру, безвестные строители родника после трудов праведных вечерком поднялись на гору и залюбовались малиновым закатом солнца? Откроем словарь русского языка С.И. Ожегова: «Малиновый цвет — красный, густого тона с примесью фиолетового оттенка». Ну чем не тревожный закат?

Самая простая версия лежит на поверхности. Логично предположить, что в этих местах в начале века были заросли малины. Мы общарили окрестности родника в радиусе ста метров, но — увы! — никаких признаков малины не нашли. Но, однако, и летто прошло уже почти сто...

А вот и совсем экзотический вариант. Уже мало кто помнит, что нынешняя Жасминка была когда-то Разбойницей. И назван таким образом был этот район, наверное, неспроста.. Оттуда дорога шла аккурат через Кумысную поляну на Баландинский тракт. Легко представить, как после удачной операции по изъятию ценностей довольные разбойники устраивали свою «малину» у родника, запивая ключевой водой нехитрую закуску!.

Но заглянем снова в словарь Ожегова: «Малиновый звон — приятный, мягкий по тембру звон..» Немного воображения, и можно услышать, как журчал, «звенел» более полноводный в те времена родник, сбегая по камушкам на дно глубокого оврага. Может быть, тут и лежит разгадка Малинового родника?

Кстати, по химическому составу «малиновая» вода является одной из лучших среди саратовских источников подземных вод.

Легенды наших мест

И

азвания рек, озер, гор часто связаны или с именами людей, которым они принадлежали, или с какими-либо событиями, на этих местах происходившими.

Наша речка Линёвка на картах города Балакова за 1909 год обозначена как «озеро Линёвка», по фамилии хозяина этого озера, на котором у него стояла мельница.

Название реки Балаковка, по преданию, зародилось в те времена, когда по Волге тянули баржи с грузом бурлаки. На этой тихой речке они любили отдохнуть, мылись, стирались, в общем «валакались» в воде, а заодно ловили рыбу, солили, делали из нее балыки себе в дорогу. Вот и прозвали ее Балыковкой. А когда на берегу речки зашумел торговый город, раскинулись хлебные базары, наименование изменилось на более звучное и понятное – Балаковка.

И речка Сазанлей имеет свои легенды. Бытуют две версии истолкования названия реки. Одна из них связывает название с тюркским словом «сезан». По легенде, так звали девушку, взывшуюся в небо

птицей и разлившуюся по земле рекой, а вторая половина названия «лляй» или «лей» по-мордовски обозначает овраг или река.

На территории, где живут, сменяя друг друга, разные народы, возникают названия из смешения разных языков. Возможно, начало было древнемордовским, а затем появилось имя тюркской девушки. Впоследствии имя девушки «Сезан» слилось с привычным «сазан», рыбой, которой много водилось в речке, и вот стало «Сазанлей» вместо «Сезанлей».

В Саратовской области на долю гор приходится 5–6 процентов площади территории. Самыми близкими к Балакову являются Вольские, Хвалынские и Девичьи горы. Почему горы названы Девичьими?

Может быть, потому, что и в средневековые жили по берегам Волги племена амазонок. Отец истории Геродот, живший в V веке, писал о таинственных племенах амазонок, воинственных женщин, которые нападали на соседние племена, уводили скот, и не было сладу с ними. Девушки во время набегов выбирали себе мужей, которых после рождения ребенка изгоняли из своего племени, так же как и появившихся на свет мальчиков, а девочек воспитывали в своем духе. Однажды амазонки переправились через Танаис (Дон) и напали на скифов. Через год воительницы стали вытравливать мужей в Скифию, но те не хотели уходить. Оказались скифы не менее боевыми, а к тому же и близкими к амазонкам по культуре и языку. Вот так, по свидетельству Геродота, произошли сарматы. Может, с тех самых пор и стали называть горы «Девушкиными», «Девичьими».

Некоторые объясняют название гор просто: горы сложены из мела, они белые, а белый цвет – цвет чистоты и невинности, отсюда происходит выражение «девичья чистота», поэтому и горы – Девичьи.

Какая версия верна, сказать трудно. Есть, однако, основание считать, что название это они получили еще до Ивана Грозного, когда русские монастырские люди ловили рыбу по договорам с татарскими ханами и держали станы от «девичьего» до «змеекамня» (юго-восточная окраина Саратова).

Цепь Девичьих гор начинается ниже Хвалынска. Вначале они невысокие и, удаляясь от Волги, сливаются с Армьевыми горами, а потом, зеленые, вновь подступают к берегу реки. Немного ниже села Девичьи Горки находится местность (там сейчас расположен санаторий «Светлана»), которая носит название Аринкина дола. Название это связано с именем Аринки-разбойницы.

С X века ходили-гуляли по Волге дружины новгородских и вятских ушкуйников. Ушкуйниками называли разбойников, которые промышляли от Скандинавии до Персии. В XIV–XV веках новгородские бояре специально посылали на Волгу своих воинов для захвата северных земель в торгово-разбойниччьи экспедиции.

С середины XIV века на Волге прописалась и Жигулевская, или Волжская, вольница. Имелось несколько станов до самого теперешнего Волгограда. Шла в ту пору слава и о девках-разбойницах, стоявших со своими атаманшами на горах, именуемых и поныне Девичьими или Девушкиными (не исключено, что как раз в честь этих разбойниц).

Грозой всей Волги была девушка Пелагеюшка, отряд которой делился надвое: один стан был разбит на большой Маяцкой горе, пониже Меровки, а другой – у самых Жигулей близ Девушкина камня. Услыхала Пелагеюшка про Лысого атамана и послала к нему в обучение свою сестру Аринку с двенадцатью богатырями. Обучил ее Лысый всем наукам чернокнижным, отвел ей под Зеленым долом на самой горе место под стан и стала Аринка работать на славу. Выйдет Аринка на самую кручу, махнет рукавом – весь торговый караван встал, паруса повисли, весел не поднять, на вершок и волоком не сдвинешь. Купцы несут Аринке шелка заморские, ковры, казны, сколько хочет. Выходили к ней и добры молодцы силою помериться, – любой из них и глазом не успеет моргнуть, как бой-девка на землю уложит, а потом на пир к себе зовет. Дошла слава о ней до Степана Разина. Приехал Степан, расстелил на берегу ковер, взвился над Волгою на этом ковре, над горами и лесами хва-

стал своею силою и доблестью, завлекал Аринку. Не устояла Аринка перед Степаном, забыла зарок чернокнижный, за ласку богатырскую отдала силу волшебную и саму жизнь. Нашли аружки атаманшу свою мертвой, похоронили, а сами разбрелись по другим шайкам. Только, сказывают, и ныне по ночам видят некоторые люди, как Степан огненным змеем слетает на Аринкину одинокую могилу, слетает и огненным жаром рассыпается. А могила та где-то у села Девичьи Горки, на высоком волжском берегу.

Легенда о воинственной и влюблённой девице была записана со слов местного жителя Климова на пристани общества «Самолёт» в Алексеевском затоне. Было до революции такое пароходное общество на Волге, пароходы его зимовали в затоне у села Алексеевка Хвалынского района. Разлилось сейчас на месте затона рукотворное Саратовское «море», нет общества «Самолёт», а легенда живет...

Больше всего было в прежние времена, конечно же, разбойничьих шаек мужских, и самым известным атаманом слыл разбойник Кудеяр. Откуда взялось это имя?

Скорее всего, оно татарского происхождения. Документированное упоминание о крымском мурзе Кудояре датируется 1509 годом. О нем писали послы астраханские и крымские.. От татар это имя усвоили и русские. При Иване Грозном был сын боярский Кудеяр Тищенков, изменник, бежавший в Крым и возбуждавший хана против Москвы. Сам Иван IV называл его «разбойник Кудеяр Тищенков». Имя этого Кудеяра могло стать нарицательным для каждого разбойника-атамана.

Возможно также, что это имя произошло от двух мордовских слов: «кудо» — дом, хижина; «ярмак» — тот, кто распоряжается, владеет сокровищами. «Кудеяры» могли располагаться время от времени на останках старых мордовских городищ и здесь прятать добычу.

Есть легенда о московских князьях-кудеярах Тюштяне и Зильбее, а также семи братьях-кудеярах, грабивших земли до самого Крыма.

Каким из этих легенд можно верить? Может быть, всем понемногу.

Только в 1913 году священник села Новая Яблонька Хвальинского района прислал письмо с копией «Кладовой записи» хвальинскому помещику Радищеву, которую крестьянин этого села Бочаров получил от своего деда, умершего в 1910 году в возрасте 112 лет от рода и говорившего, что в начале века (девятнадцатого) приезжали с Урала люди с планом и искали клад в Армиевых горах (у сел Селитьба и Новая Яблонька). Дед списал копию этого плана, который был «оттиснут золотыми буквами». И дед, и сам Бочаров, и крестьяне сел Селитьба и Апалиха искали, но ничего не нашли.

В «Кладовой записи» было сказано:

«Послание к брату моему любезному Алексею Васильевичу, чтобы он взял мою поклажу-казну: образа с драгоценными каменьями, жемчуг, булатную саблю и прочие вещи. [Послание писал своею рукою сам Кудеяр Васильевич и послал своему брату из Кремля.]

Виноват я перед Богом, что нагрубил великому государю Ивану Васильевичу, Российскому Самодержцу, который приказал было мне царство Московское по уходе под Казань-город. Я, Кудеяр, изменил ему, великому государю, с единомышленниками моими кладовниками генералами Алыковым да Раховым, отложился и составил подложный указ, объявил бывшим при мне ратникам, что приказано мне от Царя Ивана Васильевича ити к нему на помощь под Казань-город.

И взял я с собою всю армию как из дворца, так и из казны и из прочих мест, где только можно...

...в Будайские степи... стояли там три года. Первая стоянка на Тульской земле... грабили села... и против города Тулы ограбили монастырь Святого Пафнутия Бородинского, чудотворца...

...вторая стоянка в Доне их верхах..

третья – на Порей-реке..

четвертая – на Греке-реке..

пятая близ столбовой реки, близ Волги, под большим и Буда-

ренскими лесами. Река Волга потому зовется столбовой, что по ней ходят с разными товарами вверх и вниз суда всякие и многие реки в нее впадают.

Самого любимого места моего, с высоких гор, далеко видно через Волгу, в луговую сторону. И поставил я здесь свое любимое городище. Против ворот городища — курган. Под городищем на подень река Соколка, быстрая и малая, а Соколкой зовется потому, что бежит по песку и звенит.

От реки на подень есть обрыв, осыпь в Красной юре, — похоже, на горе недалече сделана баня из кирпича и лестница каменная от колодезя в баню... [Далее в кладовой записи перечисляются все вещи клада.]

В Хвалынском районе урочище связано с полумифическим разбойником Кудеяром. Известны такие кладовые записи и в Балашовском районе — в селе Репном, где есть Кудеяров курган.

Копали, искали клады, можно сказать, по всей области, особенно в Аткарском районе, а также в Камышине. На поиски приезжали даже донские казаки, но ничего не нашли.

Вот еще одно из дошедших до нас письменных свидетельств:

«Как найти клад.

С XVI в. известно:

1. Найти рябиновую ветку, у которой верх разветвлен, ветки на одном уровне и между ветками «помещается» солнце..

2. Встань перед солнцем, перед веткой, положи «начало» — прочти молитвы «Царю небесному»... «Отче наш»... «Приди до поклонимся»... «Помилуй мя Боже»... «Верую»...

3. Возьми потом ножичек и проговори: «Во имя Отца, Аминь», сделай крест на ветке ножом, ниже креста полуотрежь ветку. Потом проговори: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!» Отрежь ее совсем и очисть от листьев.

4. Взяв ее за развилики, за концы так, что как бы вырезанный крест пришелся против рта, прочитай свою молитву: «Аще поздравленная лоза. Молю тя, дабы ты изволила начаток золу на

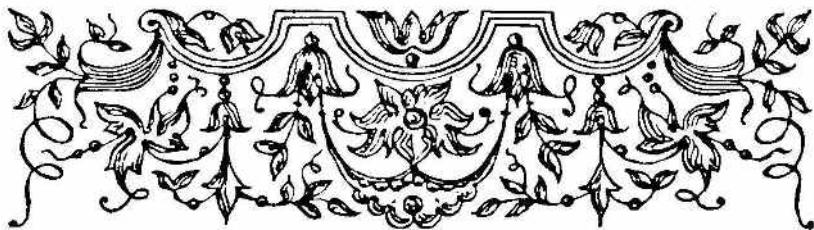
сокровенную в золе поклажу, — на золото, на серебро, на медь, на олово, на свинец и на все прочие вещи, сделанные руками человеческими. Аминь! Положите простой начал и храните ветку в чистоте.

5. Когда пойдешь рыть клад, то на месте очерти круг с молитвою воскресною, прочти весь начал, как сказано при резании лозы и в конце молитвы добавь, проговоря: «Станем добре, станем со страхом, святое возношение во смирении приносите рабом Божиим (перечисляются все участники по имени, а их не более 12), на вещи, на фамилии, на украшении церквам, святым иконам и на нищую братию. Аминь». Потом возьми лозу за развилики иди туда, куда наклонится и повернется ветка. Если на грудь, то повернись назад..

Срезать ветку можно только в среду или в пятов день, причем быть в чистоте и смирении. [Эту запись сообщает протоиерей В.Г. Еланский, а он ее писал из записной книги вольского мещанина Максима Алексеевича Еремина, а тот ее переписал из рукописной книги одного из старцев Иргизских монастырей Рогожина, который умер.]»

Старуха из Камышина рассказывала: «Выйти весной в поле, найти цветик-семицветик, на том месте откроется котел. Но сразу его не брать, а вынуть платок, разорвать его на три части и покрыть им края котла и тогда клад можно брать. Такой случай бывает только раз в семь лет»...

Легенды Большого Иргиза

ткуда у Большого Иргиза такое название? Научного объяснения на этот счет нет, но есть много легенд. Одна из них относится к тому времени, когда река в своем русле имела намного больше воды, чем сейчас, когда вода в ней была свежее и чище утренней росы, а по берегам росли буйные травы да шумели дремучие леса.

Приходили сюда кочевые племена разных народов и народностей, распрягали лошадей, зажигали костры, скот оставляли пасться на обильных пастбищах. В лесу охотились на зверей, которых здесь было в изобилии.

В те далекие времена в Астраханских степях обитали сарматы; севернее — будины, гелены — народы греческого происхождения, занимавшиеся земледелием... В VII—V веках до нашей эры в поисках пастбищ через степи проходили племена скитов. В созданном ими государстве они занимались земледелием, скотоводством, обработкой металлов, торговлей с античными городами.

Скифы гордились дикими нравами своих предков. Они поклонялись богу войны, были храбры в бою с врагами. Золотом украшали скифы свои шляпы, пояса, конские приборы. Они не знали железа и серебра, их палицы и копья делались из меди.

Со временем, однако, могущество скифов стало падать. Сокрушительную победу над ними одержал Филипп Македонский. Довершили уничтожение этих племен сарматы, которые истребили часть скифских жителей, а остальную ассимилировали (присоединили к своему народу). Вот тут-то и начинается легенда о степной реке. У сарматского хана была красавица дочь. Она полюбила скифского юношу из бедного рода. Сарматское население свысока смотрело на побежденных, и поэтому молодым не суждено было соединиться. От горя и отчаяния девушка бросилась в реку и утонула. Ее звали Иргиз. Это событие поразило не только родителей девушки, но и всех соплеменников. Место гибели девушки стали называть Иргизом. Вскоре это наименование относилось уже ко всей реке.

Через Заволжские степи проходили авары, хазары, печенеги, половцы. Последние оставили после себя в степи множество курганов, похожих на холмы, с каменными статуями на их вершинах, получивших название «каменные бабы». С XII века Заволжье подверглось нашествию татар под предводительством хана Батыя. В эти периоды большинство завоевателей шло на Русское государство с востока, неся с собой беды и разрушения местному населению. Среди нападавших были разные племена. С одним из таких нашествий связана следующая легенда о степной реке.

Слово «ирис» в переводе с греческого – «радуга». За необыкновенную красоту, радужность расцветки получил свое название цветок ириса. Это декоративное растение известно людям давно, в естественных условиях оно встречается в Европе, Северной Америке, Азии. На острове Крит была найдена фреска с изображением юноши, окруженного цветущими ирисами. Этой находке более четырех тысяч лет.

Чудо природы – радуга всегда восхищала людей своей загадочной красотой. Однажды небесное явление растревожило душу воина-поэта. Через весь купол послегрозового фиолетового неба перекинулась блестящая свежевымытыми красками радуга. Один конец ее опустился во взбудораженные воды реки, а другой – видимо, в такую же степную реку. Вбирая по капле зеркальные брызги реки, радуга становилась все ярче и ярче.

И тогда поэт воскликнул:

– Цветок ириса! Смотрите, в небе расцвел ирис!
– Где? – не понял рядом стоящий воин.
– Вон, смотри! Один лепесток цветка прильнул к реке, а другой – пьет воду из такой же бурлящей красавицы, как эта! Клянусь, я найду и ту реку!

Кочевники шли на запад. Позади остались казахстанские просторы, где поэт назвал один из притоков реки Тургай Ирсом. Но воины переинчили его по-своему – Иргизом. Так это слово звучало для них понятней и благозвучней. Иргиз – будто удар бича, Иргиз – взвизг меча в бою. Такое название река сохранила и до наших дней.

Когда племена вступили в Заволжские степи, то увидели вторую реку и поразились ее красоте. Воды ее неслись с востока на запад, то устремляясь вперед, то замедляя бег. В лучах заходящего солнца вода струилась, играя всеми цветами радуги. Увидев это, поэт воскликнул: «Я нашел реку, в которой пила влагу радуга!» И назвал ее тоже Иргизом. Только в отличие от казахстанского этот Иргиз был наречен Большим, потому что в летние месяцы не пересыхал, как тот, а величественно нес свои воды в могучую Волгу, омывая ими плодородные берега.

Есть и такое предположение, что свое название река получила от тюркского «ир» (извилина) или «ырк» (крюк). Возможно. Потому что, действительно, словно змея, вьется по степному Заволжью русло реки. Берега Иргиза, покрытые зелеными лесами, ярко выделяются среди равнинного ландшафта.

Часто берега Большого Иргиза были безлюдны. Кочевники приходили, задерживались на то время, пока их стада не съе-

дали корм, и снимались в поисках новых пастбищ. Но некоторые народы облюбовали эти места и поселились здесь надолго, как, например, башкиры. В Прииргизье они живут с IV века. Их потомки и сейчас составляют большинство населения в селах, расположенных в верховьях рек Большой Иргиз и Камелик. Этот народ создавал немало красивых легенд и сказаний, связанных с названием уроцищ и местных рек. Вот одна из них.

Башкирами тогда правили бии (бий, бай – богатый ското-вод). У одного бия была дочь – красавица Гулистан. По соседству с башкирами кочевали калмыки. Их хан – правитель несильного народа – полюбил Гулистан и захотел во что бы то ни стало жениться на ней. Он предложил башкирскому бию выдать за него дочь, но бий ответил ему, что без согласия ее и своего народа не сможет сделать это.

Гулистан отказалась выйти замуж за человека из другого народа и другой веры и призвала свой народ к войне против калмыков. Услышав это, калмыцкий хан послал на башкир свой отряд воинов. Отряд напал и отбил у башкир скот. Так началась вражда между этими народами. Однажды башкиры узнали, что калмыки собираются отнять у них Гулистан. Они вышли навстречу врагу, вооруженные копьями и мечами. Началась битва. Гулистан с отцом наблюдала за ней с высокого места. Отсюда бий руководил своими воинами.

Вдруг девушка увидела, что башкир потеснили и калмыки начинают побеждать их. Тогда она села на коня и встала впереди своего отряда. Воодушевленные поступком Гулистан, башкиры воспряли духом и снова ринулись в бой. Их натиск был так силен, что калмыки не выдержали и разбежались. Многие из них остались на поле брани.

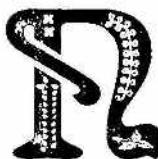
Башкиры ликовали. Долину, где была одержана победа, они назвали именем девушки-победительницы – Гулистан, а реку, протекающую по долине, на берегу которой башкиры праздновали свою победу и чествовали Гулистан, назвали Ир-Кыз, что в переводе на русский означает: «Молодец, девушка».

Да, много повидал Иргиз на своем веку.

Легенды Прихоперья

РЕКА-СПАСИТЕЛЬНИЦА

утешающие странники Климентий и Никодим попали в сложный переплет. Для ночлега они облюбовали желтеющий стог душистого сена на окраине какого-то лесочка. Посидели возле костра, полакомились печеною картошкой, ведя свой бесконечный спор о добре и зле. Никодим считал, что в бренном мире больше темного, грешного, а Климентий, наоборот, верил, что жизнь состоит из светлых мгновений: любви, милосердия, счастья и даже удачи. Правда, самому Климентию особенно не везло. Он хлебнул сиротской доли и воровской, в темнице сидел, потом попал на флот, ходил под парусами по морям и океанам, заморские страны видел. И где бы ни бывал Климентий, он везде искал истину и мечту.

У Никодима же все в жизни было иначе. Родился в богатой семье, получил хорошее образование, имел много друзей и знакомых с высоким положением, писал философские романы, но он тоже всегда и везде искал истину и мечту. Наверное, эта

бунтарская жажда свела их и сблизила. Будучи уже в почтенном возрасте, они познакомились как-то в столичном трактире и решили пройти пешком родное Отечество вдоль и поперек, да не просто пройти, а сочинить при этом какой-нибудь мудрый сказ. Однако совместный художественный труд их, прямо скажем, не клеился.

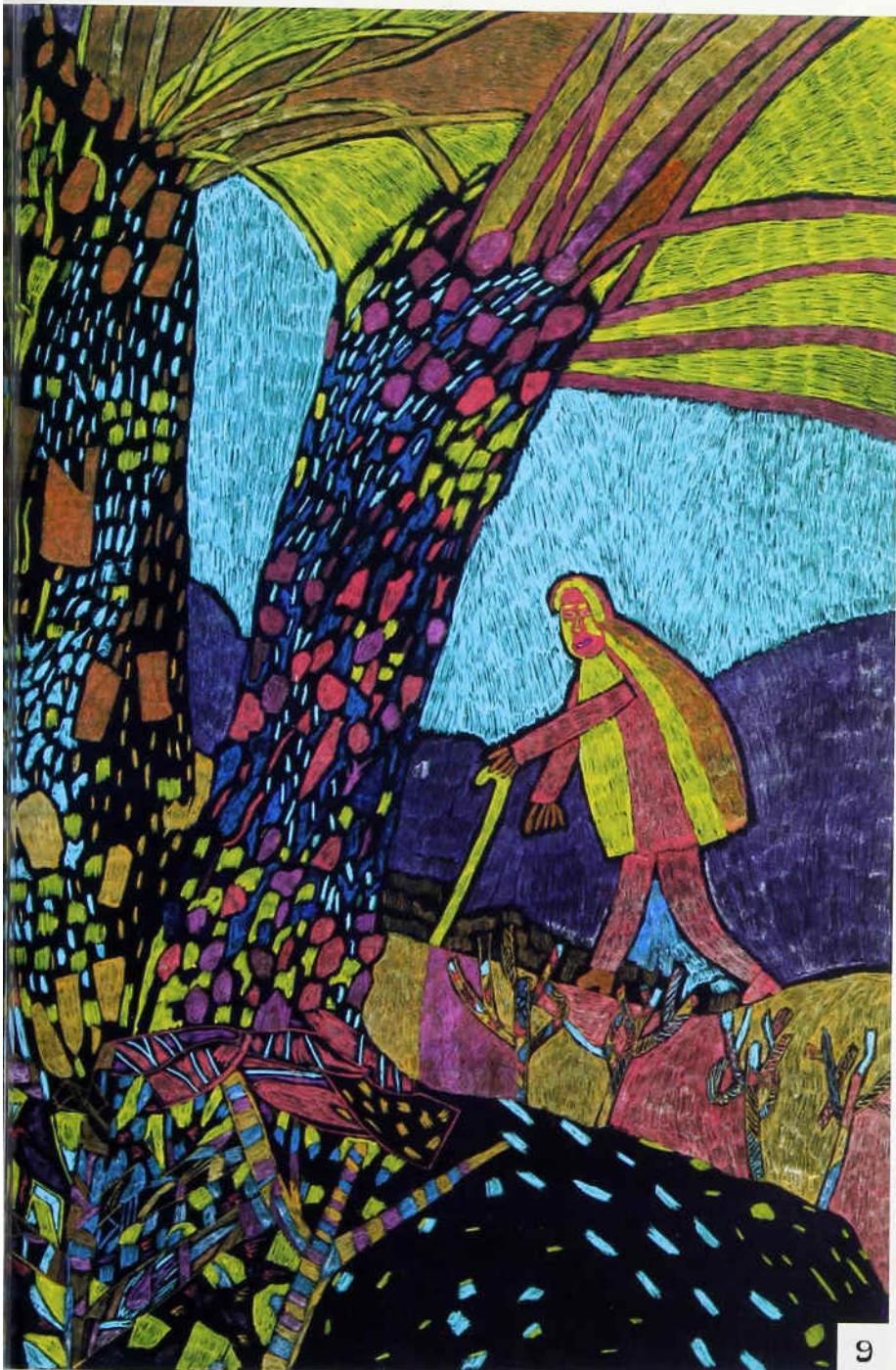
— Продолжение нашего сказа, — говорит мечтательно Климентий, — завтра в каком-нибудь селении начнем словами: «Прекрасна жизнь и благословенны живущие здесь».

— Лукавишь ты, брат, лукавишь и других в заблуждение вводишь, — спорит задумчивый Никодим. — Лучше начать так: «Тревожна жизнь грешников на этом свете». Согласен?

З спором путники и не заметили, как в небе появилась луна, как погасли последние угли костра, а рядом с ними выросли большие зловещие тени. Звери крадучись приближались к отдыхающим странникам, обнажив острые клыки. Самый сильный из стаи вышел вперед, нацелился и прыгнул на широкую спину Климентия. Старец вскрикнул и рухнул в колючую стерню. Никодим успел заметить блеснувшие клыки какого-то чудища, рвавшего поношенный зипун друга.

«Вот и смертшка наша пришла, — подумал перепуганный Никодим, шаря вокруг себя зачем-то руками. — Надо бежать за подмогой». Он вскочил на онемевшие ноги, попытался шагнуть, но кто-то сильным ударом повалил его в стог. Никодим ударился головой о бревно, кувыркнулся, вскочил на ноги и ощутил в руках увесистую дубину. Все произошло мгновенно, он и сам-то не понял, как, дрожа от страха, махал налево и направо смертельным орудием, сбивая четвероногих чудовищ с ног. Волчья стая отступила. Никодим убедился, что его друг жив, развел костер, перевязал раны.

На заре путешественники собрались в дорогу. У Климентия распухли израненные ноги, его мучила нестерпимая боль и жажда, ведь допили последние капли воды. Никодим взвалил ослабевшего друга на спину, и они тронулись, останавливаясь

ясь через каждые два десятка шагов, вглядываясь в даль, надеясь увидеть спасительный ручей, речку или озеро.

На трети сутки, пробираясь через заросли глухого лесочка, в вечернем небе путники увидели стаю взлетевших уток — где-то рядом вода. Они, теряя последние силы, устремились вперед и наконец-то выползли на крутой берег незнакомой реки.

— Прекрасна жизнь, — вымолвил Климентий, вдоволь испив воды, — пусть будут благословенны живущие здесь.

— Прошу тебя, брат, этого не надо, — перебил его Никодим, — слушать не хочу, как вспомню чудовищ пакостных.. Я тебе еще тогда говорил, давай добьем ее, облегчим мучения, а ты: «Не бери греха на душу. Не делай зла!» А я тебе скажу: не делай добра и не получишь...

— Ты не прав, брат, не прав, — запротестовал Климентий, — раненная кем-то волчица не виновата, что на нас ее собратья напали. Может быть...

— Я-то прав, вот ты ее тогда пожалел, а она тебя нет. Не делай, брат, добра, не получишь зла.

— Смотри, брат, Медведица! — произнес Климентий и вытянул руку перед собой: — Вон, впереди...

Никодим вскочил с места, выхватил из кучи валежника огромную дубину. Он приготовился встретить непрошеную гостью, но услышал за спиной раскатистый смех друга.

— Совсем ты одичал, брат, — хохотал Климентий, — я про звезды говорю, в реке, видишь, как красиво горят: Медведица! Большая и Малая!

— Красиво, — согласился Никодим, — действительно Медведица!

— Мне кажется, когда мы, смертные, смотрим на звезды, — продолжил Климентий, — мы светлеем душой.

— Это ты загнул, брат, — не согласился Никодим, — лучше давай подумаем о нашем мудреном трактате.

— Я предлагаю посвятить одну из его глав нашей спасительнице, безымянной реке, — предложил Климентий.

— Почему безымянной? — возразил Никодим. — Медведица!!!

Путники на большом круголобом камне сделали надпись: «Отныне реку величать Медведицей! Никодим и Климентий».

С тех давних пор много воды утекло, на берегах реки-речушки появились большие и маленькие селения, а ее так и называют. И в наши дни на ее живописные берега приходят люди: одни — подивиться красоте, другие — порыбачить, а трети — порассуждать о вечном споре двух неугомонных путников.

ЖЕЛТЫЙ ЗМЕЙ И БРАТЬЯ-БЛИЗНЕЦЫ

В давние-стародавние времена жили-были два брата-близнеца. Одного звали Петр, другого — Павел. И вот какая страшная история с ними приключилась.

Возвращался как-то ночью Петр домой и, проходя мимо старого кладбища, увидел такое, что его рыжие волосы дыбом под шапкой встали. У черного камня из могилы валил дым с искрами, а потом выкатился огненный шар и помчался по звездному небу.

Изумленный Петр поскакал на коне за огненным чудом, да не угнался. Страшный шар над домом его брата Павла превратился в Желтого Змея и опустился куда-то — то ли в сад, то ли во двор.

Долго искал Петр Желтого Змея, оглядел дом, сад, двор, а на берегу реки увидел своего брата-близнеца под ракитой и рядом девушку. Подошел Петр к Павлу. Тут-то красавица, не говоря ни слова, бросилась в заросли и исчезла.

Страшно разгневался Павел на брата, мол, зачем пугаешь добрых людей.

— Это колдунья была, — сказал взволнованно Петр, — она погубить тебя хотела.

— Не может быть, — ответил Павел, — это моя невеста Пелагея.

— Твоя Пелагея уже месяц как пропала, — не унимался Петр.

— Она вернулась ко мне, — возразил Павел, — и кольцо обручальное просила, я ей хотел передать, да ты помешал.

Долго спорили братья-близнецы, и понял Петр, что Павла не переубедишь, не переспоришь, но если не помочь его беде, то пропадет он, как и его невеста Пелагея.

Заманил Петр брата в свой дом, выпросил у него кольцо обручальное на один день и закрыл его на ночь, а сам привязал к кольцу длинную веревочку и затаился на берегу реки.

Стемнело. Запахло дымом. Видит Петр, как к нему идет девушка-красавица в черном платье. Поздоровалась она с Петром и попросила у него кольцо обручальное. А Петр говорит:

— Это кольцо для моей любимой, а тебя я знать не знаю и видеть не хочу!

Красавица сделала вид, будто не рассышала этих слов, но тут же осунулась лицом и как бы постарела не несколько лет.

— Не надо грубить, Павлуша, — сказала она, — ты меня всегда любил и сейчас любишь.

— Я не Павлуша, — опять возразил Петр, но тем не менее снял с пальца кольцо, протянул девушки, да нечаянно выронил в реку.

В этот момент красавица превратилась в Желтого Змея, который сказал Петру, что он теперь, как и Пелагея, его пленник на вечные времена. Кольцо-то, оказывается, было волшебное, передающее силы его владельцу.

Довольный Желтый Змей нырнул на дно реки, но кольца не нашел, нырнул еще раз, опять неудача. Тогда он в отчаянии начал глотать воду, вместе с водорослями и лягушками. Пил, пил, да и лопнул.

Петр тут же дернул за веревочку, и кольцо вновь заблестело в его ладонях.

Вот так братья-близнецы победили Желтого Змея, освободили из неволи Пелагею, невесту Павла, и ее односельчан.

Правда, село со старым кладбищем и тихой рекой до сих пор так и называют: Змеевка.

ЛЕГЕНДА ОБ ИЗНАИРЕ

Рыжебородый красавец Феодосий страстно любил дорогие вещи. Обычно из дальних заморских стран, куда он возил соболи меха и мед, купец привозил диковинные одежды, браслеты, перстни и кольца. Как-то раз на восточном базаре Феодосий заметил цветастую лавку с товаром, где у хозяина на указательном пальце горел дивный перстень. Купец долго уговаривал продать ему диковинную вещь, но темнолицый продавец упрямо мотал головой, произнося единственное слово: «Нэт!». Раздосадованный Феодосий удалился к своим спутникам и слугам и поинтересовался, бойко ли идет торговля товаром, очевидно пытаясь забыть о перстне чудной красоты, да не мог.

«У меня все всегда было лучшее, — думал рыжебородый, — кони самые быстрые, слуги самые сильные, пища самая вкусная, наряды самые роскошные, а вот перстенька голубоокого не было и, возможно, никогда не будет. У какого-то лавочника, но не у меня!» Помрачнел от этих мыслей Феодосий.

— Может быть, силой возьмем? — предложил ему воевода Радомир. — Покажем лавочнику почем фунт лиха!

Феодосий ничего не ответил, он покинул своих сотоварышей и вернулся только утром с перстнем.

— Вы не поверите, — взволнованно рассказывал купец, — этот странный торговец подарил мне его, подарили! Правда, сказал, что пообещал отдать Изнаир тому, кто поможет им избавиться от врагов. Бред какой-то нес старичок этот. Видимо, умом тронулся! — Рыжебородый весело расхохотался, вытирая вышитым платочком драгоценный камень в оправе.

— Я не понял, что такое Изнаир? — спросил купца воевода Радомир.

— Я сам не разобрался толком, — признался Феодосий — Я выпрашивал у старика перстень, а он все твердил: «Изнаир,

Изнаир». Думаю, так драгоценный камень в оправе называется.

На другой день Феодосий и Радомир покинули восточный город и повернули коней в сторону родных мест. Ехали долго по степям, горным тропам, свернули в глухой лес. Вечером остановились, чтобы переночевать, тут-то на них и напали разбойники, они утнали куда-то коней и слуг, а Феодосия и Радомира начали привязывать к сосне. В этот момент усатый разбойник со шрамом на бритой голове увидел у Феодосия дорогой перстень.

— Любезный, перстенек-то сам снимешь, — припугнул разбойник, — или тебе помочь?

Феодосий снял драгоценный перстень и протянул разбойнику. Усатый схватил его, но тут же выронил на землю. Изнаир как-то странно заблестел и раскалился, словно подкова в горне кузнеца. Разбойники попытались еще раз взять его в руки, но не смогли и повесили на толстый сосновый сук. Изнаир, будто маленькая звездочка, светился во мгле. А под утро произошло чудо. Феодосий, привязанный к дереву, заметил, как огромная птица пронеслась мимо него и унесла перстень. В этот момент купец почувствовал, что его руки освобождены от веревок. Он помог развязать веревки другу Радомиру, и они под покровом ночи сумели вырваться из плена.

Феодосий сильно жалел, что потерял любимый перстень, но как-то раз на рассвете увидел сову, которая сидела на высоком пне, и перед нею лежал Изнаир.

— Забирай свою пропажу, — сказала Сова — Изнаир тебе дается в награду за то, что ты друга в беде не оставил.

Правда, радоваться-веселиться Феодосию не пришлось. Сова рассказала, что за время странствий купца на его родине была засуха, потом кочевники объявились, имение его разорили, пасеку сожгли.

Загоревал Феодосий, света Божьего не видит. Впрочем, правильно говорят: нет худа без добра. Как-то раз возле какого-то

разоренного селения встретилась ему девушка. Красавица, глаз не отвести. Феодосий будто прозрел сразу и духом воспрянул; долго не думая, предложил ей руку и сердце.

— Выходи за меня замуж, — говорит купец, — я таких, как ты, еще ни разу не видел.

— Не могу, — отвечает девушка, — ты купец, а я простая крестьянка, у тебя вон перстень какой дорогой, а у меня одни мозоли от труда тяжкого.

— А хочешь, я тебе его подарю? — горячится Феодосий — На, бери!

Девушка отказалась, и тогда купец снял перстень, размахнулся и бросил куда-то в заросшее сорняком поле. Феодосий кинулся на землю и зарыдал, а сестра девушки-красавицы наклонилась к нему и говорит:

— Кругом вороги-враги, ты нам, Феодосий, помоги!

Купец вскочил на ноги и бросился в поле искать перстень. В какой-то ямочке увидел знакомый блеск, ладонями землю разгребает, а из ямки вода сочится. Феодосий еще раз копнул, образовался ручей, на дне которого лежит Изнаир. Копал-копал Феодосий землю, но перстня не достал. Правда, ручей соорудил, для высохших полей — это сила, радость и умиление...

С тех самых пор этот ручей, который потом превратился в полноводную реку, и стали называть Изнаир. А Феодосий и Радомир женились на сестрах-красавицах, разбили всех врагов и зажили лучше прежнего в труде праведном, согласии и любви.

(Река Изнаир находится на территории Ртищевского района Саратовской области, протяженность 55 километров, впадает в Хопер.)

ПТИЦА-ПЕВИЦА

— Помнишь, как бандиты делили награбленное добро? «Это мне, это тоже мне. Я такой фасон не ношу!»

Мы, солдаты-первогодки, вспоминали юморные моменты

популярной комедии семидесятых годов «Свадьба в Малиновке». Сидели в бытовке и тоготали.

— А у нас тоже Малиновка есть, — заметил Никита с Украины.

— Между прочим, Грачев учился в Малиновской школе, что на Саратовщине, — ляпнул мой земляк ефрейтор Смесов, — он кое-что может добавить.

— Меня забросали вопросами про Малиновку, но я смешного ничего рассказать не мог, село как село на берегу реки, ни большое, ни маленькое, с обычными домами и огородами, обычными жителями, хотя с богатой историей. В гражданскую саблями крепко махали и красные и антоновцы, при царе бунтовали, а что было еще раньше — сплошная тьма и даже мистика...

Об этом эпизоде я вспомнил лет через пять, когда работал корреспондентом в Аркадакской газете «Сельская новь» и приехал в одно селение на Хопре, которое тоже называлось Малиновкой. Тут-то я и решил узнать у местных мужиков-механистов, откуда название такое взялось у их села? Направили они меня к одной бабульке, сказав то ли в шутку, то ли всерьез, что она общается больше с мертвymi, чем с живыми.

— Бледный ты какой-то, сынок, лежать тебе скоро в больничке, — ни с того ни с сего выдала загадочная старушка, усадив меня за стол. — А через пять лет...

— Вы мне про Малиновку расскажите, — перебил я предсказательницу человеческих судеб, ощущая в душе какую-то дрожь: накличет еще чего-нибудь, а через пару дней, покажется, точно от страха загнешься... — про Малиновку, почему так называется?

— Лечила она больных здесь, лечила, да и здоровых тоже, — понесла какой-то непонятный вздор, будто тронутая умом, моя собеседница, — пела красиво, голос сахарный. Сама-то я не слышала, мне моя мама покойная рассказывала, а ей — ее бабушка, а бабушке — еще кто-то...

Никто не помнил, когда в болотных топях появился черный шалаш на островке. А в нем то ли зверь, то ли чудище лесное. У него было четыре руки-лапы, две лохматые головы и множество кривых ног. Чудище болотное днем пряталось от досужих глаз, а ночью выходило на охоту. Почему-то этот зверь-паук воровал маленьких ребятишек. Злодей к тому же умел колдовать и однажды поднял желтую бурю, отравил огромные тучи и отправил их на пещеры и землянки, где жили охотники и земледельцы, на цветущие луга, на голубые реки и озера. Скоро черный колдовской ливень заразил чем-то травы, озера и людей. Они покорились Колдуны-Чудовищу, построили ему большие палаты, где он со своими слугами продолжал творить зло и возменил себя властелином всего и всех. Однако не долго ему пришлось властвовать.

Как донесли Чудовищу слуги, появилась в его владениях девушка певунья. Она обычно приходила под вечер в одни и те же места, где работали на Колдуна охотники и земледельцы, и пела. Красиво и звонко пела — о любви и свободе, доброте и нежности, о дружбе и сопереживании.

Чудовище-Колдун разослав своих слуг по тем местам, где пела девушка.

— Доставить ее ко мне живой или мертвой! — приказал Колдун. — Я эту певичку превращу в лягушку, а потом отправлю к ужам.

Слуги выкопали хитрые ямы-ловушки, расставили крепкие сети, но девушка-певунья легко обходила эти засады и продолжала радовать народ то в одном месте, то в другом, то в третьем. Злодеи с ног сбились! Как она, такая хрупкая и крохотная, могла везде успевать? Но скоро они узнали про ее секрет. Однажды певунья подопала к охотникам и начала говорить им о свободе, а слуги Колдуна набросили на нее плетеную сеть. Попалась! Девушка-певунья прижалась к земле, прошептала какие-то слова и превратилась в маленькую птичку — малиновку.

Колдун-Чудовище, зная о секрете Малиновки, еще больше разозлился и пустил по ее следам тьмишую слуг. Тем временем он готовил новую бурю и зловещий ливень. Ненастным утром, когда на поля и холмы упали первые отравленные капли, вдруг послышалась веселая песенка Малиновки. Дождь вначале оторопел, а потом разошелся, разошелся, но уже не колдовской, а теплый и светлый!

Он затопил болото вместе с Чудовищем-Колдуном. Правда, Малиновка куда-то исчезла, но зато в тех местах, где она пела, появились селения, а в них — сильные и смелые люди, ценящие свободу, любовь и доброту.

(В России насчитывается более ста сел с прекрасным названием Малиновка.)

КРАСНЫЕ ГРИВКИ

Эта печальная история случилась в то время, когда на степных просторах паслись табуны тонконогих скакунов. Кони жили мирно и красиво. Заботились о старых, воспитывали молодых, ревились, отдыхали, иногда устраивали скачки, особенно в те дни, когда выбирали самых сильных и выносливых. Побеждали обычно или Затейник или Вороной — белогривые рысаки.

Два табуна — Затейника и Вороного — оказались во владениях двух прекрасных и великих владычиц: царицы Весны и царицы Зимы, давно уже споривших между собой, кто важнее.

— Я могу заковать эти поля, леса, реки в лед, — говорила царица Зима, — все живое превратить в белые холмы.

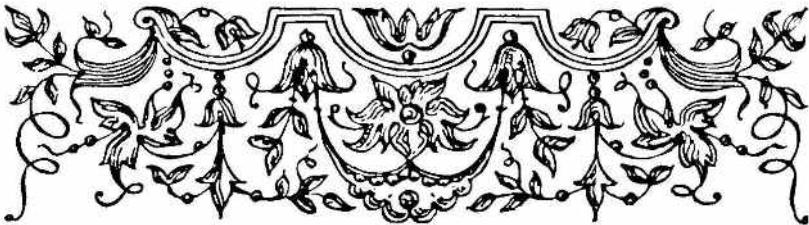
— А я могу эти поля, леса и реки оживить, — отвечала царица Весна, — превратить все неживое в цветущее белое облако.

— Я могу сделать так, что моя власть будет здесь на все грядущие времена, — утверждала царица Зима.

— А не ошибаешься ли ты, дорогая? — возражала царица Весна. — Моя сила и власть не хуже, а лучше твоей.

Словом, две царицы спорили-спорили и разрешили спор при помощи скакунов. Они отобрали для себя по пять рысаков из табунов Затейника и Вороного. Начались скачки. В первых забегах победили кони царицы Зимы. На второй день — царицы Весны. А вот на третий день царица Зима поняла, что ее скакуны проиграют, и в гневе превратила их в ледяные глыбы. Царица Весна пыталась оживить белогривых скакунов, но они превратились в высокие холмы. Две царицы до сих пор негласно продолжают свой спор, а у тех печальных холмов выросло село. Местные жители обычно во время восхода или заката солнца глядят на эти печальные холмы, покрытые ковылем, и восхищаются дивной красотой: «Глядите, какое чудо, словно красные гривы коней на ветру, красные гривки!». Может быть, поэтому и назвали так село: Красные Гривки.

Дети солнца

ожъя коровка села на руку Анфисы...

Анфиса только что начала молитву в своей келье. Ее жилище, небольшое, узенькое, аршина в три шириной и четыре длиной. В нем по-женски чисто. У стены маленькая кроватка, срубленная из соснового леса. Над койкой полочка с четырьмя книгами. В углу аналойчик. Над аналойчиком образ Христа в терновом венце и лампадка.

Анфиса любила свою келью. В ней пахло маслом и землей. По утрам хозяйка подолгу убиралась вокруг, вытирала давно не существующую пыль. После уборки обязательно молилась.

Наверное, с месяц или более к Анфисе никто не наведывался. Да она и сама давно не выходила из своей обители. Устала, что ли...

Анфиса обрадовалась неожиданному прилету божьей коровки, даже прервала молитву и погладила длинным тонким пальцем гладкую спинку букашки. Потом поднялась с колен и, зажимая в кулаке божью тварь, направилась к выходу.

Солнце уже стояло высоко. Анфиса отругала

себя за сегодняшнее опоздание, леность. Вышла на обширную полянку, раскрыла ладонь. Солнечный лучик ярко плескался на спине у божьей коровки. Анфиса ногтем подвинула букашку к краю ладони, та, немного пробежавшись по руке, расправила крылышки и улетела. Прикрывшись от солнца, Анфиса некоторое время наблюдала за полетом неожиданной гостьи. Наконец божья коровка, растворившись в солнечных лучах, исчезла в пространстве. Анфиса сразу же загрустила и направилась было в келью, но вновь остановилась, услышав откуда-то издалека песню. Высокий мужской голос выводил:

Ай да струги по Волге плывут,
Струги режут noctную волну,
Далеко я от дома опять,
Вновь чужую воюю страну.

К молодому красивому голосу присоединился мужской хор:

Я соскучился по миленькой,
По своей родимой женушке,
По сестре, по брату, матушке,
По родному батюшке.

Анфиса узенькой тропинкой вышла к Волге. Великая река во всей красе предстала перед взором. Было тихо. Редко днем на Волге устанавливалась такая погода. Вокруг, на много верст вверх и вниз по реке, ветер даже не наморщил зеркальную поверхность. Крупные сътые чайки лениво падали в синюю мглу водной глади.

От Саратова вверх по Волге поднимались десятка два больших стругов. Казаки дружно пели, широко загребая веслами. Анфиса вновь приложила ладонь к глазам, пытливо смотрела на грозную армаду. Вдруг от переднего струга отделилась маленькая лодка и направилась к берегу. На ней Анфисе удалось разглядеть трех человек: один греб на веслах, другой сидел на корме, а третий стоял посреди лодки, широко расставив ноги и, высоко задрав голову, смотрел на крутой берег Волги.

Некоторое время спустя лодка ткнулась носом в опочный берег. По тропинке, которой Анфиса каждый день ходила за водой, поднимался высокий, но кряжистый молодой мужчина. Его товарищи остались в лодке. Когда человек поднялся в гору, Анфиса увидела, что он светел лицом, но непонятным, злым огнем горят его глаза. Он, как положено, поклонился Анфисе.

— Благослови, — сказал неторопливо, — мать Анфиса, на трудное дело иду.

— Ты кто такой будешь? — в свою очередь спросила Анфиса.

— Я — Василий Ус, — гордо ответил казак, — Степана Разина есаул.

— И куда путь держишь? — вновь лукаво спросила Анфиса.

— Симбирск брать буду, — уже воинственно ответил Василий.

Анфиса заметила, что, несмотря на молодость Василия, по его вискам уже бежали седые волосы, а по широкому кругому лбу — морщинки.

— Не могу я тебя благословить, — ответила Анфиса — Грабить идешь, а сколько невинных душ погубишь? Ты пошто так рано седеть стал?

— А они, кровопийцы, сколько душ загубили? — рассердился Василий. — Ты считала?

— Их Бог накажет, — возразила Анфиса.

— Где твой Бог? — закричал Василий. — Вот он, Бог! — Ус вытащил наполовину саблю из ножен и с силой воткнул ее назад.

— Зачем тогда благословения пришел просить? — ни одна черточка не дрогнула на чистом, красивом лице Анфисы. — Идешь без благословения, ну и иди, Бог тебе судья. Прости, Василий.

Анфиса повернулась спиной к Василию и пошла сквозь чащу к себе в келью. Василий еще немного постоял и, гневно шевеля желваками, бегом бросился к Волге.

В келье Анфиса устало опустилась на коврик. «Господи Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную, помилуй мя,

грешную!» – не переставая молилась она. Губы ее нервно подрагивали в такт молитве, наконец она не выдержала и глухо зарыдала. Вскоре обхватила голову руками и, рухнув на коврик, долго билась в плаче.

Потом Анфиса опять молилась, затем встала, вышла на улицу. Она решила сходить в село. В Троицкое. Хотелось проредать знакомых и, самое главное, своего мужа. Она не видела его больше месяца. В последний раз, когда она приходила в село, Дмитрий уезжал в Саратов, да застрял надолго. Саратов был расположен на луговой стороне, Дмитрий в город-то через Волгу переправлялся, а назад – никак, несколько дней проторчал за крепостными бревенчатыми стенами. Тогда Анфиса пробыла в Троицком какое-то время, но, так и не дождавшись, вернулась в свою келью.

Теперь Анфиса выбралась на большую дорогу и быстрым шагом направилась в сторону Троицкого. Душа наполнялась печальными мыслями о Василии Усе. Она понимала, что обида разинского есаула, но не могла поступить иначе. Душа противилась злу и насилию. Ей было тяжко от нахлынувших воспоминаний.

Анфисе Тургеневой было всего шестнадцать лет, когда ее выдали замуж. Будущего своего мужа, князя Дмитрия Ахматова, до свадьбы она видела всего два раза. Князь был выше среднего роста, очень подвижен, красив. Как послушная дочь, девушка не могла противиться воле отца, именитого дворянина, сподвижника двух последних царей. Поначалу, правда, она была холодна с мужем, но потом, когда почувствовала, что носит в себе его дитя, все изменилось. Однажды она вдруг поняла, что безумно любит своего мужа. Дмитрий был старше Анфисы на одиннадцать лет, часто баловал ее как дитя, дарил дорогие подарки. Когда она родила ему первенца, преподнес золоченную шкатулку для украшений.

Прошло четыре года, Анфиса родила уже третьего ребенка. Первый был мальчик, вторая девочка, а третий опять маль-

чик, которого в честь деда назвали Федотом. Дед, князь Тургнев, подарил молодым особняк почти в самом центре Москвы. Анфиса больше не хотела детей, она устала рожать. Ведь ей было всего двадцать лет. Она любила сидеть возле окна, вязать детские вещички или вышивать на салфетках незамысловатые узоры, глядя на зимнюю московскую улицу, на снующих туда-сюда знакомых и незнакомых людей.

Дмитрий с царевой службы приходил рано. Он крепко целовал в обе щеки молодую жену, по очереди подкидывал детей высоко вверх.

После обеда, переодевшись, отправлялись на прогулку. К этому времени конюх уже запрягал лошадей. Князь Дмитрий сам садился за возницу, в кибитку усаживали детей и присматривающую за ними няню. Дети росли сильными, здоровыми и красивыми, как родители. Обычно зимой ездили на Патриаршие пруды, делали бесконечные круги по льду.

В тот трагический день князь вернулся домой, как всегда, рано. Пока он обедал, на город неожиданно упал туман, сиреневый, густой, почти липкий. Анфиса утоваривала мужа не ездить по такой погоде на прогулку, но он не придал этому значения, засмеялся, крепко обнял жену и пошел переодеваться.

Пара гнедых, высоко поднимая стройные, тонкие ноги, легко бежала по льду пруда. Дмитрий хорошо знал маршрут и в густом тумане не ошибался; прекрасно чувствовали и помнили ежедневные прогулки лошади.

К несчастью, именно с утра того ненастного дня начали заготавливать лед для кладовок и погребов царской кухни, уже успели выпилить лед площадью десять на шестьдесят аршин. В эту полынью и влетели на полном скаку лошади. Кибитка, обитая кованым железом, потянула за собой лошадей. Дмитрий, освободившись от шубы, выбрался на кромку льда. Он сбросил с себя мешавшую одежду и кинулся в ледянную воду, нырял и нырял, не чувствуя холода. Пруд в этом месте был глубоким. Потом, когда уже не осталось сил, князь в полуобморочном

состоянии добрался до дома, собрал людей и вернулся на место трагедии. Но было поздно...

Душа Дмитрия будто опустела. Долго страдала Анфиса. Он более ее искал успокоения, а оно не приходило. Так прошел месяц, другой. Наконец Дмитрий понял, что для поддержания жизни ему не обойтись без Божьей помощи. На Пасху князь поступил на службу в Троице-Сергиев монастырь, что в семидесяти верстах от Москвы. Ему стало вроде бы легче, хотя продолжала мучить мысль о собственной виновности в гибели детей. Спасали только молитвы и повседневная работа.

Когда указом царя Троице-Сергиеву монастырю отдали земли под Саратовом, Дмитрий решил идти на новые земли вместе с монастырскими крестьянами. Вслед за ним ушла и Анфиса. Все свое состояние, от которого чуть раньше совсем отказался муж, она отдала монастырю и ничуть не жалела об этом.

Дмитрий не понимал и не принимал жертвы своей жены. Ему хотелось быть одному, денно и нощно замаливать собственный непростительный грех, оплакивать невинных деток своих.

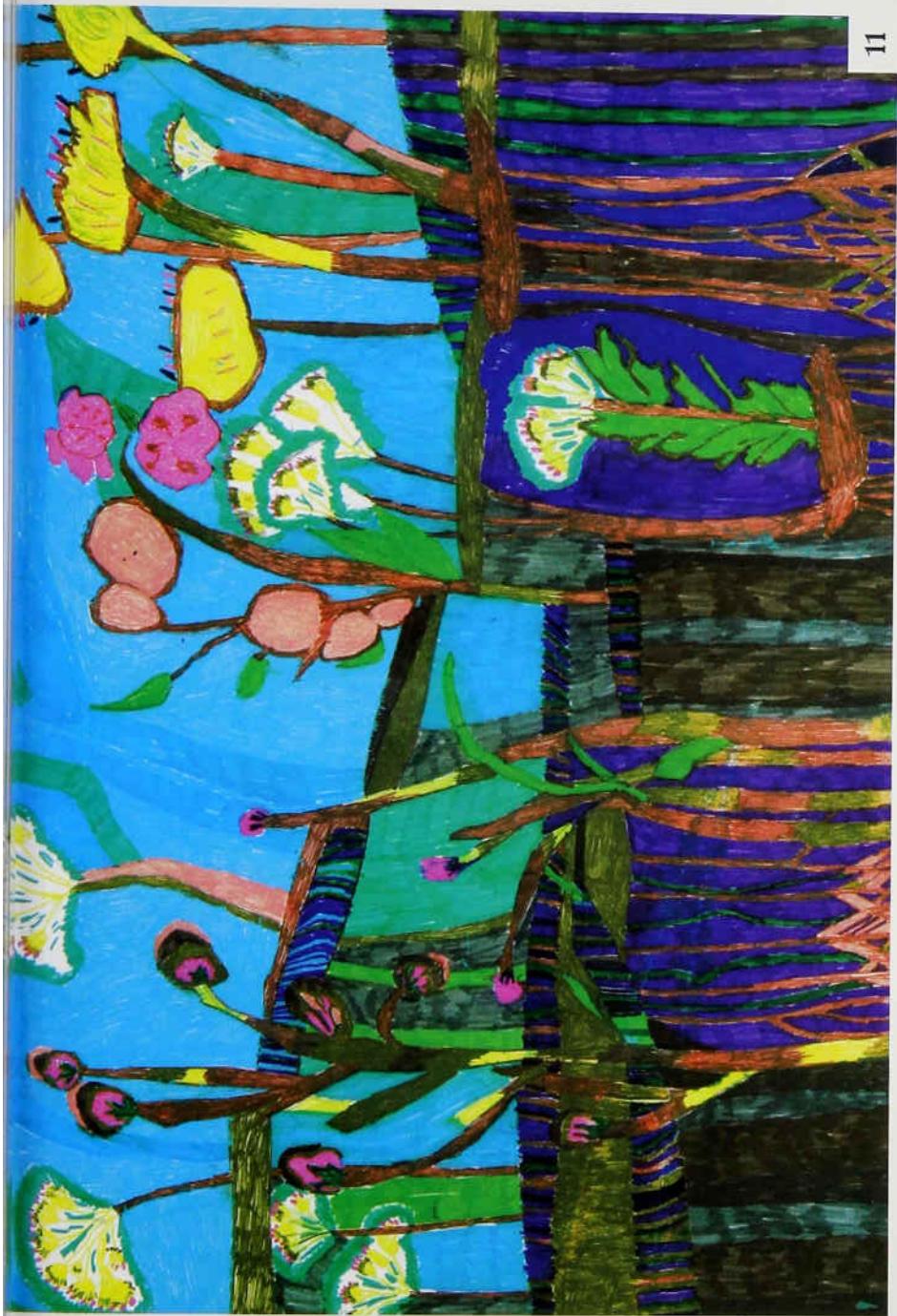
Когда пришли в Троицкое, Дмитрий еще раз попытался отослать Анфису в Москву:

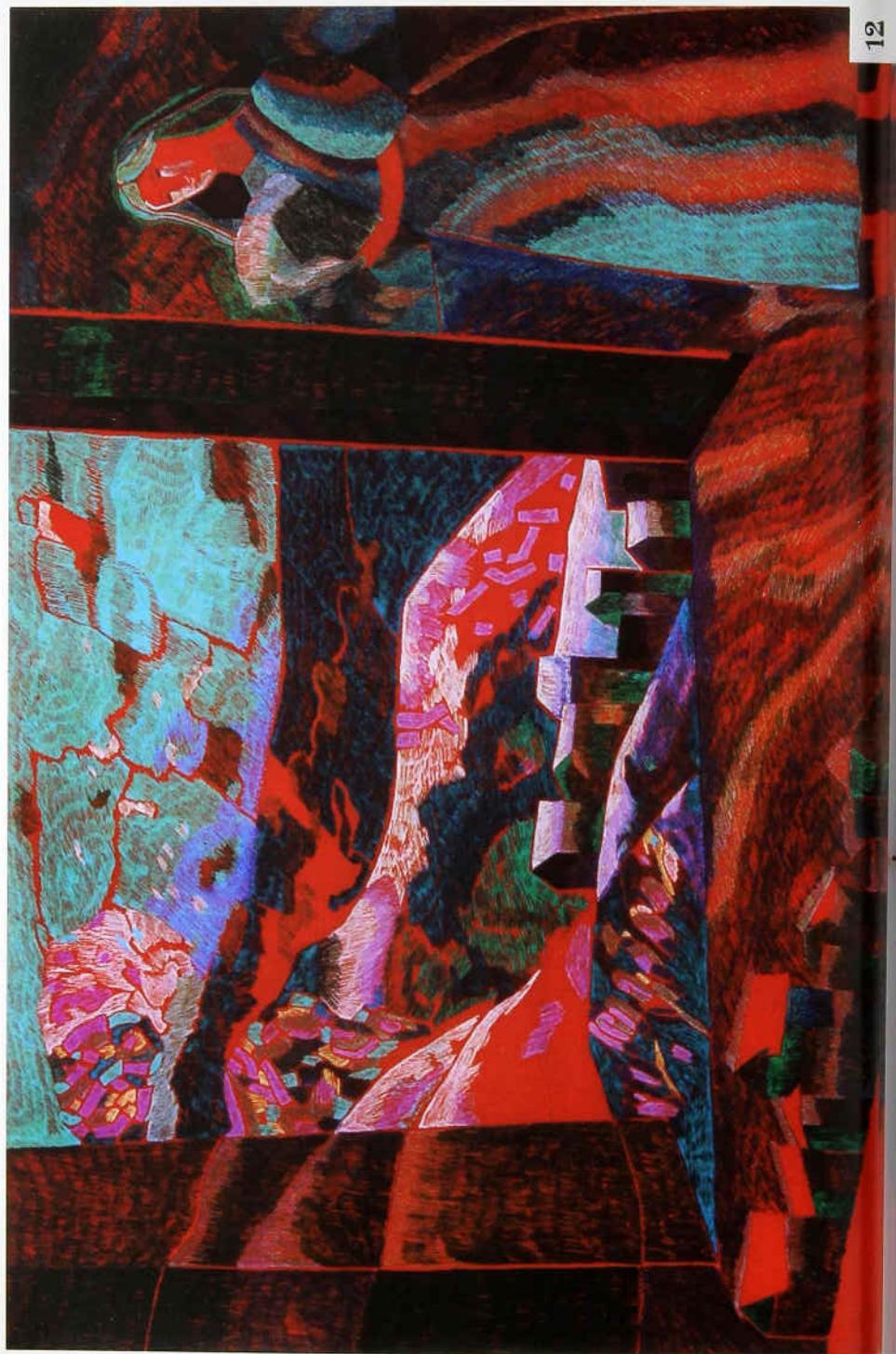
— Иди уж, не майся, я один свой крест буду нести до конца. Никто мне в этом не помощник.

Анфиса ничего ему не сказала, молча собрала котомку и ушла вниз по Волге. Отойдя от села верст шесть, нашла келью. В ней, наверное, когда-то укрывались беглые люди или удалые воровские казаки. Много их в округе было в те времена.

Почти шесть лет прожила в келье Анфиса. К ней стали часто приходить люди, чтобы испросить благословения, отпущения грехов. Поначалу она отказывала, ссылаясь на отсутствие сана и не считая себя вправе делать это, но потом поняла, что люди нуждаются в поддержке, а ее слово вселяет веру.

Однажды пришел разбойник, который порешил целую

семью, в которой было трое или четверо детей. Когда он рассказывал свою страшную историю, Анфиса долго плакала, не решаясь что-либо ответить этому человеку. Разбойник целый час стоял перед ней на коленях и молчал. Она вспомнила своих детей, мужа, потом положила свою все еще красивую, несмотря на тяжелый физический труд, руку ему на голову, прочитала молитву. Когда закончила читать, разбойник приник губами к ее руке, она не отнимала. Наконец, Анфиса еще раз погладила его по голове и сказала: «Иди с миром!»

Так, вспоминая свою жизнь, Анфиса приближалась к Троицкому. По селу ходили люди со строительным материалом, инструментами. Шесть лет жила она подле этих людей и видела, что они все время что-то строят. И строительству не было конца.

Дмитрия она нашла легко. Он был в церкви, вместе с тремя мужиками возводил новую часовенку.

— Здравствуй, Дмитрий, — чуть поклонилась она.

— Здравствуй, Анфиса, — тихо ответил он.

Они стояли рядом, не глядя друг другу в глаза. Правда, прятал взгляд Дмитрий. Он всегда делал так с тех пор, как Анфиса пришла за ним из Москвы.

— Как живешь, Анфиса? — спросил Дмитрий.

— Слава Богу, — мягко ответила Анфиса. Она подробно рассказала про день, про божью коровку, которая нечаянно залетела в келью, про казацкие песни, про Ваську Уса.

Услышав про него, Дмитрий забеспокоился.

— Может быть, тебе в село вернуться, пока этот разбойник назад не проплынет?

— Не стоит, меня они не тронут, ни к чему им это.

— Но ты же говоришь, что Ус рассердился.

— Да, рассердился. Но у него своя правда, а у меня своя.

— Правда — она одна, — возразил Дмитрий.

Прошло два месяца. Наступила осень. Анфиса не боялась зимы, ее холодов и метелей. Она уже заготовила достаточно

дров, подлатала келью. Недавно приходил Дмитрий, второй раз за шесть лет. Он внимательно осмотрел немудреное жилище, поправил стойки, чуть-чуть завалившийся стол. Потом посидел у костра, погрелся. Как всегда, много не говорил. Молчала и Анфиса. Когда он уходил, лишь поклонилась ему вслед да смахнула рукой набежавшую слезу.

Утром, проснувшись от разговора снаружи, быстро накинула телогрейку и вышла в холодное осенне утро. У входа стоял Василий Ус. Она его сразу узнала. Рядом с ним были огромного роста казак, с большой, чуть ли не с бадью головой, на которой торчала папаха, больше похожая на копну сена, и трое маленьких, хорошо одетых детишек. Они жались отдельной кучкой, бросая пугливые взгляды то на есаула, то на казака, то на вышедшую Анфису.

— Побили нас в Симбирске, — глухо, не здороваясь, сказал Ус, — еле ушли.

— И не надо ходить было, — упрекнула Анфиса, испытывая все же жалость к этому сильному человеку, — ну да Бог тебе судья.

— А я о тебе много думал, — признался Василий. — Думал, почему ты здесь живешь?

— Узнал? — Анфиса посмотрела ему прямо в глаза.

— Красивая ты баба, тебе детей рожать надо, — неожиданно мягко произнес Ус. Анфиса отвернулась, чтобы скрыть острую, пронзительную боль. Вдруг есаул перешел на шепот: — Я тебе этих ребятишек оставлю. — Он кивнул на испуганных детей. — Ты не спрашивай, чьи они. Они хорошие, умные дети, вырасти их, людьми сделай. Я не смогу, он не сможет, — ткнул Василий пальцем в грудь огромного казака, — а ты сможешь.

— Что я делать-то с ними буду? — растерянно спросила Анфиса. — Куда я с ними?

— Смотри, мать, какое у тебя богатство, — Ус показал рукой вокруг себя. — Здесь только детям и расти.

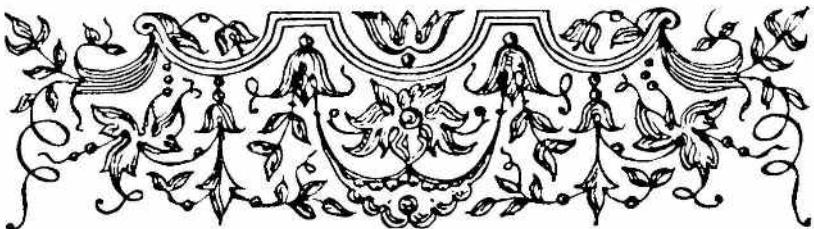
— Когда-нибудь здесь будут жить дети, — возразила опять

женщина, — а куда я их сейчас дену? Да и не готова я к этому. — Но возражала и сопротивлялась она слабо.

— А я куда с ними? — терял терпение есаул. — Куда я их дену? Кругом стрельцы. — Василий подошел к детям и стал по одному подводить их к Анфисе: — Это Дарья, это — Мария, а младшенький у нас — Федор, три годочка ему всего. Принимай, Анфиса, не дай нам очередной грех на душу взять.

Анфиса уже знала, что она будет делать. Завтра рано утром вместе со своими детьми пойдет она в Троицкое к их отцу, к своему мужу Дмитрию. А потом вместе, впятером, поедут они в Москву, будут помочь просить у царя-батюшки, чтобы построить на крутом волжском берегу, на том месте, где была ее келья и где нашла она детей своих, большой дом. В доме этом хватит места всем детям, которым одиноко на этой земле...

Легенда о Соколовой горе

И

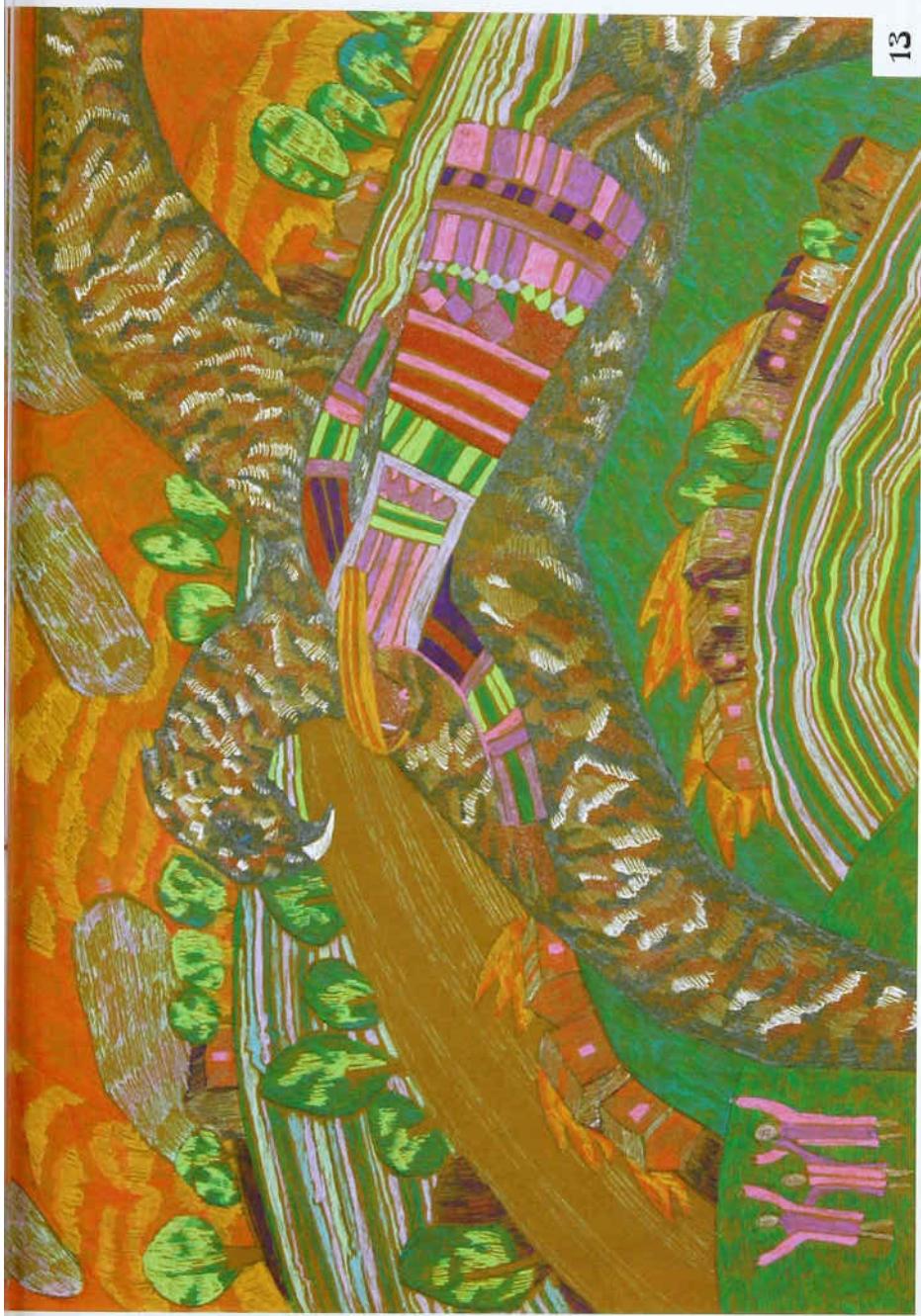
есколько веков тому назад, в 1660-х годах, Саратов был крепостью, которая стояла на горе. Неподалеку от крепости росло огромное дерево, на котором жил сокол.

Основным занятием мужчин того времени была военная служба. Так вот, в очередной раз мужское население крепости отправилось в военный поход. Как-то рано поутру бабы собрали белье и пошли стирать его к реке Волге, которая протекала довольно далеко от подножия горы, а в крепости остались одни дети.

За огнем в печи никто не следил, горящий уголь упал на пол, и начался пожар. Так как все постройки были деревянные, огонь распространялся быстро. Заметив его, дети побежали на улицу.

Сокол наблюдал за всем происходящим со своего дерева. Он заметил маленькую девочку, на которой загорелась рубашонка. Тогда сокол подлетел, схватил ее за плечи и потащил к Волге.

Бабы заметили пожар и увидели, что невысоко

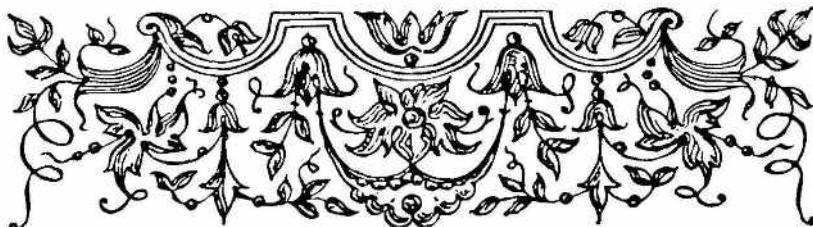
над землей летит к ним сокол с горящим ребенком. Долетев до Волги, сокол опустил девочку в воду у берега и повернулся назад. Пока он тащил девочку, огонь с рубашки перекинулся на его перья, а так как сокол боится воды, он решил вернуться на свое дерево. Бабы видели, что сокол горел, и, набрав в таз воды, кинулись за ним, но когда добежали, сокол уже погиб, а его дерево догорало.

Возвратившимся из похода мужчинам женщины рассказали о случившемся, и тогда всей крепостью решили впредь именовать гору в честь героя — Соколовая гора..

Теперь на Соколовой горе возвышаются над всем Саратовом «Журавли» — памятник доблестным воинам, сражавшимся за Родину и отдавшим жизнь за нее в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Там же расположен парк Победы, и каждый день ровно в полдень с горы раздается пушечный выстрел.

«Журавли» находятся на самой высокой точке Саратова. Когда стоишь у подножия памятника, взору открывается уникальная панорама: великая Волга и весь Саратов оказываются у твоих ног. Кто хоть раз побывает там, тот на всю жизнь сохранит в сердце незабываемые впечатления.

Роман губернатора

Романтическая история, которую я хочу рассказать, связана с двумя зданиями, сохранившимися в Саратове до наших дней.

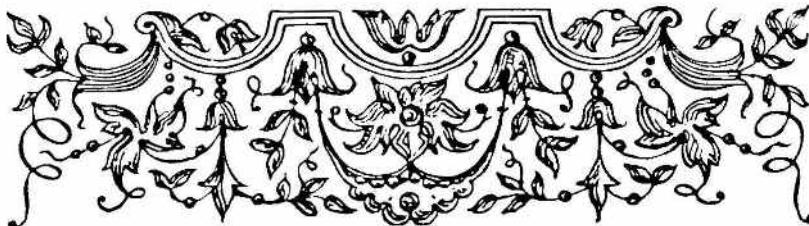
На углу улиц Вольской и Шевченко стоит элегантный двухэтажный особнячок, чуть дальше по направлению к Волге – большой дом, в начале XX века бывший местом пребывания губернатора П.А. Столыпина.

Петр Аркадьевич был назначен в Саратовскую губернию в 1903 году. На новое место службы он прибыл со своей большой семьей: женой и пятью дочерьми. Уже в Саратове родился долгожданный сын. Новый губернатор был человеком представительным: высокий рост, соколиный взгляд,ственный тон – одним словом, хозяин. Столыпин не курил, почти не употреблял спиртного, терпеть не мог карточной игры. Но при всей внешней неприступности он был человеком темпераментным и художественно одаренным, способным на глубокие душевые переживания. Как натура восприимчивая и немного романтическая, Петр Аркадьевич

вич неожиданно для себя увлекся одной изящной юной особой из высшего света саратовского общества. Дама ответила взаимностью, и начался роман в душах и сердцах влюбленных. Но ни семейное, ни общественное положение не позволяли демонстрировать свои чувства на публике. Тогда Столыпин поселил свою возлюбленную в особняке на углу Вольской и Шевченко, а под землей был прорыт подземный ход, соединивший два дома. Встречался губернатор с дамой своего сердца тайно, читал ей стихи, элегантно ухаживал и радовался этому хрупкому счастью. Но в России все тайна и ничто не секрет. Недоброжелатели и завистники про знали про сердечную тайну Столыпина. Под угрозой разоблачения и грандиозного скандала он вынужден был расстаться со своей возлюбленной. Вскоре она уехала за границу, но навсегда сохранила в своем сердце любовь к этому незаурядному человеку. Известие о трагической гибели Петра Аркадьевича в сентябре 1911 года подтолкнуло ее к решению уйти в монастырь и посвятить остаток жизни Господу Богу.

Подземный ход краеведы до сих пор не обнаружили. Неизвестно и имя возлюбленной саратовского губернатора. Но народная молва донесла через столетие эту романтическую историю, окрасив ее в печальные тона разлуки, а не осуждения. Люди часто бывают злы и несправедливы, редко могут оценить глубину переживаний близкого, но добрая память о Петре Аркадьевиче Столыпине неожиданно приняла форму полуказки-полулегенды.

Надеюсь, что, прогуливаясь по Вольской улице, кто-нибудь из саратовцев или гостей города, поравнявшись с историческими зданиями, невольно посмотрит себе под ноги, желая полюбопытствовать, не открылся ли подземный ход, и с улыбкой или грустью вспомнит романтическую историю о губернаторе и его возлюбленной или об императорской России, которую мы потеряли навсегда.

Гора любви

Срок лет назад исследовал я влияние природного фактора на самочувствие человека. Многое открылось тогда на берегах волжских, и я дивился. Знавший человек посоветовал съездить в Хвалынск, в «Черемшаны», там, дескать, вообще чудеса какие-то.

В то время в Хвалынске действовали четыре здравницы: санаторий «Черемшаны-1», дома отдыха с тем же названием под номерами 2 и 3 и «Просвещенец», который располагался рядом с городом на самом берегу Волги. А те все — в горных ущельях, в лесу.

Лес хвалынский — дивный. На меловых обнажениях произрастают сосна, дуб, осокорь, ветла, клен, липа. Лиша особая, с темными, почти черными стволами, отчего лес кажется пугающе таинственным. Травяной покров лесных полянок разнообразен. До самой осени здесь множество цветущих растений, большинство из которых лекарственные. Это было мне известно по рассказам, но узнал больше, когда стал очевидцем.

Как-то в мае на «Ракете» прибыл я в Хвалынск. Еще не зная, в какую из четырех здравниц направиться, я последовал за прибывшими в автобус и вскоре оказался в санатории «Черемшаны-1». Благоустроенная территория, чистенькие корпуса и широкий сверкающий пруд, по которому плавно скользила лодка. Вокруг горы, покрытые лесом. Великолепно! Оставалось только найти главврача и решить вопрос.

Когда я рассказал о своих заботах медсестре, то она укоризненно посоветовала: «Молодой человек, у нас вам будет не интересно. Вы пойдите лучше в дом отдыха. Тут недалеко. Через гору перейдете – и будут «Черемшаны-3». Там тоже пруд хороший. А это – Гора любви! Вон по той дорожке поднимайтесь».

Я пошел в гору, не подозревая даже, сколько интересного ждет впереди.

В моем архиве хранятся рассказы очевидцев давних событий, произошедших на земле хвалынской: «Катыкина гора», «Гора любви», «Серпион», «Кладоискатели», «У могильной плиты».

Перевалив гору, я благополучно устроился в доме отдыха и принялся за работу. Любопытно, здесь каждый уголок природы овеян легендами. Во всех местах, где сегодня расположены здравницы, до революции были монастыри. Святые отцы умели чутьем находить заповедные зоны, куда нисходила благодать.

В доме отдыха, где я обосновался, раньше находился женский монастырь. Иегуменша, рассказали мне, установила в нем строжайший порядок. Особо в отношении мужского пола. Чтобы и духа его здесь не было.

Да и как иначе? Жизнь в монастыре была благодатная. Продукты питания что ни на есть натуральные: овощи, грибы, мед, молоко. Воздух опьяняющий, никаких загрязнений! Тишина. Физический труд. Молитва. В таких условиях плоть человеческая укрепляется, получает могущественный заряд. К тому же в монастырь попадали девушки молоденъкие.

За горой в таком же ущелье находился мужской монастырь.

Среди его обитателей было много молодых парней. Жизнь у них такая же сыртная. Монастыри были богатыми. Зарабатывали монахи сами, но более того от прихожан имели. Со всей России и даже из-за границы тянулись сюда паломники. Слава шла о тех местах великая. Сказывали, что всякий, здесь побывав, исцелялся. Вот и тянулись сюда немощные, бесплодные, жаждущие укрепиться во плоти, восстановить естество страсти. Слабосильный народ, но весьма самостоятельный. Приношения большие делали, потому как место сие святым почитали.

Как-то зима выдалась суровой и затяжной. Кончился в женском монастыре запас дров. Тогда-то и послали молодого и красивого монаха отвезти воз дров нуждающимся соседям. Привез он дрова, выгружает. И, как на грех, вышла на крыльце шестнадцатилетняя монашка Любушка-красавица. Румяная, точно яблочко, глазки — огоньки жаркие. И всего-то три секунды побыла на морозе. Но хватило тех мгновений, чтобы встретился взгляд ее с воспламеняющими глазами бородатого монаха. Успел-таки бес подбросить в ее милую светлую головку мысль ужасную, безумную.

С той поры, сгорая от любви, монах искал встречи с Любушкой, наводил справки, выведовал. А потом стал записки тайные переправлять. До весны тянулось все это. Темной майской ночью, когда над лесом сияла волшебница луна, после полуночи встретились они по взаимному словору. Встретились на той самой горе, которую впоследствии назвали Горой любви.

Что это была за встреча, не берусь описывать. Люди с богатой фантазией рассказывали так, что в дрожь бросает. Я же решил провести следственный эксперимент. Такой же темной ночью после двенадцати отправился на гору по тропинке, где ступали Любушкины ножки. Сколько страху натерпелся! Лес здесь густой, стволы черные. Ветви то и дело цепляются то за волосы, то за одежду. Тишина такая, что слышно, как сердце в груди стучит. Ветка под ногой хрустнет, а кажется — кто-то

выстрелил. Мышь по листьям побежит — думаешь, зверь какой кинулся. А уж птица с ветки сорвется — так от страха чуть на ногах устоишь.

Поднялся я на гору — там полянка небольшая. Березки стоят светлые, задумчивые. Прижался к прохладному стволу, мечтаю. Вокруг сверчки поют. Луна вдруг зашла за тучи. Темно стало на полянке. Вот, думаю, тогда, давно, тот бородатый, черный монах стоял на моем месте и ждал. Сейчас вот луна выйдет из-за тучи — и увижу я... идущую по тропинке Любушку!

Только так подумал, как луна вынырнула из-за тучи. Засеребрилась тревожно полянка. Слыши, в кустах кто-то возится. А по тропинке некто поднимается, да такая матерщина звучит, что с деревьев листья осыпаются. Пришло мне по бездорожью убираться в свою келью.

Что поделаешь, времена меняются.

Не повидал тогда я Любушку. Да и к лучшему. Ведь у той, у монашки, все трагедией обернулось. Походила она на гору: забеременела. Скрывала, тайком родила. А потом утопила дитя в пруду. Какой грех на душу взяла, сколько переживала, перемаялась.

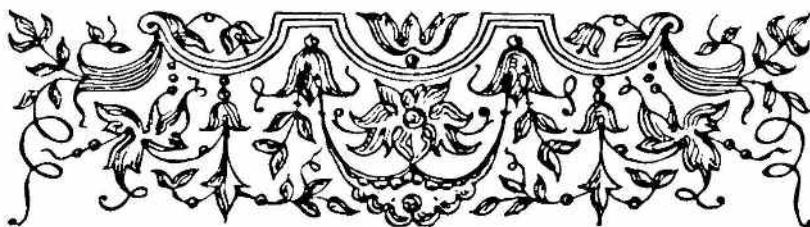
Другие монашки ее не осуждали. По ее порочному пути пошли, превратив ту гору в место любви. И они рожали и топили младенцев в том же пруду. Люди добрые досмотрели и донесли аж самому царю-батюшке. Тот патриарха просил разобраться. Снарядили строгую комиссию. Провели дознание. Пруд приказано было спустить. На дне его в иле нашли тогда останки двадцати восьми младенцев! А еще был обнаружен подземный ход под горой между монастырями. Правда, он не до конца был прорыт. Рыли с двух сторон навстречу. Только видно, в расчетах ошибка вышла. Не встретились.

Результаты проверки вызвали большой переполох. И егунешту отстранили от должности, монашек выгнали. Померкла слава женского монастыря. Перестали посещать его палом-

ники. Казна опустела. Но не надолго. Новое начальство стало думать, как бы восстановить былую славу. И придумало. Но это уже другая легенда — о Серпионе.

А Любушка, говорят, не смогла пережить муки душевые — в том же пруду утопилась. Не потому ли вода в пруду такая нежная, как бы живая. Искупаешься, благодать находит. И сколько бы ни купался, не мерзнешь, даже в прохладную погоду.

Гагаринское поле

риземление первого космонавта мира ожидали в районе Казахстана, откуда его запускали в космос. Но пусковики перестарались, и гагаринская орбита оказалась выше расчетной на 40 километров — изменяется дальность и время полета, а Юрий Алексеевич Гагарин опускается на Саратовскую землю. «Случилось, как в хорошем романе, — писал он в книге «Дорога в космос». — Мое возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни летал на самолете».

События тех знаменательных весенних дней никогда не сотрутся из памяти народной

12 апреля 1961 года примерно в 10 часов 50 минут жители окрестных сел услышали мощный взрыв в воздухе: такое бывает, когда реактивный самолет преодолевает звуковой барьер. Невольно люди стали смотреть в небо. Как оказалось, это Ю.А. Гагарин, возвращаясь из космоса, на высоте 7 километров от земли, катапультировался из кабины корабля.

Механизаторы полевого стана колхоза «Ленин-

ский путь» Энгельсского района Саратовской области увидели два ярких парашюта, на одном висит шар, на другом — человек. Человек скользил в овраг. Он чем-то напоминал водолаза. Механизаторы решили разобраться: не шпион ли? Годичной давности инцидент с американским летчиком-шпионом Пауэрсом, сбитым 1 мая 1960 года под Свердловском, был еще у всех в памяти. На всякий случай вооружились — кто монтировками, кто гаечными ключами — и побежали к месту приземления человека. Вероятно, никому даже в голову не пришло, что это спускается первый космонавт мира, о котором они только что слышали по радио.

...Недалеко от полевого стана стоял домик лесничего А.А. Тахтарова. Его жена Анна Акимовна с шестилетней внучкой Ритой сажали на огороде картошку. Они и понятия не имели о том, что в космосе находится человек. Рита доставала из ведра картошку, подавала ее бабушке, а та опускала в лунку и закапывала землей. В какой-то момент Рита глянула в сторону и вдруг увидела странного человека в ярко-красной одежде, который медленно приближался к ним. Рита дернула бабушку за подол:

— Баба, глянь, кто-то идет...

Анна Акимовна подняла голову и... о Господи! Прямо на них шел странный человек. Она испугалась, схватила внучку за руку и побежала к дому. Ноги плохо слушались ее. Рита вырвалась вперед. Вдруг Анна Акимовна услышала за спиной голос:

— Мамаша, куда вы бежите?! Не бойтесь, я свой!

Женщина остановилась и в пол-оборота развернулась к страннику.

— Не бойтесь, — повторил он. — Я космонавт. Только что с корабля.

«С какого корабля? Тут пароходы не ходят...» — подумала Тахтарова, подозрительно глядя на незнакомца.

— Есть ли у вас какой-нибудь транспорт? — спросил он. — Мне нужно срочно сообщить, где я нахожусь.

— Ну, если лошадь умеешь запрягать, то пошли, — сказала Анна Акимовна, продолжая плохо думать о незнакомце.

— Лошадь — тоже транспорт, — улыбнулся Гагарин. — Пошли.

Во дворе Тахтаровых была лошадь и телега. Гагарин тяжело ступал в скафандре. Вдруг он остановился, увидев бегущих к ним людей. Это были механизаторы.

Первым подбежал учетчик тракторной бригады Руденко Иван Кузьмич. Гагарин протянул ему руку и сказал:

— Здравствуйте! Я — космонавт Гагарин. Может, слышали?

— Слышать-то слышали, — подозрительно оглядывая «шипиона» и не подавая руки, ответил Руденко. — Только вот ведь какое дело: сейчас по радио объявили, что космонавт Гагарин над Африкой летит.

Гагарин улыбнулся:

— Техника какая! Я уже здесь! Только что оттуда, — кивнул он на небо. — Будем знакомы. Гагарин Юрий Алексеевич, — и стал пожимать руки.

— Вот это да! — изумились механизаторы.

— Что вы, отец, так волнуетесь? — пожимая руку Казаченко, спросил Юрий Алексеевич.

— Да как же не волноваться? Пятнадцать минут назад мы слышали о вас сообщение, что вы в космосе, и вдруг мы уже с вами разговариваем.

— При такой технике, батя, все может быть.. А вы как сюда попали?

— Да вот сеем.

— Ах сеете?! Это хорошо... Помогите мне выбраться из скафандра. Жарко в нем и неудобно.

Механизаторы дружно взялись за дело.

— Местность у вас хорошая, — говорит Гагарин. — Знакомая. А позвонить от вас можно?

— Нет, надо в село ехать.

Минуту спустя Юрий Алексеевич увидел военную машину с солдатами. Она юлила по оврагу, разметая грязь. Поравнявшись с космонавтом, остановилась. Из кабинды высокочил офицер Ахмед Гасиев.

— Юрий Алексеевич, здравствуйте! — обнял Гагарина. — Как вы себя чувствуете?

— Нормально. Травм и ушибов не имею, — ответил космонавт, довольный встречей с военными. — Товарищ майор, как мне быстро связаться с Москвой? Очень срочно надо.

— Из нашей части, товарищ майор.

— Старший лейтенант, — поправил его Гагарин.

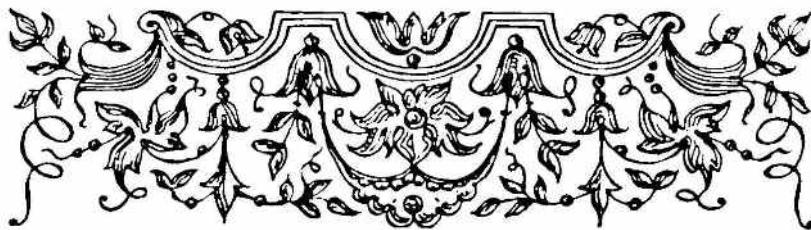
— Уже майор! — радостно сообщил Гасиев. — По радио передали: гражданин Советского Союза майор Гагарин Юрий Алексеевич. Поехали? Здесь недалеко.

Скафандр уже сняли. Гагарин остался в голубом комбинезоне, без головного убора. «Простыть может», — подумал Гасиев, снял свою фуражку и передал ее Гагарину. Уехали. Механизаторы и жители окрестных районов еще долго не расходились, продолжая обсуждать детали события, первыми свидетелями которого они неожиданно стали.

Место, где приземлился первый космонавт мира, люди сразу стали называть Гагаринским полем. Теперь на нем стоит большой обелиск с космической ракетой и памятником Ю.А. Гагарину. Здесь ежегодно, 12 апреля, проходят интересные мероприятия, посвященные Дню космонавтики, подвигу Юрия Алексеевича Гагарина. Сюда приезжают космонавты, зарубежные гости.

В недалеком будущем на месте приземления первого космонавта мира планируется разместить международный туристско-оздоровительный комплекс со всеми удобствами для отдыха и лечения. Дело чести людей Земли сделать это место одним из самых чистых и привлекательных на всей нашей планете.

После возвращения из космоса, на многочисленных встречах первый космонавт мира говорил: «Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее!»

Здравствуйте, товарищ Бендер!

Сразу же после появления в 1931 году в журнале «30 дней» первых глав романа «Золотой теленок» бдительных саратовцев насторожило не только звучание нашего Саратова и литературного Арбатова, но и упоминание Республики немцев Поволжья, которая граничила с «золотым Арбатовским участком». Кроме того, многие знали человека, автомеханика по-профессии, занимавшегося, как и Адам Козлевич, частным извозом. Его автомобиль был создан по тому же принципу, что и «Антилопа-Гиу». Не стал ли Саратов прототипом Арбатова? Или это случайные совпадения?

Вы, наверное, не раз обращали внимание на необычный двухэтажный дом на Московской улице (д. 116) с барельефом мчащегося автомобиля. Этот дом до Октябрьской революции (1917 г.) принадлежал двум известным саратовцам С.И. Соколову и З.И. Иванову. На первом этаже размещался гараж, где проводилась продажа, ремонт и прокат автомобилей. Потом С.И. Соколова мобилизовали на

первую мировую войну, с которой он не вернулся. З.И. Иванов провел реконструкцию фасада здания гаража и превратил в своеобразную рекламу своего предприятия. Тогда, в 1915 году, и появился на фасаде мчащийся по ночному городу автомобиль с лихим водителем за рулем и парящий над ним бог дорог и путешественников Гермес (отвечающий среди прочих своих обязанностей и за быструю езду). С этим домом связана легенда о прототипе Адама Козлевича. В этом гараже, по легенде, работал автомеханик-поляк.

Отгремела революция семнадцатого года, началась гражданская война, безработица, голод. Автомеханик стал мастерить и продавать на базаре зажигалки из стреляных гильз. Во время нэпа, когда разрешили частное предпринимательство, автомеханик собрал из найденных на свалке деталей автомобиль и занялся частным извозом — стал таксистом, по-современному.

На площади у городского сада «Липки», рядом с пьедесталом, оставшимся от памятника Александру II (на пьедестал водрузили гипсовый бюст Н.Г. Чернышевского), организовалась биржа извозчиков. Там и ставил свой автомобиль автомеханик. Клиентов было мало, водитель часто дремал и, чтобы его не будили, написал на дверце: «До Волги — один рубль, до вокзала — два рубля, до Первой дачной — три рубля». Эту картины, как говорится в легенде, увидели и описали в «Золотом теленке» И. Ильф и Е. Петров. На здании, которое ныне занимает мэрия, писатели могли прочитать надпись, сохранившуюся с дореволюционных времен: «Андрей Бендер и с-вья». Возможно, по аналогии с детьми Тараса Бульбы авторы-сатирики заменили Андрея на Остапа и таким образом родилось имя Великого комбинатора — Остапа Бендера.

Такой рассказ-легенду я услышал в 1984 году от Л.И. Прокопенко. Знаменитый лермонтовед, инициатор создания музея М.Ю. Лермонтова в Тамани, друг И.Л. Андроникова, автор книг о Саратовском цирке и саратовской гармошке так и не нашел времени провести исследование и установить, что

правда в этой истории, а что вымысел. И он предложил сделать это мне.

Удалось выяснить, что только один из авторов «Золотого теленка» был в Саратове — Илья Арнольдович Ильф. Шел 1925 год — «угар нэпа». В тот год И. Ильф посетил Саратов дважды, пробыл здесь около десяти дней и имел возможность хорошо познакомиться с городом, чему способствовали и его личные качества: любопытство и любознательность. «Я зевака», — говорил о себе Ильф. Он любил изучать справочники, телефонные книги, таблички с фамилиями жильцов на подъездах и все фиксировал в ставших потом знаменитыми «Записных книжках» (многие из них, к сожалению, не сохранились). Он и Е. Петрову советовал делать это ежедневно. Но в 1925 году они еще не были знакомы.

Первый раз И. Ильф приехал в Саратов вместе с популярным тогда писателем Ю.К. Олешей. Они были «ответчиками» на суде-инсценировке над газетой железнодорожников «Гудок».

«Подсудимые» — сотрудники «Гудка» — прибыли в наш город, естественно, по железной дороге. В итоге возник первый рукописный вариант появления Остапа Бендера в Арбатове — на железнодорожном вокзале; запечатлена была и огромная лужа на Привокзальной площади (запечатленная в саратовской печати достопримечательность).

Второй раз И. Ильф посетил Саратов в августе. Пароход «Герцен», на котором проводился тираж IV крестьянского займа, шел из Нижнего Новгорода в Астрахань, делая по пути остановки в крупных селах и городах. Корреспондентом газеты «Гудок» на агитпароходе был И. Ильф. Сам пароход и процедура тиража подробно описаны в романе «12 стульев». Только имя парохода заменено на «Скрябин». Помните, как Остап Бендер рисовал плакат?

За несколько дней до прибытия «Герцена» в Саратов на катере примчались члены комиссии для подготовки тиража. С этим катером в Саратов прибыл Илья Ильф. В газете «Саратовские известия» была напечатана его заметка о тираже.

Седьмого августа агитпароход «Герцен», весь увешанный плакатами, причалил к санитарной пристани у Бабушкина взвоза. Тираж проходил в здании Народного дворца (ныне – Дом офицеров).

Вспомните это место: Бабушкин взвоз, Дом офицеров, «Липки» – именно отсюда начинаются новые похождения Остапа Бендера, «воскресшего» после «12 стульев».

Откроем роман «Золотой теленок»:

«...Гражданин в фуражке с белым верхом, какую по большей части носят администраторы летних садов и конферансье... двигался по улицам города Арбатова...»

<...>

«Пройдя под фанерной аркой со свежим известковым лозунгом... он очутился у начала длинной аллеи, именовавшейся Бульваром Молодых Дарований.

<...>

«Почти на всех скамьях Бульвара Молодых Дарований сидели одинокие девицы с раскрытыми книжками в руках».

Городской сад «Липки» в Саратове назывался в середине 20-х годов прошлого века Городским бульваром. На скамейках сидели учащиеся расположенных рядом музыкального техникума (в который с 1924 года превратилась консерватория) и музыкального училища, которое было на месте, где сегодня располагается гончарная лавка.

«Он проследовал мимо взъятанных читательниц парадным шагом и вышел к зданию исполкома – цели своей прогулки».

Исполкома в то время в Саратове не было, а в Горсовете, общественной организации, только председатель и секретарь были освобожденными штатными единицами. Кабинет председателя находился в здании Народного дворца (Дом офицеров). Туда и направлялся Остап Бендер.

«Через минуту он уже стучался в дверь кабинета предисполкома...»

<...>

— Здравствуйте, вы меня не узнаете?.. <...> Я сын лейтенанта Шмидта».

О. Бендер, только что появившийся в Арбатове — Саратове, представился сыном лейтенанта Шмидта, героя революции 1905 года. Почему?

В архиве И. Ильфа и Е. Петрова собрана целая подборка газетных вырезок о жуликах, выдававших себя за кого-нибудь. «По всей стране, вымогая и клянчая, передвигались фальшивые внуки К. Маркса и несуществующие племянники Ф. Энгельса, братья Луначарского... или, на худой конец, потомки знаменитого анархиста князя Кропоткина». Почему же Бендеру пришла мысль представиться сыном лейтенанта Шмидта? Потому что фамилия Шмидтов была очень распространенной в Саратове. Знали ее и далеко за пределами Поволжья. Саратов до революции называли «кулем муки» — он жил торговлей хлебом. Мука Шмидтов поставлялась в Петербург и за границу. Более десятка домов в центральной части Саратова принадлежало Шмидтам, среди них нынешний Дом учителя и два дома напротив «Лигпок». Да и «Герцен» («Скрябин») причалил недалеко от мельницы «Бр. Шмидт». Так что о фирме «Братья Шмидт» И. Ильф слышал в Саратове часто.

Остап, как мы помним, в результате «дорожной неприятности остался без копейки» и просил у председателя 50 рублей. Но тот, «стесненный узкими рамками местного бюджета, смог дать только восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой “Бывший друг желудка”».

И тут в дверь кабинета председателя просунулась рыжая голова второго «сына» лейтенанта Шмидта. Это был Шура Балаганов..

Когда «братья» выбежали на улицу и остановились «за углом исполкомовского дома», Балаганов воскликнул:

«— Смотрите... Видите, вон идет человек в соломенной шляпе? <...> Это Паниковский... Сын лейтенанта Шмидта.

По аллее в тени августейших лип, склоняясь немного набок, двигался немолодой уже гражданин».

Здесь упоминаются «августейшие липы», а мы еще раз убеждаемся, что действие происходит в «Липках». И слово «августейшие» употреблено здесь не случайно. Сад был заложен в 1825 году и в честь победителя Наполеона императора Александра I назывался сначала Александровским бульваром.

После того как из исполнома выкинули «третье глупое дитя лейтенанта Шмидта», Бендер и Балаганов направились в сторону «главной улицы».

А главной улицей Саратова, как и сейчас, была Немецкая, только переименована она была в улицу Республики.

Из газет, журналов и справочников можно установить, как выглядела эта улица в 1925 году. По ней ходил трамвай. Поэтому не случайно в романе: «по главной улице... везли длинную синюю рельсу». «Возчик в рыбачей брезентовой прозодежде...» – еще одно подтверждение, что Арбатов на реке, на Волге.

«...Один за другим расположились подряд три магазина духовых инструментов, мандалин и басовых барабанов. Медные трубы, развратно сверкая, возлежали на витринных ступеньках, обтянутых красным коленкором». Действительно, три магазина музыкальных инструментов находились рядом: на первом этаже музтехникума (ул. Республики, 1); «Музыка» (ул. Республики, 2); музыкальный отдел в магазине (ул. Республики, 7).

«Солнце ломилось в стеклянную витрину магазина наглядных пособий, где над глобусами, черепами и картонной, весело раскрашенной печенью пьяницы дружески обнимались два скелета». Магазин наглядных пособий в 1925 году располагался на первом этаже гостиницы «Астория» («Волга»). Здесь же, в «Астории», размещалась и редакция газеты «Саратовские известия», куда И. Ильф занес свою заметку о тираже.

«В бедном окне мастерской штемпелей и печатей наибольшее место занимали эмалированные дощечки с надписями: “Закрыто на обед”, “Обеденный перерыв с 2 до 3 ч. дня”, “Закрыто на обеденный перерыв”, просто “Закрыто”...»

А вот что изображено на фотографии 1930-х годов: гостиница «Астория», справа двухэтажное («бедное») здание с вывеской: «Артель “Гравер”, штемпеля, печати, типографские работы».

Читатель, наверное, помнит, что последней жертвой «душегуба» Козлевича стало Арбатское филиальное отделение киноорганизации. И такая организация в Саратове была. Размещалась она здесь же, на улице Республики, во дворе дома № 5. Это – Поволжское областное отделение «Пролеткино», которое выпускало и документальные, и художественные фильмы.

Но Бендер уже хотел есть. Он ведь *«все-таки унес в своем клюве три талона на обед. <...>* Но молочным братьям не удалось воспользоваться добротой главы города. На дверях столовой «Бывший друг желудка» висел большой замок, покрытый не то ржавчиной, не то гречневой кашей».

Проспект Кирова, дом № 30: слева магазин спортивных товаров, справа – кафе. Еще недавно весь первый этаж занимала столовая № 45, а в 1925 году здесь была столовая общества «Друг беспризорного ребенка». Кормили там плохо – отсюда и «Бывший друг желудка» в сатирическом романе.

Столовая была закрыта, и Бендер с Балагановым отправились в летний кооперативный сад.

«На высокой задней стене ресторанныго сада были нарисованы деревья, густолистственные и ровные, как на картинке в хрестоматии. Настоящих деревьев в саду не было».

Был такой сад без деревьев в Саратове! Назывался он летний сад «Ренессанс» или проще – «Сад Очкина» (рядом с филармонией). В справочнике «Весь Саратов» за 1912 год о нем писалось так: «Этот сад только носит название сада; между тем деревья здесь совершенно отсутствуют... Но несмотря на это, здесь бывает публика из всех слоев общества...» А.И. Прокопенко говорил мне, что сам видел в 30-х годах на стене здания театра Очкина (перестроено сейчас в филармонию) нарисованные синей краской силуэты деревьев – большого и совсем молоденького, «согнутого сильным ветром».

Родилась ли в Саратове известная фраза: «Пиво отпускается только членам профсоюза!»? Очень может быть. Потому что во время пребывания «Герцена» в нашем городе в «Саратовских известиях» уже месяц шла ожесточенная полемика на тему: «Как бороться с пьянством?». Вот некоторые заголовки газет: «Клуб с пивом или без него?», «Буфет должен стать доступным», «Запили те, которые не пили», «Вместо пьяники — велосипед», «Бутылка пива в рабочем клубе — не беда», «Клуб должен победить пивную»...

«Особые плакаты извещали граждан о последнем арбатовском нововведении в области народного питания: “Пиво отпускается только членам профсоюза”».

— Удовлетворимся квасом, — предложил Балаганов.

— А теперь расскажите, чем провинился головорез Паниковский? — спросил Остап.

Насытившийся Балаганов благодарно взглянул на своего спасителя и начал рассказ.

И рассказал Шура о «буйной корпорации детей лейтенанта Шмидта», в которой «оказалось тридцать сыновей в возрасте от восемнадцати до пятидесяти двух лет», которые «никак не могли упорядочить свою деятельность».

И здесь продолжает отчетливо прослеживаться саратовский след.

Племянница Шмидтов-мукомолов Елена Николаевна Львова писала мне: «В фирме (деле) участвовали все братья: Иван Андреевич, Федор Петрович, Владимир Петрович, Otto Петрович, Иван Петрович и двое старшего поколения (мамины родные братья Андрей и Иван Петровичи). Всего семь человек».

В «Записной книжке» И. Ильфа записано: «7 братьев»!! В рукописи братьев стало 20, в книге — 30.

Интересно, что Шура Балаганов, который считал себя «первенцем лейтенанта Шмидта» (в другом месте «главный сын»), был рыжим. Рыжим был Федор Петрович Шмидт — «самый главный, старший, на нем все дело и держалось» (Е.Н. Львова).

На конференции детей лейтенанта Шмидта прошла жере-

бьевка Паниковскому «досталась бесплодная и мстительная Республика немцев Поволжья».

«— Я поеду, — кричал он, — но предупреждаю: если немцы плохо ко мне отнесутся, я конвенцию нарушу, я перейду границу!»

Столицей Республики немцев Поволжья был город Покровск (с 1931 г. — Энгельс), границей являлась Волга. Паниковский выполнил свою угрозу и на пароме перебрался на «золотой Арбатовский участок», где его и засекли Бендер с Балагановым.

«К воротам сада [где попивали лиловый квас наши герои], непрерывно охая и стреляя, подъехал зеленый автомобиль, на дверце которого белая дугообразная надпись: “Эх, прокачу!” Никогда не помещались условия прогулок на веселой машине. В час — три рубля. За конец — по соглашению».

Прототипом Адама Козлевича был отчасти ярославский шофер Сагассер, отчасти бывший владелец саратовского гаража Захарий Иванович Иванов.

Сагассер (чех по национальности, упоминается в «Записных книжках» И. Ильфа) тоже занимался частным извозом. Был судим. Отсюда уголовное прошлое А. Козлевича. З.И. Иванов и А.К. Козлевич — одногодки. Обоих с детства влекло к технике. Захарий Иванович занимался гонками на велосипеде, мотоцикле, автомобилях. Был чемпионом Поволжья. В своем гараже он совмещал обязанности хозяина и автомеханика. Других автомехаников в гараже не было. Не было в гараже механика-поляка, о котором говорилось в легенде.

1916 год. В гараже открылись автомобильные курсы. Уже в советское время, в 1920 году, З.И. Иванов был назначен заведующим автошколой. А затем оказался безработным. Наверное, делал бензиновые зажигалки. Потом на автокладбище (на углу Цыганской (ныне ул. Кутякова) и Ст. Разина), которым заведовал его друг Растворгус (отец известного героя-летчика), из частей разбитых в гражданскую войну автомобилей собрал себе машину. Поэтому Остап и назвал ее «Антилопой-Гну». Это

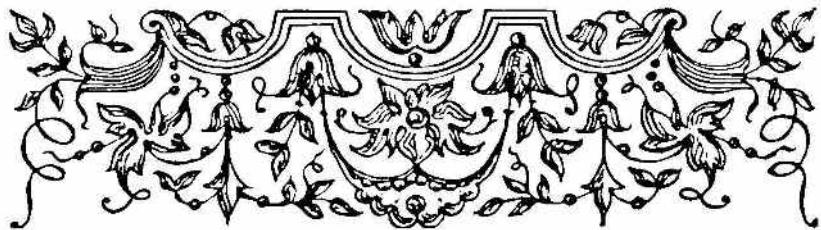
животное тоже как бы собрано из разных «деталей»: голова как у коровы, туловище как у лошади, хвост как у быка. «*Оригинальная конструкция. Видите, Балаганов, что можно сделать из простой швейной машинки Зингера? Небольшое приспособление — и получилась прелестная колхозная споновязалка... Как зовут вашу тележку?*» — издевался Бендер над необычной автотелегой.

Затем Великий комбинатор объявил о начале «большого скоростного пробега Арбатов — Черноморск», и «зеленая «Антилопа», скрипя всеми своими частями, промчалась по внешнему проезду Бульвара Молодых Дарований [«Липки»] и вылетела на рыночную площадь» [Хлебная площадь, ныне — Театральная].

Здесь экипаж «Антилопы» подобрал Паниковского (в Саратове такая фамилия была), и машина вырвалась в дикое поле (историческая ассоциация: еще в XVII веке за Саратовом начиналось Дикое поле)...

Безусловно, Арбатов списан с Саратова, здесь родился автомобиль необычной конструкции — «Антилопа-Гну», здесь Великий комбинатор получил свое имя, здесь его прототип, Макс Вахтуновский, открыл контору, которую И. Ильф и Е. Петров в романе назовут «Рога и копыта». Как видите, легенда об Арбатове — Саратове родилась не на пустом месте.

Вольск-городок – Петербурга уголок

История Вольска уходит в далёкое прошлое. По дошедшим до нас легендам, еще в XVI веке на берегу Волги, где в нее впадает Верхняя Малыковка, образовалось поселение скотоводов, беглых крестьян, бурлаков. О возникновении Малыковки сложено немало легенд и преданий. Вот одна из них: «...в XVII веке часть низовой вольницы облюбовала себе местечко на высоком берегу Волги при впадении в нее речки Малыковки около кабачка, получившего выразительное название “Разувай”. Вокруг этого центра стали собираться разные “пришлые люди” и образовали сельцо, названное во имя речки...»

Писатель-вольчанин А.С. Яковлев в повести «Повольники» в яркой художественной форме передал это сказание:

«Как раз там, где речка Малыковка впадает в Волгу, — на самом яру — лет двести назад стоял кабак “Разувай”. Вниз ли идет судно, вверх ли — все равно: как завиднеется из-за белых гор зеле-

ный лесок Малыковский, так бурлаки в один голос: “Чаль к “Разуваю”! Гуляй!”

Потом до Самары или до самого Саратова вспоминали: “Вот так погуляли! Вот это каба-ак!” Так громкая слава ходила про “Разуай” по матушке-Волге..»

В XVII веке Малыковка становится собственностью московского Новоспасского монастыря. А в 1710 году Петр I пожаловал Малыковку своему любимцу – князю А.Д. Меньшикову. По преданию, Петр I, проезжая по Волге мимо Малыковки, приказал разбросанные по оврагам и косогорам избушки и приземистые домишко в центральной части снести и построить «каменный хутор». Некоторые из каменных домов, построенные в первой половине XIX века, сохранились до наших дней. Это гостиница «Цемент» (Коммунистическая, 9); здание краеведческого музея (Революционная, 6); усадьба Мельникова, а теперь школа искусств (Площадь Свободы, 13); жилой дом (Первомайская, 2); реальное училище, теперь средняя школа № 16; учительская семинария, теперь педучилище; кадетский корпус, теперь Вольский филиал Военной академии тыла и транспорта.

По словам известного русского историка Н.И. Костомарова, купцы Злобин, Сапожников, Меркульев, Плигин, Растрогуев, Мясников и другие многое сделали для того, чтобы превратить Малыковку в «Вольск-городок – Петербурга уголок».

Первое каменное здание города Вольска находится на углу улиц Революционной и Октябрьской, теперь это магазин радиотоваров.

Вольск интересен не только своими архитектурными постройками, но и тем, что многие исторические личности побывали здесь. Так, в конце 1772 года Емельян Пугачев прибыл в село Малыковка. Говорил крамольные речи про государыню и дворян, но был схвачен по доносу Герасимова и отправлен под стражей в Казань, откуда бежал на Урал.

Славен г. Вольск и тем, что во время пугачевского бунта здесь около года жил Гаврила Романович Державин. 7 марта

1773 года Державин, член секретной следственной комиссии генерал-аншефа Бибикова, отбывает в Малыковку с целью отловить самозванца. Именно с Малыковки начинается восхождение Державина как государственного деятеля и поэта.

Короткое время в Вольске жил, а вернее, начинал свою политическую карьеру А.Ф. Керенский, так как именно вольские купцы предложили ему баллотироваться в Госдуму от Вольского округа.

Известный композитор П.И. Чайковский был проездом в Вольске и восхищался прекрасным парком купца Сапожникова, говоря, что такого он не видел даже в Петербурге.

Не раз бывал в Вольске у родственников Сергей Рахманинов.

Возвращаясь к рассказу о достопримечательностях города Вольска, нельзя умолчать о красоте великой русской реки Волги, которая не оставляет равнодушным каждого, кто увидел безбрежную ширь реки весной, голубизну теплой воды летом, полет белоснежных чаек над волнами в пору золотой осени, ослепительную феерию льда и снега зимой. Но заманчивее всего Волга летом, когда на золотых песках пляжей (такого песка нет ни в Крыму, ни на Кавказе) можно получить хороший загар. А запах и вкус волжской ухи запоминается не на один год.

А знаете, почему Алтынная?

Э

ту байку или легенду я услышал, вернее, подслушал будучи пацаном — в послевоенные годы.

В сенях дома моих родителей, на улице Бахметьевской, собралась мужская компания. На столе стояла водка «под белой головкой» и нехитрая закуска. Шел обычный застольный разговор ни о чем. Уж не помню, по какой причине возчик дядя Миша сказал: «А знаете, почему Алтынная?»

Не кучер, не извозчик, не возница, а — возчик. Может быть, потому, что часть улиц от Волги до Большой Сергиевской именуются в Саратове — взвозами. Право, не знаю.

Дядя Миша — старик лет шестидесяти, с лицом, изуродованным оспой, большой любитель выпить и фантастический сквернослов. Ругался он при всех обстоятельствах и при любом народе, а если его упрекали, то говорил, что это у него для связки слов.

Его рассказ на тему «Почему Алтынная?» продолжался довольно долго в связи с употребле-

нием многих междометий, замысловатой ругани и техническими перерывами, после которых воздавалось должное водке и закуске.

В моем теперешнем изложении он выглядит очень коротко благодаря исключению оригинальных оборотов и специальных терминов.

— Все дороги в Саратове, ведущие к трактам [звучал полный перечень трактов], — авторитетно заявлял дядя Миша, — идут в гору. Самая затяжная и крутая дорога аккурат по Алтынной горе. И не всякая лошадь при полной нагрузке телеги или фуры могла эту гору преодолеть. А при плохой погоде — лошадь с таким подъемом и вовсе не спровалилась. Поэтому у подножия горы стояли возчики с упряжью [тут было рассказано, какая упряжь, как впряженась и т.д.], и при помощи пристяжных лошадей воз поднимался на крутизну. Помощь была платной, а стоимость — алтын.

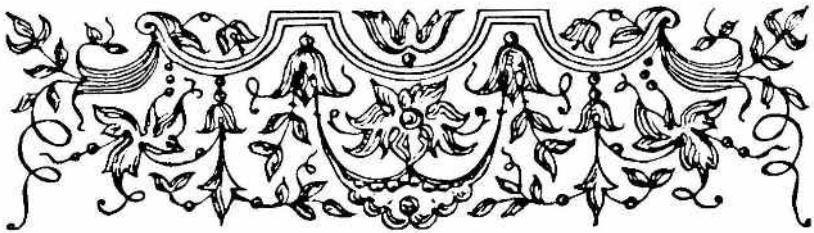
Говорил он это так, что казалось, будто бы сам он получал или платил этот алтын.

— Вот поэтому и Алтынная! — заключал дядя Миша.

Прошло много лет, и я теперь думаю, что в какой-то период в России курс рубля был гораздо стабильнее, чем в последнее десятилетие XX века. И вероятно, такса в один алтын держалась не один год, а может быть, и не одно десятилетие. А следовательно, этот рассказ может быть и не легендой.

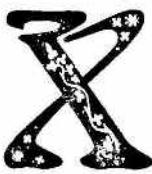
Позднее я где-то услышал или вычитал такое предание, по-своему объясняющее происхождение названия горы: на горе разбойники убили молодого купца, а у него оказалось денег — один алтын.

Река Хопер: от истока до устья

Поутру
По Хопру
Голубые туманы плывут.
Умывает роса
Необъятный зеленый простор.
И не прав, нет, не прав
Будет тот, кто вам скажет, друзья,
Что есть лучше река,
Чем красавец Хопер.

Хопер – левобережный приток Дона. Это одна из самых красивых рек средней полосы России. И хотя Хопер считается малой рекой, по протяженности он превосходит такие известные реки, как Неман, Одер, Сену, Кубань. До недавнего времени вода в нем была одна из самых чистых в Европе.

Длинен и извилист путь Хопра к Дону. Настолько извилист, что длина его в 2,77 раза больше прямой линии, проведенной от истока до устья. Протяженность же Хопра – 1008 километров, а площадь водозабора – 61 120 километров.

На своем пути к Дону река Хопер протекает по четырем областям: Пензенской, Саратовской, Воронежской и Волгоградской.

Непосредственно на берегу Хопра стоят три города: Балашов, Новохоперск и Урюпинск. В 15 километрах от Хопра располагается город Ртищево. Геологи и гидрографы определили возраст Хопра приблизительно в 10 тысяч лет. Интересно, что он не раз менял свое русло. Одно время на степные просторы, по которым он привольно несет свои воды теперь, надвинулись ледники. Потом ледники постепенно отступили на север. В те далечие времена Хопер в верхнем течении шел в юго-западном направлении. Далее же, там, где в настоящее время находится город Балашов, Хопер круто поворачивал на юго-восток. Пройдя по долине реки Елань, он сливался с рекой Медведицей и, образовав с ней одну большую и полноводную реку, впадал в Дон.

Если речную сеть сравнить с деревом, то стволом его будет основное русло, ветвями — многочисленные притоки, а притоки притоков — более мелкими веточками. Ветви и веточки Хопра — это реки: Крутец, Колышлей, Арчада, Сердоба, Миткирей, Ольшанка, Изнаир, Аркадак, Карай, в который впадает речка Канава, Ворона, Савала с реками Елань и Токай, Бузулук и много других речек, речушек и ручейков.

Вершина этого «дерева» расположена на холмах Керекско-Чембарской возвышенности, откуда берет свое начало Хопер и большинство его притоков. Исток Хопра находится в Пензенской области в 8 километрах от деревни Кучки Каменского района.

У самогоместа истока установлена скульптура старика Хопра работы скульптора Андрея Смелого. Местная легенда гласит: жил в этих местах старик Хопер. Шел он однажды степью и увидел, как из земли бьют 12 ключей. Взял он тогда лопату и соединил их в один большой поток. На образовавшемся потоке построил мельницу, молол зерно для крестьян из окрестных деревень. А реке дали имя ее создателя.

В разные времена у Хопра были другие названия: Хопорь, Похорь, Копорь...

В одной из легенд, записанных на реке Вороне под Борисоглебском, говорится, что в давние времена, когда по ковыльным степям от Волги до Днепра кочевали половецкие племена с бесчисленными стадами, а в густых лесах скрывались мордовские селения, была у половецкого хана Токая дочь, прекрасная Ворона. Стремительная и ловкая, красивая и стройная, с голубыми глазами и иссиня-черными волосами, часто снилась она половецким и мордовским юношам. Но вот с востока пришла беда. Напали на землю половецкую злые татары, перебили храбрых юношей половецких, разграбили половецкие вежи, взяли в плен молодых и старых. Лишь одна Ворона сумела убежать. Но погнались за ней татарские воины Чембар, Важдя и Карай. Бросилась Ворона на север в густые леса поближе к красавицу Буртасу. Хотел Буртас помчаться ей навстречу, но, увидев погоню, повернул на север и ушел в темные мордовские леса. А погоня все ближе... И устремилась тогда Ворона на запад, к мордовскому силачу Ломовису Большому. Давно заглядывался он на красивую Ворону. Ломовис Большой и не прочь был взять ее в жены, но, испугавшись погони, юркнул в непроходимые дебри мордовских лесов. Увидел Ворону ловкий и смелый юноша Хопер из славянского племени вятичей. На скаку подхватил ее, усадил на коня и помчался к седому Дону, ища защиты. А преследователи все ближе и ближе...

Седой Дон взмахнул речным покрывалом и превратил беглецов и преследователей в речки. В те далекие времена «хопить» означало «захватить», «ухватить», «поймать».

С начала XIX века Хопер был судоходным. Но когда в Прихоперье были построены железные дороги, которые обеспечивали более дешевую перевозку, судоходство на Хопре быстро свернулось и к началу 80-х годов совершенно прекратилось.

Сегодня же восстановить судоходство на Хопре невозможно. Хопер обмелел...

Около сорока видов рыбы водилось в реке, ее вода считается чистой, прозрачной и здоровой как для человека, так и для ее обитателей. Хопер-батюшка сливает полноводной рекой, из которой каждый может зачерпнуть и выпить кружку воды живой, а не приправленной химикатами.

Спокойно, задушевно несет свои воды Хопер и думает «долгую думу свою». А думать ему есть о чем. Над ним проносятся века, сменяются эпохи. Лишь бы всегда было тихо, мирно и спокойно на его берегах.

Легенды Девицьих гор

Р

ри последнем дыхании день,
Разлилась над рекою заря,
С гор Девицьих чуть видная тень
Утопает в лучах янтаря.

Опрокинулся сумрак с вершин,
Обратив летний свет в сизый прах.
Он когда-то вдоль волжских равнин
Наводил на людей жуткий страх.

В тихом крае легенды рекой
Растекаются волно, шумят,
И преданья с седой бородой
О прошедшем земли говорят.

I

В старину, еще в древних веках,
На просторных низовьях реки
Амазонки росли в племенах,
От врагов они дом берегли.

Уводили к себе чужой скот,
Выбирали мужей, чтоб родить:
Если дочь — то мужчина живет,
Будет сын — так обоих убить.

II

И еще есть сказанье одно:
В скалах темно-зеленых холмов
Жили девки-разбойницы, но
Не имели они женихов.

Всех страшнее Аринка была:
Атаман ее лысый учил —
Как махнет рукавом, караван
Сдвинуть с места уже нету сил.

Перед нею купцы свой товар:
И шелка, и ковры, и казну —
Всё разложат, упрячут в амбар
И гуляют потом на пиру.

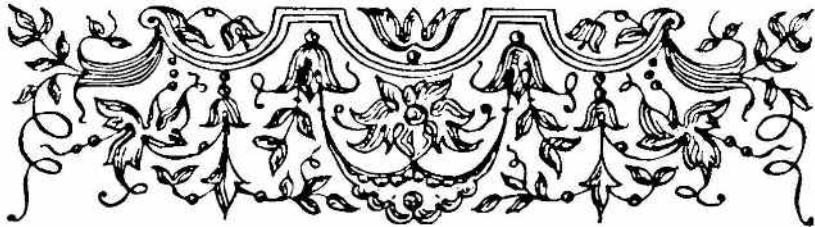
О той девушке слава дошла
До Степана по Волге-реке.
Он приплыл, и она приняла;
К поединку готовятся все.

Взвился Разин вдруг ввысь на ковре
Так легко, как орел над горой.
Устоять ли, Аринка, тебе
Перед ласкою, силой, хвальбой?

Власть и жизнь согласилась отдать,
Чернокнижный забыла зарок.
До сих пор продолжает летать
На могилу к ней Стенька-пророк.

От воинственных жен той поры
Происходит название гор.
Люди «Девичьи» их нарекли,
Имя это живет до сих пор.

Загадки старого города

B

1960-х годах город Балаково был объявлен одной из пяти всесоюзных строек и о маленьком заштатном волжском городке узнала вся страна. Сейчас Балаково — крупный современный индустриальный город, центр Балаковского района Саратовской области.

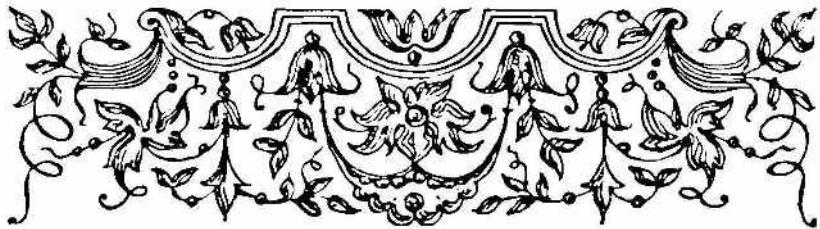
Что же касается прошлого нашего города, оно выглядит порой загадочно и таинственно.

Старинные улочки и дома таят много увлекательных легенд... Случалось, что в Балакове находили клады с золотыми, серебряными монетами и ювелирными изделиями. Большинство ценностей было найдено в старых домах XIX – начала XX века. Яркий пример — усадьба одного из самых богатых и известных купцов нашего города Анисима Михайловича Мальцева, которая до сегодняшнего времени, к сожалению, не сохранилась. А сколько еще интересного и неразгаданного могут поведать нам свидетели былых эпох, сохранившиеся до наших дней, такие, как усадьба Паисия Мальцева,

известного любителя книг, церковь Святой Троицы, коммерческое училище...

У усадьбы Паисия Мальцева очень примечательная история. Паисий Мальцев приобрел дворовый участок, на котором уже стоял массивный дом с подвалом и мансардой, построенный в 1880 году. Известнейший архитектор Шехтель реконструировал усадьбу в 1910–1914 годах, одновременно с этим ведя строительство церкви Троицы. Эти два великолепных здания связаны, как утверждают старожилы, подземным ходом, выложенным красным кирпичом, по которому из котельной Паисия зимой гнали теплый воздух до особняка Анисима и до церкви. Сам Паисий пользовался этим ходом, чтобы попасть в храм. После 1917 года любопытные подростки спускались в это подземелье. Они наткнулись на человеческий скелет, закованый в цепь, а рядом лежали старинные деньги. Родители этих детей слышали, что Мальцевы скрывали у себя беглого фальшивомонетчика. До недавнего времени в усадьбе Мальцева был дом творчества юных, и многие его воспитанники лазили в этот ход. Чтобы оградить детей от опасности быть засыпанными там, вход был заложен. В настоящее время особняк реставрируется и планируется восстановление хода. После окончания реставрационных работ усадьба знатного купца и подземный ход будут открыты для посещения.

Кроме того, есть вероятность существования ходов и между коммерческим училищем, построенным Иваном Васильевичем Кобзарем в 1911 году, церковью, построенной на средства Анисима Мальцева в том же году, и усадьбой Паисия. Тайна этих ходов пока не разгадана, но будем надеяться, что со временем в них нам откроются новые изумительные страницы истории нашего города. Множество небольших ходов оплетают подземелье старых кварталов. Интересно знать, кто их построил и для каких целей.

Горицвет

сенное небо было чистым, почти чистым. Часть его занимал журавлиный клин, который, печально курлыча, приближался к селу Студеновка. Село расположилось в низине, через него протекала прозрачная быстрая речка, которую все называли студеной. Она бежала издалека и чуть повыше села подпитывалась холодной водой из ключей, бивших с двух сторон речки. Видимо, поэтому люди и называли речку Студеной.

Журавлиный клин вдруг как бы застыл над селом. Казалось, что журавли даже не машут своими широкими и мощными крыльями. Стало тихо кругом, только с неба доносился какой-то хруст: журавли продолжали работать крыльями и мощные оперения птиц прорезали воздух, издавая этот хруст. Но клин все еще оставался на одном месте. Журавли прощались с деревней.

— Вот так каждый год, — мальчик Сережа стоял на пригорке, задрав голову вверх.

Ему было лет четырнадцать, но по крепкой, сбитой фигуре можно было дать года на два больше.

Рядом с ним стояла маленького роста девочка, которая так же неотрывно и завороженно смотрела в небо.

— А знаешь, Юля, почему это так происходит?

— Не, — Юля оторвала свой взгляд от неба. — А ты знаешь?

— Да, я слышал эту историю, но я не помню ее всю. Пойдем к бабе Матрене, она должна все знать.

Тем временем неожиданно прокричал вожак, и красивая вереница птиц полетела на юг. Снова вокруг стало шумно, появился ветер, который резко прошелестел по деревьям и поднял на дороге пыль. Все встало на свои места.

Баба Матрена жила на краю села. Она доживала свой восемьдесят седьмой год. Матрена держала корову и несколько курочек. Дети из Саратова приезжали по два-три раза в месяц, всегда звали ее с собой в город, но она, крепкая еще здоровьем, свыкшаяся с деревенской жизнью, не могла бросить родную деревню и променять ее на шумный город.

— Я же задохнусь в вашем городе, — так и говорила она своим детям. — Там один смрад. Люди бегают, толкаются, мешают друг другу. Разве это жизнь? А здесь я всегда у дела. По весне пойду горицвет посмотрю, и он мне один год жизни прибавляет.

Вот к этой бабке, проводив журавлей, забрели Сережа с Юлей. Баба Матрена еще издали заметила детей, почувствовала, что они к ней идут. Вышла на улицу, встретила.

— Вы ко мне, детки? — Бабушкин голос чуть треснул от прожитых лет, но в нем звучала ласковость, участие ко всем людям. Проходите, я вас угощу, чем Бог послал.

— Да мы не угощаться пришли, баба Матрена. — Сережа смотрел широкими, голубыми глазами на старушку. — Вот Юлька хочет про горицвет услышать. Расскажешь?

— Ну, почему бы не рассказать. — Баба Матрена отворила дверь в дом. — Проходите, молочка попьете. И я с вами маленько молочка-то выпью. Одной скучно обедать. А за едой я вам эту историю и расскажу.

— Я совсем недавно узнала, — начала свой рассказ баба

Матрена, наливая в большие бокалы молоко, — что горицвет по-другому называют тонколистным тюльпаном. Ученые сказали, что всего в двух районах области он растет. Плохо они его знают, совсем не назвали наш Воскресенский район. А он у нас тоже растет, и только в одном месте — в селе Студеновка.

— Я думала, — прервала старушку Юля, — вы про журавлей будете рассказывать.

— И про журавлей тоже, — баба Матрена неодобрительно посмотрела на девочку, которая так неожиданно прервала ее рассказ, — всему свое время. Они, кстати, журавли эти, два раза в год останавливаются над селом. Не многие это видят. А кто увидит, тот счастливым будет. Вам, видать, сегодня повезло. Так ведь?

— Да, — радостно заговорила Юля, — целая стая журавлей остановилась над Студеновкой и не хочет дальше лететь. Наверное, целый час они над Студеновкой висели. Правда, Сережа?

— Ну, ты скажешь, «целый час»! — засомневался Сергей. — Ну, полчаса — это точно, а может, чуть меньше. Красиво они летают.

— Да, красиво, — согласилась баба Матрена — А висят они над селом минут пять. Я и сама не раз видела. Но это так дивно, что кажется, прошел целый час. Хорошо, что вас эта картина затронула. Вы будете счастливыми людьми.

Баба Матрена с удовольствием пила вместе с ребятами холодное молоко вприкуску с душистым белым хлебом.

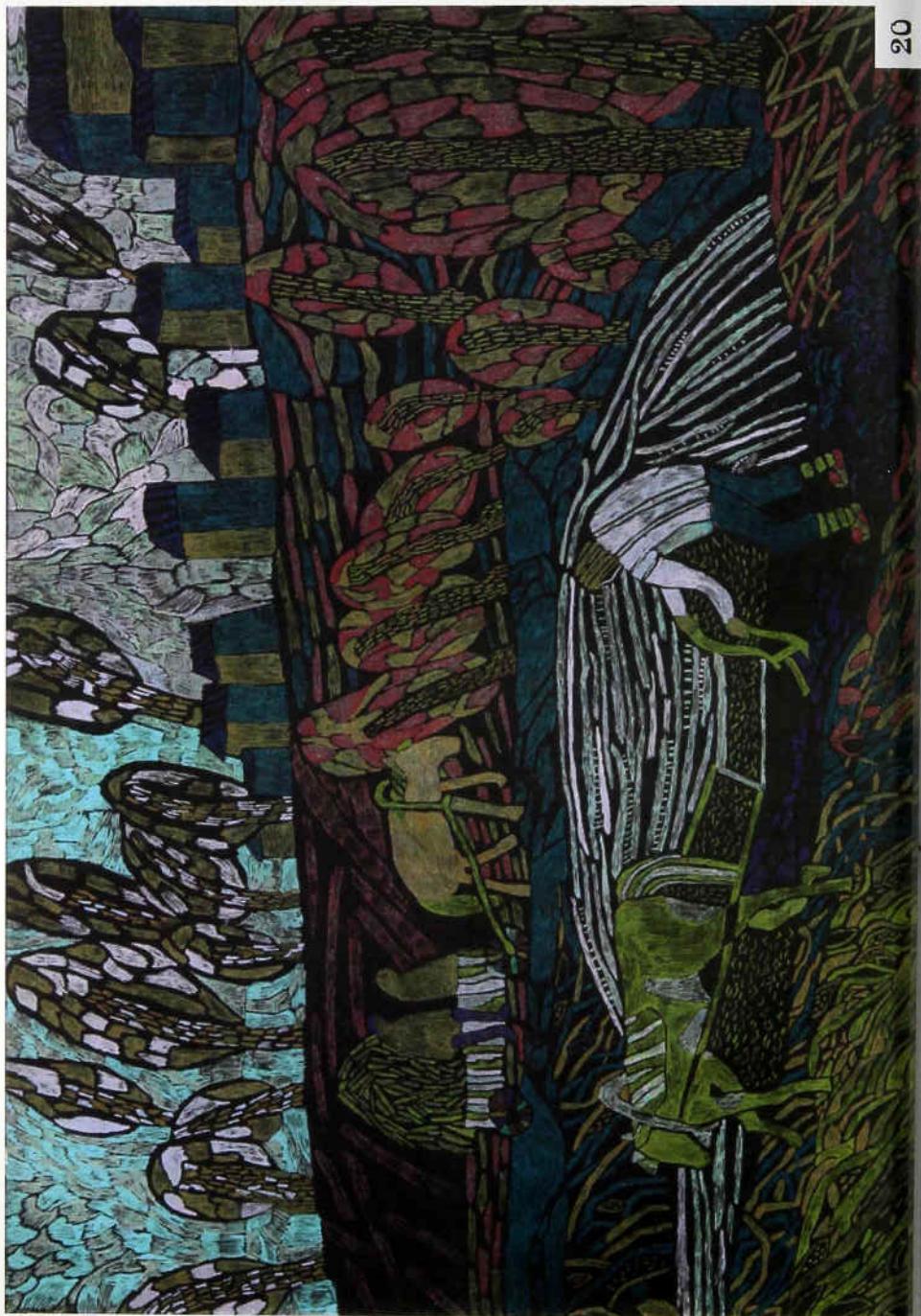
— Эту историю, — начала она свой рассказ, — я слышала лет восемьдесят назад от своей бабушки. Она прожила сто девятнадцать лет. Наша деревня Студеновка стоит здесь много-много лет. Тысяча лет ей точно. Правда, в древние времена жили здесь совершенно другие люди. Не то мордвины, не то чуваши. Место-то хорошее. Караваны, которые вели именитые купцы, здесь проходили. В деревне останавливались, продукты покупали, лошадей кормили. Этим студеновцам и жили. Охотились, правда, понемногу. Но у местных жителей не было тяги

убивать животных. Рыбачить некоторые ходили, но до Волги шибко далеко. Свою скотину держали, берегли ее для купцов. А когда купцы приходили, дорого ее продавали. Сами не резали животных, боялись, может быть? А потом монголы с татарами пришли. Деревню не тронули, ни одного двора не сожгли. Тоже хитрые были, знали, что деревня, ее жители всегда пригодятся.

Тогда в самом центре села жила семья Ефима Рыболова. Его не случайно так прозвали. Ведь я вам сказала, что жители Студеновки занимались чем угодно, только не рыбалкой и охотой. А вот Ефим приноровился рыбачить. У него было много различных счастей. Еще лошадка у него была. Маленькая, лохматая. Был слух, что лошадь Ефиму татары не то продали, не то подарили. Она чем-то на хозяина походила. Ефим был тоже маленького роста, весь какой-то волосатый, вечно взъерошенный. Но в рыбалке был удачлив. Ему в селе многие завидовали. Да и как не завидовать, когда у него самый красивый дом в селе, в избе полно всего, скотину держал. И жена была самой красивой в округе женщины. Жена его, Кристина, была не местной. Как-то раз Ефим, еще молодой, ушел на рыбалку на Волгу. Долго его не было, почти месяц. Вернулся худой, израненный, но привел с собой молодую красивую женщину. Она была не то персиянкой, не то индианкой. Кристина людей сторонилась, да и по-нашему, по-русски, плохо разговаривала. Казалось, что она только для Ефима и для себя жила. А потом у них пошли дети. Один, второй, третий.. Так родила она семерых детей. Один краше другого. Дети быстро росли. Не заметили, как состарились Ефим и Кристина. Самой красивой в семье была младшая дочь Полина. Уж до чего красива, что нельзя словами описать ее красоту! На нее все парни заглядывались, но она всех сторонилась. Со всеми она одинаково дружила, играла, водила хоро воды, но никого не любила, будто ждала своего суженого.

Давным-давно, на месте, где сейчас стоит город Вольск, находилось татарское стойбище, и называлось оно Малык. Большое было стойбище. Послы татарские через Студеновку в Москву

ходили. На обратном пути, если ночь настигала, оставались в деревне ночевать. В то время правил в стойбище хан Кунак. Сильный, суровый хан был. Его все боялись. Любил он охоту, рыбалку. И женщин любил. У него было четыре жены и около ста наложниц. У этого хана Кунака тоже были дети. Сколько их было, никто не знал. Ведь детьми считались только дети, рожденные от жен. А рожденных от наложниц или убивали, а если им и сохраняли жизнь, то они становились простыми воинами в войске хана. Но это были всегда несчастные люди. Тяжело быть отвергнутым, тем более родным отцом. Но мы говорить будем о родном сыне хана Кунака. Кунак правил несколько десятилетий. У него была крепкая власть, крепкое войско. Он всегда верил в свою правоту и силу. Одного из сыновей звали Заки. Ему в ту пору семнадцать лет исполнилось. Заки, сын второй жены хана, всегда, с самого детства, сопровождал отца и в походах, и на охоте. Однажды, проезжая мимо Студеновки, увидел Заки Полину. Влюбился он в нее с первого взгляда. Хан решил женить Заки на той, которую выберет ему сам. Невеста должна быть из очень высокого рода, и быть тогда Заки, как и отцу, Великим ханом. Он ведь для этого родился. Заки пропал в ту же ночь. Сначала хана беспокоить не стали, но обыскали все в стойбище и вокруг него. Не обнаружив нигде юноши, доложили хану, что тот исчез. Хан разозлился и понял, куда подевался его сын.

— Позвать ко мне Файзу! — приказал Кунак (доблестный воин Файза в то время командовал отрядом личной охраны хана). — Возьми с собой своих бойцов и поезжай в деревушку, где вода студеная бежит, там должен быть Заки. Девушку убейте. На будущей неделе Заки женится.

Файзе, который тоже видел Полину, стало жалко девушку. Он поднял голову, посмотрел в глаза хану, но не осмелился что-то сказать. Файза вместе со своим отрядом выехал в путь. Он ехал молча, сдерживая рвавшегося вперед коня. Не хотелось ему выполнять жестокий приказ хана.

Заки всю ночь провел с Полиной. Она еще вечером как будто ждала его. Нарядилась, выглядывала за ворота. Заки появился в сумерках, соскочил с коня, бросил поводья и почти бегом вошел во двор. Полина подошла к Заки, подала ему руку, и они, не скворчиваясь, вышли за ворота. О чем они говорили, конечно, никто не знал. А может быть, они и сами не знали, о чем говорили, ведь разговор шел на разных языках. Но они понимали друг друга и, так разговаривая, направились к краю деревни, вошли в лес и скрылись из вида.

Полина лежала своей головой на руке Заки. Пышные черные, почти с синевой волосы закрывали руку юноши. Они молча смотрели в небо. Над ними появилась стая журавлей. Клин замер над влюбленными, затем вожак сначала заметался вокруг стаи, а потом стал спускаться все ниже к земле. Он протяжно кричал, загадочно и тревожно, с какой-то болью. Вот он почти коснулся земли. Полина и Заки почувствовали на своих лицах резкие струи воздуха. Заки вскочил на ноги. Вынул из ножен кривую саблю.

— Шайтан! — закричал молодой воин. — Он с ума сошел!

— Не трогай его! — отчаянно взмолилась Полина. — Он нас о чем-то предупредить хочет. Беда рядом.

Вдруг журавль пронзительно закричал и взмыл в воздух. На краю поляны, где находились Заки и Полина, появился отряд всадников во главе с Файзой. Файза поднял лук и натянула тетиву. Стрела, пущенная сильной рукой оного из лучших воинов хана Кунака, устремилась вперед, издавая свист. Ее уже было не остановить. У Полины подкосились ноги. Она упала. Заки бросился на Файзу, но тот мастерски защищался, отражая все удары. От злости и невозможности поразить врага юноша нанес сильный удар по лошади. Конь, постояв несколько мгновений, рухнул на землю, придавив ногу Файзы. Заки подскочил к Файзе и вонзил саблю ему в грудь.

Заки подошел к Полине, встал возле нее на колени. Он сидел

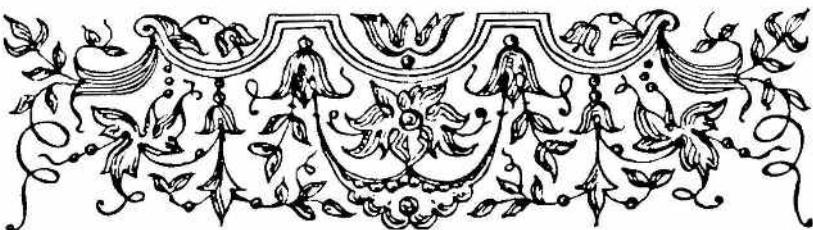
так очень долго, что-то пел на своем языке. Вдруг он стал медленно падать на бок. В спине торчала сабля...

— Вот так, — тяжело вздохнула баба Матрена, — закончилась эта красивая и печальная история. А журавли долго висели над поляной, пока воины собирались в печальный поход до стойбища Малык с двумя трупами. Они уже отъезжали, но потом вернулись, взяли тело Полины и отвезли его в Студеновку.

Журавлинный клин тоже потянулся за ними в деревню. Затем вожак прокричал что-то, и журавли полетели дальше.

Следующей весной кто-то из студеновцев пришел на поляну и увидел здесь горицвет. Никогда раньше его точно там не было. Вся поляна была усыпана цветами. Это сейчас его стало мало. Скотина вытаптывает цветник, воскресенцы приезжают рвать букеты, а кто-то выкопал корни и дома посадил. Только редко у кого он приживается, чаще всего гибнет. Его пересаживать надо с большой любовью, не имея в сердце своем злобы на других людей. Тогда он приживется на новом месте.

Родник

Вел 1789 год... Это было время глубоких преобразований в России, осуществляемых деятельной и неординарной правительницей Екатериной II. Совсем недавно испытавшая тяжелейший шок от мощного крестьянского восстания под предводительством лже-Петра III, а в действительности донского казака Емельяна Пугачева, она была вынуждена, чтобы избежать новых потрясений, перейти к политике лавирования. Сильным ходом, заметно ослабившим социальную напряженность в обществе, явилось действие Екатерины II по переводу некоторой части крепостных крестьян в разряд государственных, с правом владения землей. Это касалось и так называемых инородцев, то есть нерусских крестьян, которые, как известно, испытывали двойной гнет.

И вот потянулись обозы в разные концы необъятной России, нагруженные домочадцами и жалкими пожитками. Естественно, Саратовский край со своими жирными черноземами не мог не стать объектом внимания переселенцев; сюда потяну-

лись русские, мордовские, татарские семьи. В апреле несколько десятков человек из числа пензенских татар во главе со своим вожаком Манюш-бабаев разбили лагерь в 25 верстах от городокрепости Петровска. Им приглянулись привольные степи, близость красивой реки Медведицы. Остановились и стали ждать местного барина, чтобы получить от него разрешение на поселение.

Был особенный период весны, который сильнее всего действует на душу человека: яркое, на всем блестящее, но нежаркое солнце, прозрачные ручьи и проталинки, пахучая свежесть в воздухе и нежно-голубое небо с редкими высокими облаками.

Утомленные дальним переходом люди от души любовались этой неброской и величавой красотой природы. Их лошади, выпряженные, расхомуганные, жадно и шумно принюхивались к земле, еще нетеплой, к ранней «гусиной» травке, временами счастливо били копытами о землю, выбивая мелкую дернину.

К полудню подъехал барин Маленьского роста, с обезображенными оспой лицом и крупным носом, он привстал на козлах, едва удерживая свой белый картуз от порывистого весеннего ветра, и прокричал:

— Согласно указу матушки-императрицы, дарую вам эти земли. Название своему селу уж придумаете сами. Живите, размножайтесь.. Но смотрите у меня, нехристи, налоги платить исправно! Если что, не взыщите! — Сказал и — укатил восвояси.

Привыкшие к тяжелому крестьянскому труду, обласканные мыслью о личной свободе и переполнявшим их гордым чувством хозяина на земле, трудились сельчане не щадя живота своего. И край преобразился!

Вместо бескрайней степи, поросшей ковылем, поднялись тучные хлеба, обильно политые потом переселенцев. Сыпалось громкое ржание лошадей, мычание коров, блеяние овец, — все это говорило о материальном достатке устьузинцев. Из соседних сел потянулись обозы с зерном на местную мельницу;

удивлял своими необыкновенными изделиями кожевенный завод. До позднего вечера не утихал по субботам базар..

Но была и особая гордость у жителей Усть-Узы – это речка Уза. Неширокая, неглубокая (мальчишки на спор перепрыгивали ее при помощи шеста), она тем не менее являлась объектом всеобщего поклонения. Питали ее многочисленные родники, среди которых выделялся родник-исполин. В несколько метров диаметром, это истинное чудо природы извергало больше воды, чем все остальные его сородичи, вместе взятые. Вода в нем была очень вкусной. Множество тропинок вели к нему: татарские семьи пили чай помногу. Он являлся невольным свидетелем сухих мужских разговоров, женских сплетен, девичьих секретов, мальчишеского озорства, первых свиданий..

Верно говорят: хорошее не может длиться долго. Через несколько лет пришла нежданно-негаданно большая беда. Всю зиму в тот год лютовали морозы, повредив озимые, а весной пришли сплошные дожди, помешав посеву яровых культур. Случился неурожай. Тут уж было не до уплаты налогов, как бы самим выжить. Вспомнили обязательства перед барином, посыпали к нему в качестве ходоков аксакалов с просьбой повременить с поборами – не помогло. Барин был неумолим. Он явился тут же, как только был убран скучный урожай с полей. Да не один, а с охраной. Было велено оставлять на семью три мешка зерна, остальное отобрать. Плач и стон стояли по всему аулу – предстояло пережить долгую и голодную зиму. Но барин не унимался. По его приказу из Петровска привезли огромный казан и накрыли родник-исполин. Несколько дней длилась борьба природы и людей. Животворный источник никак не хотел попадать в рабство, бился изо всех естественных сил. Чего только не клали на котел: и огромные камни, и железо, и влезали на него множество людей – родник не сдавался! На пятый день, словно видя бесполезность своего сопротивления, он затих. Вскоре перестали жить и остальные родники, исчезла и речка. Видя невозможность существовать без воды, покинули эти места и люди...

Минуло много лет. К когда-то брошенным землям пришли потомки первых жителей Усть-Узы. Обработали поля. Посадили деревья, сделали пруды. Но их не покидала мысль отыскать родник, освободить его от неволи, очистить остальные. В соседнем селе даже нашелся такой человек, который мог бы указать его точное местонахождение. За эту услугу он запросил очень много денег, но устьузинцы все-таки согласились. Пока всем миром собирали деньги, дед Василий умер и унес с собой в могилу свою тайну.

Прошли столетия... Живет и процветает Усть-Уза. Мощные насосы тоннами выкачивают из недр земли вкусную артезианскую воду. Но из поколения в поколение передается красивая легенда о роднике-исполнине, который стал дороже всего на свете первым жителям села.

Чертов палец

Саратовская земля богата разными загадками. Одна из самых известных — легенда о так называемых «чертовых пальцах». Замысловатые окаменелости — конические камни в виде пальцев — были давно замечены людьми. Их находили в земле, на отмелях рек, рядом с карьерами. В причудливых камнях люди видели наконечники «громовых» стрел, которые посыпает на землю во время грозы Илья-пророк, разъезжая по тучам на своей огненной, громыхающей колеснице. А так как на Руси все непонятное принято считать «чертовым», то эти находки в наших краях назвали «чертовыми пальцами».

Удивительным камням приписывали чудодейственную силу. Их толкли в ступках, а порошком, шепча заклинания и молитвы, присыпали раны. И это помогало, хотя чуда в этом никакого не было. Частички толченого «чертова пальца», состоящие из кальцита, вбирая влагу,слипались, образуя на месте пореза или ссадины подобие повязки.

Для ученых каменные конусы перестали быть тайной в конце XVII века, когда в земных слоях был найден полный портрет животного, которому сразу дали название «белемнит», придуманное еще древними греками. Оказалось, что «чертов палец» — это как бы защитный наконечник сплошной раковины, находившийся при жизни животного внутри его тела. Специалисты назвали эту деталь ростром, то есть выступом, тараном, какие когда-то были у боевых кораблей.

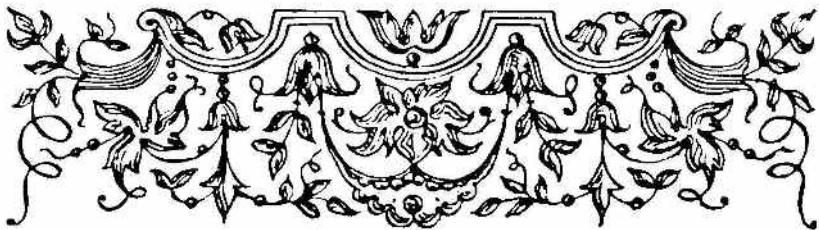
Голова моллюска скорее всего несла на себе восемь коротких щупалец и два длинных, вооруженных роговыми когтями-крючками, между которых располагался острый клюв. У этого существа были большие зоркие глаза. Тело белемнита своими очертаниями напоминало снаряд или торпеду. По бокам от него отходили два плавника, служившие для передвижения и как рули глубины. Главным двигателем, как и у других головоногих, у этого тоже был водомет; трубка которого — сопло выходило над головой. Предполагается, что белемниты могли развивать скорость до пятидесяти километров в час. Все они были хищниками, хотя сами довольно часто становились добычей ящеров и крупных рыб.

Давайте задумаемся, откуда же на территории Саратовской области, на суше, могут взяться останки морских животных? Оказывается, место, где сейчас располагается Саратовская область, 330 миллионов лет назад находилось почти в центре древнего морского пути, на его мелководной части. Можно предположить, что здесь, на месте нынешней Терловки, вода и суша не раз сменяли друг друга. Что же касается тех известняков, которые находят в карьерах, то это свидетельство о разливе Московского моря. Там, где сейчас стоит Саратов, 180 миллионов лет назад был один из заливов моря. Останки белемнитов могут служить надежными «маяками времени», так как ростры этих существ, живших в разное время, отличаются друг от друга. Знатоки считают, что в Саратовской области можно найти не менее ста видов ростров.

Сто видов ростров! Представляете, какой это простор для того, кто собирает или намеревается собирать коллекцию окаменелостей древних морей.

А ведь никто не утверждает, что нет сто первого, сто второго и так далее. Так что у любого есть шанс найти ростр, который никто и никогда не видел.

Царство иноков

Сегодня отношение к старообрядчеству неоднозначное. Для исследователей это целая эпоха в российской истории, с «огненным» протопопом Аввакумом и боярыней Морозовой; для ревнителей православия — почти секта. Однако если учесть, что раскол в русской церкви произошел лишь после церковного собора 1666 года, то можно сказать, что именно старообрядчество, начиная с Владимирского крещения Руси, было официальной религией страны, а значит, и определяло основные направления ее политики. Соответственно и самые древние церковные сооружения строились по канонам старой веры. Сегодня эта мысль, может, звучит крамольно, но против фактов истории не возразишь. Тем более интересно, как в одночасье ставшее «персоной нон грата» старообрядчество постепенно вновь занимало прочные позиции в духовной и даже экономической жизни страны.

Первым, кто сделал шаг навстречу раскольникам, стала Екатерина II. Она 4 декабря 1762 года подписала Манифест о своей монаршией милост-

сти: «Бежавшим из своего отечества подданным возвращаться позволяем и обнадеживаем, что хотя б по законам и следовало учинить наказание, но, однако ж, все их до сего преступления прощаем, надеясь, что они, восчувствовав к ним сии наши оказываемые материи щедроты, потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии в пользу свою и всего общества».

Некогда бежавшим из страны раскольникам разрешалось селиться на левом берегу Волги в районе рек Большой и Малый Иргизы. Им выделялось в пользование 70 тысяч десятин (чуть более 76 тысяч гектаров) лучшей заволжской земли.

После Манифеста и подтверждающего Указа (раскольникам было обещано немало льгот, одна из главных — освобождение от всех податей и работ сроком на 6 лет) в заволжские земли прежде всего потянулись переселенцы из слободы под названием Ветка, что находилась недалеко от нынешнего Гомеля (тогда эта земля принадлежала Польше — поэтому в исторической литературе и стали говорить «старообрядцы из Польши»). Ветка была создана раскольниками, бежавшими от преследований в конце XVII века, и вокруг нее в течение нескольких лет образовалось 14 раскольничих слобод с общим количеством жителей до сорока тысяч. Не останавливаясь на тонкостях различий религиозных обрядов православия и так называемого «Ветковского согласия» (это — удел религиоведов), укажем лишь, что «ветковцы» относились к самому многочисленному — поповщинскому — направлению раскола (пользование услугами «чужих», православных попов, перекрещенных в «своих», старообрядческих). И их влияние было столь велико, что, по всей вероятности, российское правительство рассчитывало расправиться с Веткой, переселив большую часть раскольников из отдаленных краев в ближние. Иначе как объяснить, что менее чем через два года «столица раскола» была разрушена русскими войсками во главе с генерал-майором Масловым?

Екатерининское же волеизъявление лишь подтвердило

право раскольников на жизнь в тех местах, которые они начали осваивать за сто с лишним лет до этого. В начале XVII века (когда раскола в русской церкви еще не произошло) официальное разрешение на рыбную ловлю в волжских водах, от нынешнего Хвалынска до Саратова, получили сначала Чудов, а затем Ново-спасский («раскольничий»?) московские монастыри. Правда, жилища рыбаков ватаг были временные, сезонные. Оседлую жизнь не давали вести кочевники и разбойники, которые вольно чувствовали себя на Волге. Когда же государственная власть в Поволжье стала закрепляться, появились здесь и первые села, и большая часть из них — староверские. Например, город Балацово (по старому написанию Балаковъ) в Саратовской области традиционно считают основанным раскольниками в 1762 году (эта «дата» закреплена и в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрана). Однако в середине XIX века старожилы называли другое время — 1742 год, то есть еще до «позволительного» Указа Екатерины. А некоторые поселения образовались и того раньше, на заброшенных становищах рыбаков, поволжских кочевников и разбойничих атаманов.

Во время массового возвращения староверов пришли на Большой Иргиз и первые монахи. Один за другим они создавали скиты. Сначала Аврамий с двенадцатью своими чернецами — недалеко от села Криволучье, затем иеромонах Пахомий и монах Филарет с семнадцатью товарищами — в двух-трех верстах от слободы Мечетной (ныне город Пугачев) и, наконец, Исакий с братией в пять человек — в семи верстах от той же слободы. Скиты так и стали называть: Аврамиев, Пахомиев и Исакиев. Иргиз очень извилист, и монахи выбирали свое пристанище в его ложбинах и излучинах, чтобы можно было и плотинку поставить, и искусственное озеро выкопать. Таким образом, отшельники создавали некое подобие острова-крепости, более восьми месяцев в году окруженнего водой почти со всех сторон. Это давало возможность всегда быть готовым к появлению непрошенных гостей: разбойников или представителей власти. Все три монастыря расположились по Иргизу снизу вверх

по течению, а потому имели поначалу еще по одному названию: Нижний, Средний и Верхний.

Монахи вели строгую аскетическую жизнь, чем снискали почтенное уважение окрестных раскольников. Миряне приходили в скиты к старцам за поучением и объяснением правил отшельнической жизни, а некоторые просили либо окрестить младенца, либо совершить еще какой-либо присущий староверам духовный обряд. Через каких-то десять лет после своего образования иргизская «святыня» стала столь известной и влиятельной, что здесь можно было увидеть людей совершенно различных сословий и разного состояния со всех концов страны. По видимости, раны, которые нанесла «новая вера» многовековой религиозной традиции, еще не зарубцевались. Не случайно именно Иргиз стал идеальным вдохновителем Пугачевского восстания. Пугачев приходил за благословением к настоятелю Среднего (по другим данным, Верхнего) монастыря Филарету (поговаривали, что он имел огромное значение среди раскольников всей России). По некоторым, неподтвержденным сведениям, будущий «Петр III» даже пообещал своему духовнику сан Патриарха Московского. Благосклонность иргизских старцев к бунтовщикам проявлялась и позже. Когда Пугачев и его отряды терпели поражение за поражением от правительственные войск, они на некоторое время находили убежище «на Иргизах». И после разгрома «пугачевщины» по окрестным селам еще долго ходила легенда о том, что в скитских землях пугачевцы скрыли свою богатую казну. Указывались даже конкретные места. Однако кладоискатели так ничего и не нашли.

Не нашли также и доказательств пособничества монастырских жителей «Пугачеву со товарищи». Возможно, это не было нужно каким-то состоятельным osobам, близким ко двору и успевшим «подружиться» с иргизскими старцами. Что уж их, помимо веры, связывало, одному Богу известно. Только Иргиз после восстания еще больше упрочил свое влияние, и будто бы Екатерина II на открытие одной из церквей Средне-Никольского монастыря прислала в дар священническую парчовую

ризу, на оплечье которой сама вышила свой вензель. Может, не случайно об «измене» раскольников историки предпочитали говорить вполголоса даже спустя сотню лет. И это не последняя тайна, которая окутывает «Иргизы».

Весьма примечательно, например, появление в Верхнем монастыре монаха Сергия, ставшего впоследствии «патриархом» Иргизских монастырей. Он – сын московского купца-старообрядца Симона Петровича Юршева. Человек талантливый, Сергий быстро занял прочное положение на Иргизе. Именно он принял активное участие в Рогожском раскольничьем соборе в Москве в 1779 году, год спустя построил первую на Иргизе церковь – в Верхнем монастыре в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, а тремя годами позже здесь же еще одну церковь – в честь Успения Пресвятой Богородицы. Сергия называли «строителем», потому что при нем монастыри стали крупнейшим в России центром раскола. При нем закрепился определенный внутренний порядок и утвердились законы монастырского общежития. При нем в каждой обители были поставлены храмы. По их названию монастыри стали именоваться Нижне-Воскресенский, Средне-Никольский и Верхне-Успенский (позже – Верхне-Спасо-Преображенский). Неподалеку от последних двух образовались и женские монастыри: Средне-Успенский и Покровский.

Однако к концу XVIII века в монастырях стали поговаривать о единоверии, проще говоря, слиянии старообрядчества с православием, главным образом в пользу последнего. Проповедником этих настроений, как ни странно, стал сам Сергий. Против него выступил настоятель Нижне-Воскресенского монастыря Прохор. Он пользовался уважением не меньшим, чем Сергий. Если первый иргизский «патриарх» в основном заботился об упорядочении духовной жизни монастырей, то Прохор – об их материальной «крепости». «Свалить» своего оппонента ему не составило труда. Сергий потерял власть, принял единоверие и удалился из «раскольничьего гнезда», а Прохор занял над монастырями верховное положение.

Начало его деятельности как главы совпало с восшествием на престол Павла I, который лично был благорасположен к Прохору. Рассказывали, что последний происходил от богатого вольского купца, обладал значительными богатствами и якобы нередко ссужал деньгами наследника престола, который получал от своей матушки-императрицы очень незначительное содержание. Павел, став императором, не мог не отблагодарить своего кредитора.

Впрочем, загадочная личность Прохора порождала среди раскольников много и других слухов. Одни говорили, что он был сыном не просто купца, а грузинского царя, другие уверяли, что он сын самой Екатерины II. А по поводу его объявления в Аврамиевом скиту и вовсе ходила легенда.

Якобы однажды богатый саратовский купец Калмыков, имевший большую хлебную торговлю по всей России, отправил со своим сыном Петром большой караван с хлебом на Урал. Недалеко от Урала на калмыковский обоз напала какая-то кочевая орда, отбив весь хлеб и умертвив Петра. Но вскоре после распространившегося слуха о смерти Петра в Саратов к Калмыкову явился какой-то человек и объявил себя его сыном: мол, на самом деле его не убили, а взяли в плен бухарцы и он бежал при первой же возможности. Затем он выпросил у своего «отца» разрешение на пострижение в монахи, ссылаясь на то, что еще в плена дал себе клятвенный обет, что в случае избавления и сохранения жизни примет монашество. После этого Петр и отправился на Иргиз, остановился в Аврамиевом ските и здесь постригся под именем Прохора. В действительности время появления Прохора в скиту неизвестно. Несомненно только то, что в 1787–1788 годах он уже был настоятелем скита, участвовал здесь в освящении Воскресенской церкви, построенной, по предположению, на средства, полученные Прохором от отца.

Ну а благорасположение Павла проявилось в том, что в 1797 году он отправил в иргизские монастыри своего ближайшего вельможу действительного тайного советника Руничеву в

качестве посла. Благодарные монахи написали императору письмо-заверение в верноподданничестве Его Величеству:

«1797 года февраля 18 дня Вольского округа жительствующие на Иргизе старообрядческих монастырей – Верхне-Успенского, Средне-Никольского и Нижне-Воскресенского – настоятели со своей братией: сим в достоверность, что господин действительный статский советник Павел Степанович Рунич, бывший в наших монастырях, объявил нам Его Величества Государя императора Павла I Высокомонаршее благоволение, каковое и мы нижайше приемлем с глубочайшим благоговением и с действительнейшою преданностью, прося и моля Подателя всех благ Господа Бога из глубины сердец наших, о долголетнем здравии и благоденствии Его императорского Величества и всей Высочайшей Императорской фамилии, каковым верноподданическим усердием и непоколебимой преданностью пребудем во все дни жизни нашего».

А вскоре последовал Высочайший Указ, освобождающий иргизских монахов от рекрутской повинности. Тем самым беглому монашеству на Иргизе была оказана правительенная поддержка.

Чуть позже Прохор добился того, что земли, занятые монастырями, были выделены в особую часть при начатом генеральном размежевании земель в Саратовской губернии и отданы монастырям в вечное владение. Это распоряжение после смерти Павла подтвердил и Александр I.

Это указание было важным для всего раскола не только из-за материальных выгод, но и в нравственном смысле, как признание за иргизскими монастырями такого же права на существование, какое имели монастыри православные. После этого наступила пора самого блестящего процветания раскольничего Иргиза.

Внешний вид монастырей большей частью представлял форму правильного четырехугольника. Вокруг него обычно строился довольно высокий деревянный забор или стена с каменными столбами. В центре возводили церковь или

часовню, а вокруг них с трех, а то и с четырех сторон правильными рядами шли кельи в два-три порядка.

Если в первые годы иноки не имели практически ничего, то в начале XIX века Иргиз встал в один ряд с самыми богатыми монастырями России. Богатства каждого из них оценивались более чем в 100 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги. В церквях было много икон древнего письма, относящихся к XIII–XVI векам. Большинство из них было либо узано жемчугом, либо покрыто серебряными вызолоченными ризами. Немало имелось и других драгоценностей. Чего стоило хотя бы медное, но густо высеребренное шестиярусное паникадило с пятьюдесятью четырьмя подсвечниками и общим весом в 18 пудов, висевшее посреди главной церкви Нижне-Воскресенского монастыря. Или плащаница, шитая золотом, серебром и шелками в 1531 году. Создавалось впечатление, что на Иргиз самые ценные из своих накоплений раскольники свозили со всей России.

Иргизские монастыри быстро стали для раскольников такой же святыней, как Афон для православных. Сюда, в «царство иноков», шли и шли паломники, чтобы не только насладиться великолепием храмов, но и послушать ангелоподобное, так называемое демественное пение. Исконно это – домашнее, одноголосное пение, исполняемое вне храма. Обычай сопровождать домашние занятия священным песнопением возник еще в Греции в V веке нашей эры, а потом перешел к славянам. Согласно другим источникам, эта песенная традиция была завезена на Русь греческими певцами при Ярославе в XI веке, а в XVI веке ее перенесли в храм. Демественное пение сопровождало важные торжества, под него венчался первый из Романовых Михаил Федорович. Но после церковной реформы XVII века «демество» перешло в разряд второстепенных. Православная церковь запела многоголосием.

Привлекало на «русский Афон» и то, что здесь, как на месте, якобы указанном самим Богом, по уверению иргизских монахов, хранились нетленные мощи святых отцов Исакия и Асафа,

от которых больные получали исцеление. Что особенно было важно для старообрядцев, так это то, что на Иргизе, даже в самое трудное для раскола время, никогда не оскудевало «священство»: отовсюду сюда стекались беглые православные священники. И в 1805 году в Верхне-Спасо-Преображенском монастыре состоялся собор, который признал и утвердил право на название «православной», «соборной» только за иргизскими монастырями (вызов официальной церкви?!). Именно они получили единоличное первенство в распространении своих священников по раскольничьей России. Грамотных монахов на Иргизе было предостаточно. Потребность чтения была значительной. Поэтому здесь существовали особые школы, выпускники которых расходились по всей стране.

Однако бурный расцвет монастырей способствовал не менее бурному их падению.

В первые годы своего развития Иргиз был символом аскетизма, благочестия и истинной веры. Со временем же монахи, избалованные вниманием царей и богатых купцов-старообрядцев, перестали придерживаться богоугодных принципов.

В монастыри принимали всех без разбора. Здесь никого не интересовало твоё прошлое, никто не спрашивал никаких документов. Назовись Адрианом — так оно и будет, хочешь быть Феодором — пожалуйста. Так что если нужно было скрыться от закона, прямая дорога — в монастыри. Места глухие, от властей далеко, представители закона заглядывали очень редко. Благодаря обширным связям и большим богатствам иргизские монастыри всегда имели возможность отстранить от себя случаи полицейских набегов или могли содержать своих агентов даже в самой полиции. Застать врасплох тех, кто незаконно проживал в монастырях, было практически невозможно. Под кельями обычно устраивались помещения с подземными галереями, которые вели далеко за монастырскую ограду, в чащу леса. А там их ждали потаенные места на монастырских хуторах, пчельниках, мельницах, скотных дворах.

Особенно с распостертыми объятиями здесь принимались беглые православные священники. Снисхождение к ним доводилось до полного послабления, и потому в монастыри иногда удавалось поступать в качестве попов и дьяконов либо расстригам, либо совершенным самозванцам, никогда не имевшим священнического сана. А причина бегства тех, у кого он все-таки был, вообще никого не интересовала, хотя кое-кто из них «прославился» или своим корыстолюбием, или нетрезвой жизнью и распутным поведением, что делало этих священников нетерпимыми в православных приходах. Словом, выбирать не приходилось, потому что потребность в священниках была очень велика из-за многочисленности монастырских жителей и громадного количества окрестных раскольников, принадлежащих к их согласию и обращавшихся к ним по случаю разного рода церковных требоисправлений.

Раскольничьи попы, кстати, даже к братии монастырской не относились. Они редко жили со своими семействами в монастырях. Их размещали вне обители, обеспечивая помещением, дровами, хлебом и другими предметами первой необходимости, оплачивая по два рубля за каждую отслуженную литургию и «отстегивая» им третью часть доходов от других церковных служб. Это ощущение полной своей безнаказанности и попустительство со стороны монастырского руководства привело к тому, что многие монахи стали грешить напропалую.

Способствовало распространению «разврата» прежде всего соседство «светских» сел и женских монастырей. Настоятель Средне-Никольского монастыря иеромонах Арсений писал: «Незаконные связи монахов с монахинями и всегдашнее их вместе пребывание не поставляли в зазорную жизнь; всякие праздники монахини и послушницы бывают в мужском монастыре под предлогом богомолья. И позволяют себе ночевать в кельях общих с монахами, а клирошанки – у клиросских и угощались пьянством в непомерной степени, а потом монахи с клиросскими, наоборот, в женском монастыре без всякого зазора и днем и ночью. Многие монахи были женаты и имели

своих жен в монастырях». А монахи Нижне-Воскресенского (Криволучского) монастыря ходили в соседние раскольничьи поселения, так как женского монастыря поблизости не было. Иргизский старожил в своих «домашних записках» замечал: «За Волгою для кузнецов недоставало углей на ковку цепей, в которые заковывали нетрезвых и буйных иноков и полов, а в кабаках – вина, по причине сластолюбия наших скитников, кои, подражая в сластолюбии мусульманам относительно их гаремов, подобно им и свою религиозность соблюдали».

Быстрое и легкое обогащение монастырей привело к тому, что всякий труд в них перестал пользоваться уважением. Несмотря на то, что у монастырей были свои пчельники и большие сады, да и продуктовых подношений собиралось немало, монахи питались скудно. Поэтому у большинства монастырских жителей появилось собственное, отдельное от монастыря хозяйство, а в выходные и в праздничные дни на территории монастырей устраивалось что-то напоминающее базар, где продавались такие запрещенные предметы и продукты, как чай, сахар и самовары. Некоторые монахи даже держали табак.

Однако беспутство, невоздержание и несоблюдение законов монашества не ухудшили отношение окрестных жителей к монастырям. Последние по-прежнему оставались религиозной святыней, посещение которой считалось для многих священной обязанностью, а получения права быть похороненным в монастырской земле могли добиться только очень богатые купцы.

Неизвестно, сколько бы это процветание продолжалось, если бы на российский престол не вошел Николай I. Напуганный восстанием декабристов, он, как известно, ужесточил борьбу с любой крамолой. И повод расправиться с вольными иргизскими монастырями нашелся довольно быстро.

Сначала «на Иргизах» надеялся получить благословение самозванец, который, воспользовавшись декабристским движением, объявил себя великим князем Константином Павловичем и даже успел возмутить два села в Саратовской губер-

нии, но был схвачен, не успев добраться до «русского Афона». Потом весной 1827 года власти задержали раскольничьего папу Кирилла: он «созвратил» в раскол немало православных. Наконец, в конце 1827 года «патриарх» Прохор принял в состав Нижне-Воскресенского монастыря двух человек, которые оказались государственными преступниками и были арестованы. Арестовали и самого Прохора. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы начать гонения на прежде «неприкасаемых» монахов.

2 августа 1828 года последовал Высочайший Указ о подчинении старообрядческих монастырей губернскому начальству и подготовке их к переходу в единоверие. Первым из саратовских губернаторов, кто начал претворять в жизнь царское указание, стал князь Голицын. Он со свитой отправился с инспекцией по монастырям. Самой ближней была Нижне-Воскресенская обитель. В ней-то губернатор и сделал остановку. Он объявил инокам Высочайшую волю императора о присоединении старообрядческих монастырей к единоверию. Как ни хотелось монахам ослушаться, но они были буквально приперты к стенке. Нижневоскресенцы прекрасно понимали, что властям достать до них легче легкого, потому что они — «нижние». И им пришлось согласиться с «предложением» князя Голицына и подписать необходимые бумаги. Тем самым они навлекли на себя гнев других монастырей и старообрядцев соседних поселений. Как писал впоследствии Голицын, «в стекшемся народе из соседственных селений, Мечетного и Криволучья, приметен был дух беспокойства и даже буйства, по слуху тому, что им было известно соглашение иргизских настоятелей к принятию единоверческой церкви».

Особенно активными были крестьяне села Криволучье Починков и Демихин, у которых тайно собирались сходки для того, чтобы возмутить других удельных крестьян.

Но все старания сохранить веру были напрасны. Чтобы окончательно добить в иргизской «коммуне» всякую возможность снова подняться на ноги, велено было всю молодежь, год-

ную к военной службе, отдать в солдаты, негодных — отправить на поселение, а мальчиков записать в военные кантонисты.

На Иргиз был командирован чиновник особых поручений Полонский, который должен был оформить передачу монастырей в ведомство губернского начальства, что и сделали за один месяц.

Однако окончательное уничтожение иртизских монастырей произошло позже. Старообрядцы сопротивлялись, как могли. В народе появились фальшивые указы о дозволении строительства раскольничих часовен и беспрепятственного отправления в них богослужений по старой вере. На этом указе раскольники построили целую систему пропаганды и противодействия миссионерам, проповедникам православия и единоверия. Пропагандистов секли розгами, сажали в остроги, ссыпали, но вместо них появлялись новые, и Поволжье бурлило непереставаемыми смутами. В то время в Саратовской области проживало почти 63 с половиной тысячи раскольников, причем крестьян, которые традиционно считались самыми отсталыми, всего около 12 тысяч. Справиться с такой огромной армией раскольников, среди которых было немало богатых и влиятельных людей, за короткий срок не было никакой возможности.

Это утверждение решил опровергнуть новый саратовский губернатор Александр Степанов. Адъютант генералиссимуса Суворова, храбрый вояка, он в первые же дни своего губернаторства пообещал завершить начатое дело по искоренению раскола и привести раскольников «к общему знаменателю». После инспекторской поездки по Заволжью он сообщил в Петербург, что, по его убеждению, Средне-Никольский монастырь, что находился в двух с небольшим километрах от города Николаевска (ранее — слобода Мечетная, теперь город Пугачев), может быть приобщен к единоверию «без всякого со стороны раскольников противословия и без отлагательства времени».

Отзыв этот доложен был государю, который, дав изволение

на обращение монастыря в единоверческий, повелел оставить при нем все земли и угодья как средства к содержанию. Епархиальному же архиерею и гражданскому губернатору вменялось в обязанность «распорядиться, по общему совещанию, негласно и с должной осторожностью».

Согласившись относительно плана действий, губернатор Степанов с епископом Иаковом «распорядились» по выполнению воли государя.

С важной миссией на Иргиз были посланы архимандрит Высоковского монастыря Зосима с братией, саратовский протоиерей Гаврила Чернышевский (отец писателя-демократа Николая Чернышевского) и пристав Константиновский. 8 февраля 1837 года они явились в монастырь с десятью солдатами и двумя унтер-офицерами. Но старообрядцы, видимо, были заранее предупреждены о надвигающейся грозе. Из окрестных сел сбежалась защищать монастырь огромная, в несколько сот человек, толпа. Люди заявляли, что «не допустят отдать церковь к единоверию, хотя бы даже до пролития крови». Уговоры оказались напрасными. Исполнители воли начальства удалились ни с чем.

На следующий день они снова двинулись к монастырю с более внушительной командой: двадцатью четырьмя понятыми, двадцатью пятью солдатами, унтер-офицерами и двумястами жителями, собранными на подмогу. Монастырские ворота оказались запертыми, а за стенками их ожидало до пятисот человек, которые не расходились и не собирались отдавать своей святыни. Исполнители снова отступили от монастыря.

«Легкое» дело оказалось не из легких. Необходимо было принимать «сильные меры». Послали с нарочным эстафеты губернатору и архиерею, обложили монастырь караулом из православных, для чего к прежним понятым было прибавлено еще 400 человек, и стали ждать распоряжения из «губернии».

16 февраля из Саратова прискакали новые чиновники: советник Зевакин и исправник Микулин. Но и эта «подмога» ничего не смогла сделать. Целых две недели десятки чиновни-

ков и сотни понятых безуспешно старались привести в исполнение Высочайшую волю относительно монастыря. Епископ Иаков, потеряв терпение, попросил своего приятеля жандармского офицера Быкова съездить на Иргиз, посодействовать обращению монастыря. Однако и его миссия не увенчалась успехом. Наконец 21 февраля в Николаевск явился сам губернатор, которого встретили торжественно.

Несмотря на то, что приближался вечер и свита не советовала губернатору начинать «дело», Степанов приказал взвести в монастырь и пустить в «работу» понятых, которых было до восьмисот человек. Он велел им силой вытаскивать раскольников за ограду монастыря. Понятые приступили к делу, но, встретив сопротивление, принялись жестоко бить попадавшихся им в руки. Особой жестокостью отличались саратовские жандармы. Люди кричали от ужаса и боли.

«Началась свалка, — писал впоследствии историк Мордовцев. — Не было выведено и половины «бунтовщиков», как темнота превратила свалку в какую-то рукопашную битву. Понятые смешались с раскольниками и, не распознавая друг друга, схватывались со своими же. Из монастыря вытаскивали тех, которые сами были согнаны, чтобы вытаскивать других. Шум и отчаянные голоса избиваемых были слышны в Николаевске и всполошили все городское население. Раздался набатный звон. Набат поднял всех на ноги. Почти весь город бросился на помощь монастырю: одни верхом, другие пешком, трети в санях. Так что даже в Николаевске было ощущение ужаса. Тысячами хлынула к монастырю народ и из соседних сел. Многие являлись с ружьями, пистолетами, копьями, кистенями, дубинами. Понятые, расставленные около монастыря, не выдержав напора, бежали в монастырь. Завязалась еще более ожесточенная свалка. Толпа полезла через ограду, словно в осажденную крепость. Там снова завязалась рукопашная, и православные на всех пунктах были разбиты».

Степанов в это время был в покоях настоятеля. Узнав из «доклада» о критическом положении дела, он приказал бросить

защиту монастыря от еще прибывшего народа и «более не раздражать толпы». Опасаясь за собственную особу, он бежал в город. За ним последовали и все чиновники. Монастырь остался в руках старообрядцев.

«Так кончилось неблаговременное распоряжение губернатора», — говорит сохранившееся от тех дней описание, составленное Гавриилом Чернышевским.

Наутро губернатор распустил по домам понятых, число которых достигло тысячи человек, приказал возвращаться на свои места и чиновников. После этого он сам уехал в Саратов и тут же составил донесение о происшедшем в Петербург.

Старообрядцы же послали депутацию к шефу жандармов Бенкендорфу, прося его защиты. В прошении они писали, что, молясь по священным обрядам, «они никому не делают вреда, усердно платят все требуемые правительством подати, не уклоняют себя ни от какой общественной или государственной службы, повинуются гражданским законам, почитают священными власть и особу государя и всегда готовы для него и за него пролить кровь свою».

Прошли две-три томительных для старообрядцев недели. Их просьба не была услышана. Степанов получил дополнительные инструкции из Петербурга и снова отправился на Иргиз завершать начатое.

Из Саратова прибыла военная команда в двести солдат с офицерами и боевым запасом, команда казаков из 3-го казачьего полка Астраханского войска. Из Хвалынска губернатор вытребовал квартировавшую там конно-артиллерийскую бригаду. Степанов даже прихватил половину саратовской пожарной команды с пожарными трубами. А на месте из православных крестьян окрестных сел было собрано уже 2000 человек понятых.

12 марта 1837 года раскольникам предложили «изъявить покорность» и принять единоверие. Но все 432 человека мужчин и 617 женщин, засевших в монастыре, ответили решительным отказом: «Монастыря не оставим, церкви нашей никому

не выдадим. Сила наша будет крепче вашей силы». Тогда губернатор созвал «военный совет», на нем было решено действовать не огнестрельным оружием и артиллерией, а нагайками казаков, прикладами солдат и пожарными трубами.

Так и было сделано. 13 марта подступили к монастырю. Вокруг храма в несколько рядов лежал народ, крепко сцепившись друг с другом. Гарцевавший впереди отряда Степанов скомандовал «пли!», и началась стрельба холостыми зарядами. В то же время на «бунтовщиков» начали качать воду из пожарных труб. Казаки ударили в нагайки, пехота начала действовать прикладами по неподвижно лежавшим защитникам монастыря. Гул выстрелов, вопли и стоны избиваемых смешались в одном хаосе, который способен был нагнать панический страх на самого храброго человека.

Понятые и солдаты бросились на старообрядцев и начали их вязать и вытаскивать из монастыря. В течение двух часов шла «работа», пока все сопротивлявшиеся не были выставлены за ограду.

Николаевский благочинный протоиерей Элпидинский, вызванный в числе других для приемки покоренного монастыря, доносил в рапорте епископу Иакову: «Подъезжая к воротам монастыря, увидел множество народа обоего пола, лежащего связанным.. Увидел по всему двору текущую воду и множество крови; ибо насосами разливали народ, а на лошадях разбивали оный в кровь; оттого вода и кровь омыли монастырскую площадь. У холодной церкви, в которой служба совершилась летом, господин губернатор встретил нас таковым приветствием: «Ну, господа отцы, извольте подбирать, что видите». Засим в теплой, т.е. зимней церкви, по сбитии замков, освящена вода и все оной окроплено, и паки благодарен губернатор. Между тем, пока был отслужен молебен, воинство и понятые разбойнически, в присутствии губернатора, грабили имущество монастырское. Окна, двери, полы, погреба, подвалы, кладовые, сундуки, шкафы — словом, все как бы от ужасного землетрясения разрушалось. Всего имущества, кроме находящегося

в церкви, в ризнице, при всей нашей тщательной заботливости, не собрано по всему монастырю более как на 300 рублей. Хлеб, кроме трех амбаров, которые остались не разломанными, рыба, масло, овощи, одежда, плуги, сани, колеса, телеги и всякая домашняя рухлядь — все как бы огнем пожжено. Словом, монастырь сей оставлен в жалком положении, по соизволению господина губернатора».

Этот рассказ подтверждается и «официальным рапортом» епископу Иакову протоиереем Чернышевским, который между прочим свидетельствует: «По личному моему осмотру найдено, что внутри оных келий мало что оставлено в целости: сундуки и шкафы разбиты, киоты с иконами изломаны; кла́довые, принадлежащие вообще монастырю и частью монашествующим, разорены, и все то, что в оных получше и что можно было похитить, похищено, а все оставшееся или разбито, или рассыпано; из выходов, погребов и амбаров почти все растаскано, даже полы в некоторых кельях взломаны».

Из людей пострадало в тот день 160 человек, которые оказались «хворыми, слабыми и утомленными» (битьем).

Некоторый материальный урон, однако, понесли при «усмирении» и участвовавшие в деле войсковые части: «при сем действии изломано было ружейных лож до нескольких десятков», рассказывали старообрядцы. По отзывам николаевских старожилов, не в полной целости вернулись в Саратов и пожарные насосы, сыгравшие роль пулеметов в воинских подвигах храброго суворовского птенца. Впрочем, могла ли быть какая-либо мысль, какая-либо забота о целости чего-нибудь там, где происходило то, что «описать невозможно»: «смятие, вопль, плач, убийственные кровавые раны между старообрядцами, в особенности же между женским полом и малолетними детьми», где лежали кучами избитые, «обагренные оных кровью».

Относительно того, куда девались обильные материальные богатства, утварь и другие ценности монастыря, Мордовцев сообщал: «До сих пор саратовские старожилы, которые пом-

нят, когда и как уничтожили иргизские скиты, рассказывают, что некоторые из мелких официальных лиц принимали участие в фактическом уничтожении скитов, набивали громадные сундуки серебряными ризами от ободранных икон и другими сокровищами, скопленными раскольниками». Не безупречными в этом отношении оказались и понятые, у которых при обыске найдены были крупные суммы денег, не говоря уже о вещах: у некоего Зайчинова, например, отобрано 1211 рублей.

Часть добра, по рассказам, схимники успели все же попрятать в лесу и на берегах приютившего их Иргиза. Подтверждением этому могут служить возникавшие время от времени слухи о кладах и находках в окрестностях Николаевска.

Подобная же участь постигла и другие старообрядческие монастыри на Иргизе. В мае 1841-го новый саратовский губернатор Фадеев (дед известного политического деятеля рубежа XIX–XX веков Сергея Витте) двинулся с войском неожиданно и секретно к последним двум оставшимся за раскольниками монастырям: Верхне-Спасо-Преображенскому мужскому и Верхне-Покровскому женскому. Оба монастыря были лишены связи с соседними селениями. Защитить их было некому. Раскольники в очередной раз отказались принять единоверие, но были обмануты.

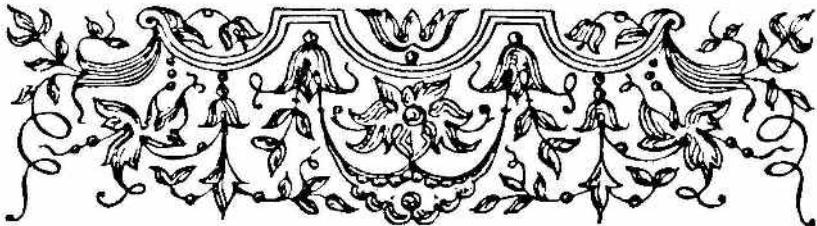
В мужской обители настоятель Нижне-Воскресенского (уже единоверческого) монастыря архимандрит Платон на глазах у изумленных монахов окропил их «святая святых» – главную церковь своей, «единоверческой», святой водой, и раскольничья святыня вмиг потеряла святость. Так вероломно была покорена последняя староверческая твердыня на Иргизе. Это случилось 28 мая, и этот день раскольники назвали «днем вавилонского пленения», с горечью признав, что закатилось «солнце православия».

Вместо пяти старообрядческих монастырей стало три православных единоверческих два мужских – Воскресенский и Спасо-Преображенский и один женский – Никольский. (Теперь первый, после переселения отсюда психиатрической

больницы, пустует; второй занят санаторием; и только третий потихоньку восстанавливается верующими).

Но «старая вера» не была разрушена с «падением» монастырских стен. Она только разбилась на куски, разделилась на множество толков и сект, стала фанатичнее и замкнутее, тверже и недоверчивее в своих устоях. Из разрушенных «гнездилищ» старые и юные птенцы разбрелись по всей России. С Иргиза старая вера перешагнула за Волгу на горы, создала Черемшань и другие скиты, перенеслась на Урал, на Обь, на Дон и Тerek, за Кубань и т.д. Старцы и старицы, ютившиеся в «пустыни прекрасной», как иногда называли раскольники Иргиз и озеро Калач, над которым стоял один из монастырей, превращались в бродячих, более неуловимых пророков и пропагандистов. «Овечьи избы» превращались в ряды келий, на месте хуторов и лесных сторожек вырастали новые скиты и обители. Между тем старообрядчество, хоть и не было официально признано, оставалось в силе. В шестидесятые демократические годы XIX столетия интерес к раскольникам обострился. Старой вере и расколу было посвящено несколько исторических исследований, а Мельников-Печерский написал староверам огромную «оду» из двух романов «В лесах» и «На горах». Только «поется» в ней в основном о скитах нижегородских и хвалынских. Сам того не желая, писатель «похоронил» славу иргизских монастырей. О былой святыне забыли окончательно. Может быть, не навсегда?

Парад легенд

С

арад легенд Саратовской земли открывает забытое предание о зарождении здесь древнейшей религии единобожия (зороастризма) около десяти тысяч лет тому назад. Ранние главы священной книги вендов «Авеста» были сложены самим Зороастром (Заратуштром), по представлениям современных ученых (М. Бойс, Англия), в Заволжской степи. Наблюдения за древней топонимикой Саратовской области позволяют уверенно полагать, что Заратуштра, предтеча Православия, был связан по жизни с районом земли, получившим название – край Саратов (ныне Саратовская область). Имя города и имя великого мудреца совпадают в своей основной, содержательной части – САРАТОВ и З(С)АРАТУШТРА. Слово «САРАТ», в переводе с праславянского означает «У КОЛЕСА (солнца)». Было и несколько другое толкование, более земное, – «У КОЛЕСА (колесницы), то есть «КОЛЕСНИЧИЙ». Это должно свидетельствовать о существовании на Саратовской земле колесничего дела, мирного и боевого, много веков тому назад...

Легендарным городом, известным еще со скифского (скотского) времени на Саратовской земле или, точнее, на земле современного города Саратова, является УВЕК (более древняя форма названия – УКЕК). На языке праславян или скифов это слово означает – «КОНЬ». Данные ученых говорят, что приручение коня человеком имело место в Саратовском Поволжье около семи тысячелетий тому назад. Это было поистине одним из важнейших достижений в культуре Старого света и Мира, так как открыло возможности покорения и освоения земных пространств, вызвало к жизни множество ремесел и вследствие этого – целого ряда искусств. Темп жизни на земле резко изменился, народы мира стали ближе друг к другу. До сих пор в русском языке слово «УК» означает специально «обученный, приученный», живет оно и в слове, всем нам более знакомом, – «ВНУК», которое передает освещенную веками традицию обучения через поколения – от деда к внуку.

Город Укек был одним из славнейших городов старого света, и его история смыкается с историей современного города Саратова. Укек известен как золотоордынский город, погибший по неизвестной причине. Городище Укек (Увек), занимающее по площади пространство, близкое к размерам исторического центра современного города Саратова, до сих пор системно не исследовано. На Увеке находился древний православный монастырь (у начала собственно реки Увек). По преданию, он существовал во времена Золотой Орды. При нем было кладбище (погост), на котором хоронили всех преставившихся православных людей в Орде. Всех умерших ордынцев на Руси хоронили тогда же в Суздале. Таким образом, можно говорить об определенной связи и сопоставимости в древности двух городов – Увека и Суздаля, как неких духовных центров...

Творчество двух Пушкинских, великого поэта А.С. Пушкина и его дяди, поэта В.Л. Пушкина, позволяет надежно связать Саратовский край и собственно город Саратов с литературными образами и местами. В романе в стихах «Евгений Онегин» (в сельских главах) опосредованно отражены саратов-

ские места (см.: Саратов литературный. 1999. № 3). В поэме «Капитан Храбров» В.Л. Пушкин и вовсе устами своего лирического героя называет Саратов своей родиной. В той же поэме, как бы подтверждая связь мира романа «Евгений Онегин» с Саратовом, В.Л. Пушкин напрямую вводит знаменитую героиню Татьяну Ларину в саратовское общество. Таким образом, Саратов имеет законное право считаться одним из пушкинских литературных мест. Вместе с тем Саратовская земля связана и с исторической прозой А.С. Пушкина. Целая глава «Истории Пугачева» (восьмая) посвящена событиям Пугачевского восстания в Саратовском крае (Саратовской провинции)...

Саратовская область занимает особое положение в истории и географии Пугачевского восстания. В Мечетной слободе (позднее г. Николаевск, ныне Пугачев) Е.И. Пугачев впервые принял на себя имя царя Петра III, что и послужило началом возмущения и восстания народа. На территории Саратовского края восстание принимало форму народной войны, отмеченной сражениями с регулярной армией, захватом городов. Со стороны правительства в этих событиях участвовали такие, например, выдающиеся деятели, как А.В. Суворов, Г.Р. Державин, И.И. Михельсон. На Саратовской земле, в Заволжье, был и схвачен руководитель восстания Е.И. Пугачев (село Алтата Дергачевского района), что и явилось концом народной войны.

На чистейшей речке с названием Лох, что означает «пропасть» и «пропавшее место», стоит одноименное село. Рядом находятся два достопримечательных места, по народной молве и литературным рассказам связанные со временем Ивана IV. Кудеярова гора и Кудеярова пещера зовутся так в память о знаменитом разбойнике, атамане. Пещера, вход в которую ведет через древнюю железную дверь, закрыта для посещений с тех давних времен. Словно какой-то запрет лежит на этой пещере, и никто не смеет проникнуть в ее тайну. По народному преданию, Кудеяр был разбойным царем, и стал он им поневоле: ведь во главе Русского царства мог находиться только один человек – Иван Грозный. Ему же приходился Кудеяр братом-близ-

нецом. По легенде, запечатал себя Кудеяр в пещере после громких разбойных походов, до условного часа. Когда над горой да над пещерой встанут две радуги, выйдет на свет Кудеяр и будет править Русским царством по справедливости да по милости...

В названии Соколовой горы, что главенствует над старинной частью Саратова, сохраняется память о далеком скифском, или сколотском, прошлом города. Гора была посвящена Небу, или Колу, и всем его чудесным жителям и правителям, защитникам Русской земли. Гнездились на горе и небесные гордые птицы – соколы, предупреждавшие о нападении врагов. Бились соколы за землю Русскую, выбивая из седла всякого охотника до не своего добра, хищного да жадного, бессовестного, безобразного по своим замыслам и делам. Держали стражу на Соколовой горе воины-колобоки. Дружина соколов и колобков зорко стерегла родные просторы. Днем над дружиной по небу-Колу ходил Колобок-солнце, а с вечерней зари до утренней на горе Соколовой зажигался Колобок-огонь. На закате да на рассвете дружина вкушала священный круглый хлеб-Колобок, который давал ей все новые силы. Пока стоит на горе Соколовой дружина соколиная – стоять твердо и всей земле Русской!..

За толстым-претолстым угловым столбом кукольного театра «Теремок» в Саратове прячется веселая и беззаботная деревянная кукла. Ростом она – с маленького гимназиста, а видом – мальчишка с длинным деревянным носом. Придумал деревянного сорванца, еще будучи в младших классах Саратовской гимназии, будущий знаменитый русский писатель Алексей Николаевич Толстой. Иногда можно видеть, как прогуливаются вместе по бывшему гимназическому саду, от зданий бывшей гимназии (ул. Некрасова, № 17) до кукольного театра гимназист Алеша и создание его фантазии – мальчишка со славным именем Буратино. Если вам повезет, вы услышите, какие замечательные истории, с приключениями и превращениями, рассказывают они друг другу. Если увидите там саратовского писателя или критика, то это означает, что они по записанному со слов двух мальчишек сочиняют. Из сочиненного

выйдет в свет не одна книга, не одна заметка в саратовских газетах. А что не выйдет, то обязательно опустится со временем белым снегом на головы этих самых писателей или критиков. Сочиненное ими когда-то будет шепотом переговариваться, а иногда тихонечко напевать автору веселую песенку о саратовском гимназисте и его разудалом деревянном друге...

Со времен очень давних, когда былины были вещими, волшебными птицами, сохраняется на нашей земле память о подвигах одного из великих богатырей Руси – Алеше Поповиче. Освободил богатырь из полона на реке Саратовке (а еще называлась эта река Ураславой, то есть Русской) свою родную сестрицу. Это место и по сей час отмечено песней жаворонка, песней соловья, песней русского человека. Приходите, люди добрые, на берег реки Саратовки, разворачивайте мехи гармошки саратовской. Колокольцами берега пробудятся, песнями русскими да заслушаются. Пролетит по небу на коне богатырь, на белом коне в серых яблоках. А в седле, перед ним, – душа-девица, дочь крестьянская. От зари до зари белый свет стоит, от зари до зари звездная ночь кружит. И всегда-то вместе в памяти былинной на берегу реки Саратовки милые брат и сестра. Не бывать более поруганию – полону вражьему, не кончаться на нашей земле песням славным!..

Саратовскую степь во времена ордынские, половецкие просвещенные люди называли весьма поэтично – «Страна яблонь». Здесь, в степи, существовали яблоневые леса, пережившие тысячелетия, но упавшие под «железной пятой» капиталистического прогресса. Яблоневый Сырт, то есть речной водораздел, – вечный памятник древней культуре замечательного плодового дерева. По Яблоневому Сырту в 1833 году совершил свое путешествие-исследование А.С. Пушкин. По следам возмущения, получившего название Пугачевского бунта, великому поэту оставалось тогда побывать на землях, где началось и закончилось это потрясение основ русской жизни конца XVIII века. Не случайно целая глава «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина отведена саратовским материалам. Как

очевидец, Пушкин сообщает, что Соколовая гора господствует над городом Саратовом...

Район Саратова можно считать своеобразным мостиком между южной флорой Кавказа, Крыма и Средней Азии. Так, на Увеке каким-то образом сохранились поросли розмарина. Не менее разнообразной была и фауна Саратовской степи.

В Саратовской степи обитал лесной люд — угро-финны, к которым относился таинственный народ буртасы. Где-то рядом с современным Саратовом была их столица — Буртас. Другим угро-финским народом, жившим рядом с ними, была мордва. До середины XX века на картах Саратова указывалась река Мордова. Сейчас она нам известна под именем Елшанка. Южнее Саратова есть село Мордово, которое считается местом существования одного из древнейших городов России.

Говоря о городских древностях в Саратовской степи, невозможно не отметить факта размещения в ней коронных земель Золотой Орды, государства, оставившего огромный след в истории Старого света и России.

Непосредственно на территории современного Саратова (южная окраина) расположено городище — остатки древнего Увека, одного из лучших городов Орды. Глубоких археологических исследований на городище никогда не проводилось. Существование Увека уверенно относят к XIII столетию. Последние сообщения о нем относятся к 1586 году, за четыре года до основания чисто русского Саратова. В то время город был центром одноименного княжества. Тогда местное войско с московским гарнизоном разбили на земле Увека крупный военный отряд крымских татар, вторгшийся для грабежа и разбоя богатейших рыбных ловель. Таким образом, по времени практически смыкается история Увека и Саратова, и несостоятельной выглядит идея о ранней гибели Увека в конце XIV столетия (поход Тамерлана, 1395 г.).

В начале XVII века, перед появлением у берегов Волги многочисленного народа (калмыков), пришедшего из Монголии, район молодого города Саратова был в самой гуще бытования

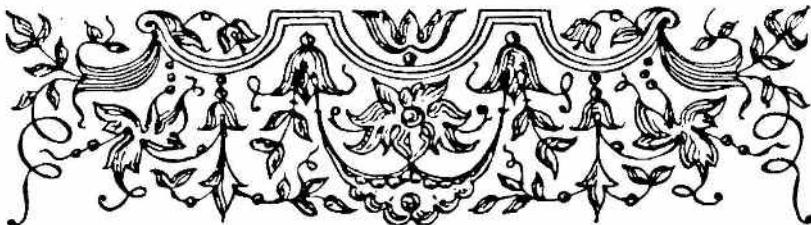
башкиров. После прихода калмыков башкиры в подавляющем большинстве ушли к Южному Уралу, а ногайские татары оказались на Северном Кавказе. Сам Саратов сделался на многие годы центром Калмыкского края. После отхода калмыков, в места их нынешнего обитания, ближайшая к городу Саратову степь стала развиваться хозяйственно, культурно, как часть традиционно русского государства.

По свидетельству писателя Г.В. Геракова, в это время Саратов уже выгодно отличался от других губернских городов.

После крестьянской реформы Саратовская степь вышла на дорогу капиталистического развития (торговля, железнодорожный транспорт, издательское дело, производство цемента). К началу революции 1917 года и гражданской войны Саратов стал одним из культурных центров России. Университет, другие вузы, значительный уровень среднего образования, практически полная грамотность, художественный музей, консерватория, саратовские театры по своей режиссуре, уровню исполнительского искусства (драма, опера) вошли в ряд лучших. А саратовская художественная школа (начало XX века) стала фактором мирового искусства (В.Э. Борисов-Мусатов, П.В. Кузнецов, А.Т. Матвеев, П.К. Петров-Водкин).

О важности Саратова в первый период Великой Отечественной войны красноречиво говорит план немецко-фашистской армии – захватить город уже в начале августа 1941 года. Сразу же после Победы в 1945 году американская армия всерьез планировала уничтожение Саратова (сбрасывание атомной бомбы), причем в списке приговоренных советских городов Саратов был седьмым по счету, впереди Ленинграда – второго города страны.

В последующие десятилетия Саратов по своей инфраструктуре был отнесен к городам столичного типа. Саратовская степь становится близкой к Космосу (полеты Ю.А. Гагарина, Г.С. Титова). Саратов же стал «электронной» столицей Советского Союза, а Саратовская область – мощным полем мелиорации сельского хозяйства.

По возможным пушкинским местам Саратовского Заволжья

ногого ведется споров о том, был ли Пушкин в Саратове, приводятся различные свидетельства, но точных документальных доказательств пребывания Александра Сергеевича в нашем крае нет.

Как известно, в августе – сентябре 1833 года великий поэт совершает поездку в Поволжье и Оренбургский край, где встречается с бывшими пугачевцами, еще живо помнившими Емельяна Пугачева и его время. А.С. Пушкин собирает материал для книги о Пугачеве – защитнике всех обездоленных и борце с самодержавием.

Саратовским краеведам и всем исследователям творчества поэта, прозаика и первого историографа Е. Пугачева известно знаменитое письмо поэта к жене Наталье Николаевне от 19 сентября 1833 года из Оренбурга: «...я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам и пробуду

у них дня три — отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу». Дорога Пушкина из Оренбурга лежала в Уральск, где он пробыл двое суток, после чего отправился в обратный путь.

Далее мы сталкиваемся с тем, что называется «информационный вакуум». Период возвращения в Болдино (деревню, о которой писал поэт жене) характеризуется отсутствием достоверных фактов о том, каков его маршрут. Одни исследователи утверждают и настаивают на этом сегодня, что Александр Сергеевич следовал через Саратов, а другие — что он поехал другой дорогой. Но какой именно? Об этом нет ни прямых, ни косвенных указаний ни самого Александра Сергеевича, ни его современников. Однако Павел Васильевич Анненков — один из первых биографов поэта — еще в 1855 году говорил однозначно: да, через Саратов. Этой версии придерживаются историки Б.В. Томашевский, Е.А. Бобров, М.А. Цявловский и другие. Но ряд пушкинистов (П.С. Бейсов, А.Б. Модзалевский, Н.Ф. Калинин) считают, что сложные метеорологические условия вынудили поэта поехать из Уральска по Большому Сызранскому тракту на Симбирск.

Таким образом, мы вступаем на сложный путь гипотез, догадок, предположений: какой короткий путь выбрал писатель, возвращаясь в Болдино? Кстати, многие исследователи недоумевают по поводу длительности возвращения Пушкина. По времени оно по крайней мере на 4–5 дней оказалось более продолжительным, чем это могло бы быть, даже с учетом непогоды и возможности вынужденных остановок в пути по наезженному грунту. Значит, великий Пушкин где-то останавливался и куда-то заезжал, отклонившись от почтового тракта?

А не мог ли Александр Сергеевич побывать в наших краях? Это смелое предположение исходит из ряда вопросов, на которые наводит логическое мышление. Действительно, почему А.С. Пушкин пробыл только двое суток в Уральске — ведь не из-за столь короткого времени он совершил такое длительное и трудное путешествие из Петербурга? Страсть к исследованию интереснейшего вопроса у него была велика, и неужели

он не нашел возможности задержаться на более длительный срок, чтобы удовлетворить свое любопытство здесь, в центре событий, связанных с Е. Пугачевым? Можно предположить, что то, о чем он услышал тут, в значительной степени Александр Сергеевич уже знал, изучая архивы. Кроме того, учитывая исключительную работоспособность поэта, с той или иной долей вероятности можно сделать и другое предположение: весь необходимый объем исследовательско-поисковых работ он успел сделать за два дня, но вдруг узнал о новой географической точке – реке Иргиз, где бывал Пугачев и где о нем хорошо помнят до сих пор!..

Прославив о староверах, живших на Большом Иргизе, которые были идеальными наставниками Емельяна Пугачева в начале его великого похода на супостатов, а после разгрома пугачевской армии прятавшие и укрывавшие атамана в своих скитах, морально поддерживавшие и готовившие его к новой борьбе, – мог ли Пушкин в этой ситуации рискнуть встретиться с людьми, предоставившими последнее пристанище главному герою своего повествования? Конечно же мог! Ведь о последнем периоде жизни Емельяна Пугачева было известно мало. Даже материалы судебного процесса над ним содержали скучные данные об этом отрезке его жизни. Разве не возможно, что те недостающие и неизвестные дни путешествия поэта из Уральска как раз и связаны с проездом по территории нашего края?

Из Самары на Николаевск (ныне Пугачев) почтового тракта еще не было, а почтовый тракт от Уральска через Вольск на Саратов был открыт в 1842 году, то есть спустя 9 лет после путешествия Пушкина. Но можно предположить, что уже тогда, в 1833 году, эта дорога функционировала, но не была оборудована и не соответствовала назначению почтового тракта. Ведь на пустом месте не могла же возникнуть впоследствии эта дорога! От Вольска до слободы Мечетной (так назывался город Пугачев с момента образования до 1835 года) Александр Сергеевич мог доехать за полдня, чтобы побывать в Преображен-

ском скиту, где когда-то гостеприимно принимали Пугачева. Отсюда он мог проследовать по тому пути, по которому арестованного атамана везли на суд и казнь в Москву.

В некоторых воспоминаниях староверов Прииргизья, передаваемых из поколения в поколение, сохранился теплый образ Пугачева, а в связи с этим и упоминание о важных господах, интересовавшихся великим атаманом — защитником обездоленных, гонимых и проповедующих истинную веру (не Пушкин ли?).

Разумеется, все это только предположения, догадки, объясняющие стремлением найти те глубоко спрятанные крупицы истины, которые позволили бы сказать, что наш край связан с именем великого русского поэта. Мы горды тем, что являемся соотечественниками гениального человека, который восхитил весь мир своим блестательным талантом, прославил себя, народ и Россию, которая его вскормила, вспоила, но не смогла защитить от злого рока судьбы.

Прииргизье – не только природный, но и исторический памятник России

Р

осле 1565 года, когда опричнина захлестнула Русь, Дон и Волга стали местом, куда бежали люди от произвола Малюты Скуратова, выполнявшего карающую волю Ивана Грозного. Эти свободолюбивые люди не дали на растерзание свои жизни и трудом своим доказали, что наш край – это вольная житница и за ним будущее Русского государства. Не в последнюю очередь благодаря этому на Волге строятся крепости-города Царицын (1584 г.), Самара (1586 г.), Саратов (1590 г.). Волга становилась все более населенной, поэтому промышлявший разбоем «вольный люд» вынужден был уходить в более тихие места, какими, бесспорно, являлись окрестности левых притоков Волги – Малого и Большого Иргизов. Здесь беглецы укрывались от стрельцов, а на Волгу выходили поохотиться. В пользу дан-

ного утверждения можно привести одно из донесений того времени в Москву: «Шли мы Волгою из Казани в Астрахань, и, как поравнялись с Иргизским устьем, пришел на нас в стругах князь Василий Мещерский, да казак Мечуга Хромой и взял у нас судно...»

Но казаки не только промышляли разбоем и отсиживались в тихих иргизских заводях, но и вели разведку бассейна рек. Охрана торгового пути на Волге усиливалась, верховье Иргизов становилось для казаков небезопасным. Так, в поисках новых водных путей, спасаясь от преследований, они уходили в верховья Иргиза и в его притоки. Почему не по суще? Да потому, что на открытых степных просторах было тоже опасно. В степях хозяйничали многолюдные кочевые племена, поэтому единственным безопасным способом передвижения у казаков были облегченные струги, а кони у них появились значительно позже.

Итак, в 1584 году, раньше, чем Самара и Саратов на карте юго-восточной части Русского государства появляется поселение волжских и донских казаков на реке Яик (нынешний Урал). Давайте посмотрим на географическую карту. В это время на Волге, кроме Казани, как считают заложенной в 1177 году булгарами, Астрахани, возникшей в XIII веке, и поселения, образованного в 1555 году на месте переволоки речных судов с Дона в Волгу (ныне город Волгоград, ранее Царицын, основанный в 1584 году), ничего не было. И... вдруг здесь, вдали от обжитых родных мест, в kraю, где хозяйничали воинственные и беспощадные племена кочевников, вольные люди основывают свой «Яицкий вольничий град». Почему? Окрепнувшая Русь стала принуждать и Запорожскую сечь, и «Волжскую казачину» служить государству Российскому и ограничивать их права на вольную жизнь. Вот и двинулись казаки на восток, где раскинулись необжитые земли. А каким путем они шли туда? В помоцники напрашивается опять географическая карта: от Царицына (Волгограда) вниз по Волге, затем по Каспийскому морю, дальше вверх по реке Урал, преодолев около трех тысяч кило-

метров? Маловероятно! А теперь посмотрим на реку Большой Иргиз. От Волги пропутешествуем вверх по реке, свернем в ее левый приток — реку Камелик, затем в левый приток Камелика — реку Таловую. Здесь небольшой сухопутный участок (переволока 20–30 километров) и исток реки Деркул, которая впадает в реку Чаган, которая в свою очередь является правым притоком реки Урал (Яик), в устье которой и расположился город Уральск (бывший Яицкий городок). Какое же расстояние мы пройдем, если пойдем таким путем? Почти в два раза меньше, чем через Каспийское море! К тому же этот путь менее безопасен во всех отношениях, и, по всей видимости, он пользовался должным спросом у казаков, а Большой Иргиз, который протекает и по территории Ивантеевского района, был очень оживленным.

Открытие этого водного пути могло произойти только благодаря тому, что среди казаков были пытливые, любознательные, целеустремленные и неугомонные храбрецы. Они прославили и себя, и родные края своими подвигами. Именно из таких казаков был и легендарный Ермак Тимофеевич, а свой исторический поход в Сибирь он начал в нашем крае, на нашем Большом Иргизе! В пользу данного утверждения можно привести конкретные доказательства. Так, документы тогдашнего Яицкого посольского приказа содержат следующие строки: «...а приход Ермаков с товарищами в Сибирскую землю с Яика на Иргизские варницы, да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левой стороны...» В историческом исследовании Р.Г. Скрынникова «Далекий век. Сибирская одиссея Ермака» отмечается: «Отправляясь в Приуралье по реке Урал (Яик), Ермак составил флотилию из легких стругов. Тяжелые казались ему неудобными. С ними было трудно преодолеть переволоку между Яиком и истоками Иргиза...»

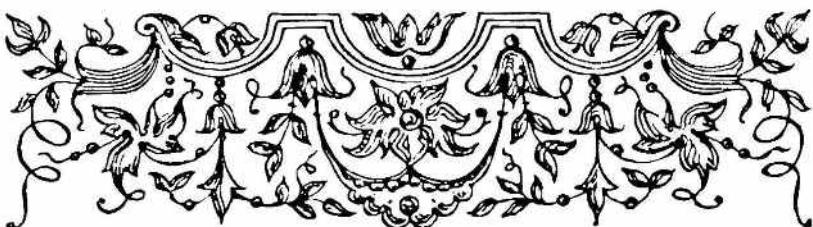
На тихих берегах Иргиза множились временные поселения, куда впоследствии стали уединяться староверы в результате Никоновского раскола русской православной церкви (1653 г.),

после чего Прииргизье становится одним из центров старообрядчества.

Самые крупные народные выступления народа против боярского и царского гнета были на Дону и Волге, и край наш находился в эпицентре этих событий. Емельян Пугачев получил благословение на борьбу с угнетателями простого народа на берегах Большого Иргиза у отца Филарета – настоятеля старообрядческого монастыря близ слободы Мечетной (ныне город Пугачев). Здесь же он скрывался после разгрома крестьянского восстания. Через наши края предводитель восставших проследовал в свой последний путь.

Так, путешествуя по Прииргизью, мы соприкасаемся не только с красотой природных ландшафтов, но и с удивительными тайнами исторической летописи Саратовского Заволжья, а любуясь современным обликом наших мест, испытываем чувство гордости за людей, которые продолжают творить историю нашей родной земли.

Династия пароходчиков

Среди выдающихся людей, вошедших в историю волжского судоходства, можно назвать целые династии речников-волгарей, представителей разных национальностей. Слава об их достойных созидательных делах передавалась из поколения в поколение, имена их вписаны золотыми буквами в летопись волжского судоходства. Это такие известные на Волге фамилии, как Сутырины, Богдановы, Мелешкины, Зевеке, Белодворцевы, Браац, Винокуровы и многие другие.

Для начала остановимся на двух династиях волжских речников, сыскавших признание у современников и потомков своей плодотворной деятельностью, — Зевеке и Браац. Зевеке был купцом-пароходчиком, пароходная фирма которого имела хорошую репутацию на Волге в конце XIX века; Браац — зачинатель династии речников, капитанов волжских судов.

У представителей этих двух династий есть две характерные общие черты. Первая заключается в

том, что и те и другие беззаботно любили Волгу и были преданными ее служителями. И вторая общая черта — оба засинателя названных фамилий были прибалтийскими немцами, уроженцами Курляндской губернии, но большую часть своей жизни посвятили Волге и волжскому судоходству.

Об Альфонсе Александровиче Зевеке, купце-пароходовладельце, личности яркой и необычной, о его большом семействе следует вести разговор особо. (Сейчас в Нижнем Новгороде проживает внук пароходчика А.А. Зевеке — Александр Васильевич Зевеке.)

Родился А.А. Зевеке в 1822 году в Курляндской губернии. После окончания мореходных классов начал ходить на паруснике, который совершил кругосветное плавание. Недалеко от Португалии их настиг шторм, и парусник потерпел крушение. Спасти посчастливилось немногим. В их числе был и Зевеке. В память об этом трагическом событии он заказал большую картину, написанную маслом, где изображена гибель парусника. Сейчас эта картина висит в квартире его внука, как память о великом деде. Потом Зевеке ходил на судах торгового флота, выполнявших рейсы между Россией и Англией, шкипером и штурманом. В конце 1850-х годов он переезжает работать на Волгу, поступив на службу в Камско-Волжское пароходное общество. Начинал капитаном парохода «Орел», однако очень скоро, благодаря своему образованию и бурной энергии, занял пост управляющего этим самым пароходством.

В 1871 году, по предложению А.А. Зевеке, Сормовским заводом был построен первый пароход нового типа, конструкция которого была заимствована у американских судов с реки Миссисипи. Назвали его «Переворот» — в том смысле, что он внесет в волжское судоходство капитальные изменения и своей новизной действительно устроит переворот в технике пароходного дела. Но правительство усмотрело в слове «переворот» революционное начало и повелело его переименовать. Так с 1876 года он стал называться — «Колорадо». В 1872 году после «Переворота» вышли на Волгу еще два парохода американ-

ского типа — «Миссисипи» и «Н. Бенардаки». Однако финансовые дела пароходства пришли в полнейшее расстройство и авторитет Зевеке пошатнулся. Он не смог оплатить даже строительство четвертого парохода, заказанного им заводу Журавлева, под названием «Миклашевский». Пароходное общество признало свое поражение, и, вследствие неоплаченных долгов, взятых в Англии, все пароходы американского типа стали собственностью английской фирмы «Фобес» и купца Журавлева. Сошел со сцены как руководитель пароходства и сам Зевеке. Он стал торговым посредником фирмы «Фобес» в России и вскоре уехал в Англию. Но там он пробыл недолго.

Уже в 1875 году он вернулся на Волгу полновластным хозяином небольшого пароходного дела. В Англии он близко сошелся с владельцами фирмы «Фобес и Ко» и взял у них в аренду три парохода, которые он ранее отдал за долги: «Переворот» («Колорадо»), «Миссисипи» и «Н. Бенардаки». Взял он их на десять лет, на очень выгодных условиях: должен был платить за все три парохода начиная с 1876 года по 55 тысяч рублей в год. Ему, кроме того, предоставлялось право по истечении десяти лет эксплуатации этих судов приобрести их за 120 тысяч рублей. К тому же Зевеке арендовал еще два парохода-«американца» у владельца механического завода Журавлева — «Миклашевский» («Миссури») и «Ниагара». И с июня 1876 года А.А. Зевеке открыл пятью пароходами движение между Нижним Новгородом и Астраханью, с двумя отправлениями в неделю. Так возникло на Волге новое пароходство Зевеке — владельцем которого стал немец, выходец из Курляндии.

Он был большим новатором в речном деле. Зевеке впервые на Волге применил суда не с режущей носовой частью, а закругленной, что в условиях речного плавания создавало более спокойный поток воды, обтекающий судно. Ведь скорости речных судов, по сравнению с морскими, были незначительными, а обтекаемость лучше. Зевеке позаботился о простых пассажирах четвертого класса, предусмотрев для них в трюме нары общего типа и уменьшив перевозную плату для этого класса

пассажиров. Он умело подбирал сотрудников и агентов для пароходства, назначал им более высокое жалованье, чем у служащих других пароходств. Организовал целый ряд участковых инспекторов, чтобы наблюдать четкость работы конторских агентов и капитанов судов. И эти его организационные усилия дали положительные результаты уже в 1876 году. Газета «Саратовский листок» начиная с 1879 года систематически печатала объявления пароходной фирмы Зевеке. Так, в номере от 10 апреля 1879 года сообщалось: «Нижеподписавшийся имеет честь известить почтеннейшую публику, что принял Саратовское агентство пароходов американской системы арендатора А.А. Зевеке. Контора помещается в доме Рейнвальд, по Большой Сергеевской улице, близ Бабушкиного взвоза. Федор Александрович Зевеке».

Это был родной брат Альфонса Александровича Зевеке, который на целые двадцать лет, до 1899 года, стал саратовским агентом пароходства Зевеке. Кстати, сам Альфонс Александрович в 1871–1872 годах, как свидетельствуют архивные записи, был записан саратовским купцом второй гильдии. Пристань пароходства Зевеке находилась рядом, под Бабушкиным взвозом, а в межень переводилась под Дегтярный взвоз.

В 1881 году Зевеке командирует своего сына Александра в Америку для ознакомления с появившимися там новыми речными судами, чтобы выбрать наиболее пригодный тип корабля для Волги. Таким был признан плоскодонный заднеколесный пароход, ходивший по реке Амазонке. Решили строить подобные пароходы в России целиком из дерева и своими силами. Однако для руководства строительными работами выписали из Америки мастера Думбара. Первый пароход нового типа «Амазонка» был построен в Нижнем Новгороде в зиму 1881/82 года. Выпущенная на Волгу в разгар мелководья «Амазонка» прекрасно зарекомендовала себя и работала вначале в плесе Нижний Новгород – Казань, а затем Нижний Новгород – Саратов.

Весьма примечательно, что в целом среди волжских капита-

нов встречалось немало людей с немецкими фамилиями. Основываясь на сведениях обо всех капитанах, которые служили на волжских судах различных пароходных обществ, можно сделать вывод, что в каждом пароходном обществе на Волге были капитаны из немцев. Количество же капитанов-немцев в различных пароходных обществах составляло от 20 до 30 процентов от общего числа капитанов, служивших на пассажирских судах.

Сведения об авторах

Ковалева Марина Игоревна, студентка Саратовского государственного технического университета – «Кудеярова гора», «Легенда о Стеньке Разине».

Новикова Татьяна Петровна, директор Новобурасского (негосударственного) краеведческого музея – «Легенды о Кудеяре».

Донецкий Павел, ученик лицея гуманитарных наук (г. Саратов) – «Кудеяр».

Петрова Мария, студентка сельскохозяйственного техникума им. К.А. Тимирязева (Октябрьский Городок, Татищевский район) – «Легенда о Волге».

Смирнов Василий Вячеславович, студент сельскохозяйственного техникума им. К.А. Тимирязева (Октябрьский Городок, Татищевский район) – «Легенда Николаевского Городка».

Быкова Ольга Викторовна, Сидляренок Мария Николаевна, студентки сельскохозяйственного техникума им. К.А. Тимирязева (Октябрьский Городок, Татищевский район) – «Легенда о парке влюбленных Николаевского Городка».

Сафонов Юрий Александрович, ювелир (г. Саратов) – «Легенды древнего Увека».

Потупалова Наталия, студентка Вольского педагогического училища им. Ф.И. Пашерова – «Сказ о Белом Ключе».

Гайсин Салимжан Мухаметович, редактор газеты «Наша жизнь» (Воскресенский район) – «Как дюма деревню в карты выиграл», «Ночевал атаман у Змеевой горы», «Дети солнца», «Горицвет».

Лемдяев Владимир Владимирович, преподаватель истории ПУ № 18 (г. Маркс) – «Читалагайский пийт».

Мельников Евгений, 12 лет, детский экологический-туристский клуб «Волна» (Ленинский район, г. Саратов) – «Легенды Малинового родника».

Тополев А., Кулешова Анна, ученики гимназии № 1 (г. Балаково) – «Легенды наших мест».

Твердохлебова Юлия, Шагалова Марина, ученицы средней школы № 2; **Ткачева Галина Павловна**, руководитель туристско-краеведческого кружка ЦВРСД (г. Пугачев) – «Легенды Большого Иргиза».

Грачев Евгений Алексеевич, член Союза писателей России, журналист, ведущий ГТРК «Саратов» – «Легенды Прихолопья: Река-спасительница; Желтый змей и братья-близнецы; Легенда об Изнаире; Красные грибы».

Тимошина Юлия Александровна, студентка Московской академии по туризму и спорту – «Легенда о Соколовой горе».

Воронихина Дарья, ученица средней школы № 36 (г. Саратов) – «Роман губернатора».

Кузнецов Сергей Павлович, руководитель детского экологического журнала «Курчавка», член Союза журналистов России (г. Саратов) – «Гора любви».

Россошанский Владимир Иванович, директор народного музея Ю.А. Гагарина при Саратовском государственном профессионально-педагогическом колледже им. Ю.А. Гагарина, заслуженный работник культуры Российской Федерации – «Гагаринское поле».

Донецкий Борис Николаевич, архитектор (г. Саратов) – «Здравствуйте, товарищ Бендер!».

Малькова Анна Константиновна, студентка Вольского музыкального училища им. В.В. Ковалева – «Вольск-городок – Петербурга уголок».

Бочкарев Виталий Петрович, инженер-строитель (г. Саратов) – «А знаете, почему Алтынная?».

Кулагина Елена, Гусева Елена, учащиеся ПУ № 12; **Фомина Елена Демьяновна**, музыкальный руководитель (г. Ртищево) – «Река Хопер: от истока до устья».

Кулешива Анна, ученица гимназии № 1 (г. Балаково) – «Легенды Девицких гор».

Воротятина Е., Штырова А., Романова Н., ученицы гимназии № 1 (г. Балаково) – «Загадки старого города».

Курмакаева Эльвира, ученица Усть-Узинской средней школы (Петровский район) – «Родник».

Сгибов Александр, ученик средней школы № 47 (г. Саратов) – «Чертов палец».

Каргин Юрий Юрьевич, редактор службы информации телекомпании «ТВ-Экспресс» (г. Балаково) – «Царство иноков».

Папшев Александр Сергеевич, ведущий архитектор кафедры дизайна Саратовского государственного технического университета – «Парад легенд».

Лисицына Екатерина, выпускница Бартеневской средней школы (Ивантеевский район) – «По возможным пушкинским местам Саратовского Заволжья».

Лисицын Андрей, ученик Бартеневской средней школы (Ивантеевский район) – «Призгизье – не только природный, но и исторический памятник России».

Цыбин Владимир Михайлович, краевед (г. Саратов) – «Династия пароходчиков».

Лауреаты цветных иллюстраций

Варюхина Юлия, 10 лет — «Красные грибки» (обложка), «Путешествующий Климентий» (ил. 9), «Птица-певица» (ил. 10), «Старый город» (ил. 18).

Иванов Никита, 12 лет — «Легенды о Кудеяре» (ил. 1).

Петухова Наталья, 13 лет — «Легенда о Волге» (ил. 2).

Журавская Александра, 9 лет — «Ангел-хранитель» (ил. 3), «Белый Ключ» (ил. 4), «Родник» (ил. 20).

Щербаков Матвей, 10 лет — «Как дома деревню в карты выиграл» (ил. 5), «Роман губернатора» (ил. 15).

Кузьмина Мария, 12 лет — «Малиновый родник» (ил. 6), «Гора любви» (ил. 16), «Легенды Девичьих гор» (ил. 17).

Еганова Анастасия, 9 лет — «Девушка Сезан» (ил. 7).

Астапова Анастасия, 11 лет — «Аринка-разбойница» (ил. 8).

Панфёрова Алина, 6 лет — «Чудо-цветы» (ил. 11).

Грошева Полина, 11 лет — «Мир Анфисы» (ил. 12).

Игнатькова Ангелина, 13 лет — «Легенда о Соколовой горе» (ил. 13).

Бохан Юлия, 12 лет — «Соколы» (ил. 14).

Шестернина Елизавета, 9 лет — «Горицвет» (ил. 19).

Работы воспитанников Саратовской городской общественной организации «Детская студия» при Союзе художников России выполнены под руководством преподавателей О.Е. Черкасовой, Н.Л. Щербаковой.

МБ820 - 1

МУК Балаковская Районная
центральная библиотека

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГВ

Содержание

<i>Маячая сила легенды</i>	3
Кудеярова гора	7
Легенды о Кудеяре	10
Кудеяр	24
Легенда о Стеньке Разине	31
Легенда о Волге	33
Легенды Николаевского Городка	35
Легенда о парке влюбленных Николаевского Городка	38
Легенды древнего Увека	40
Сказ о Белом Ключе	45
Как Дюма деревню в карты выиграл	50
Ночевал атаман у Змеевой горы	54
Читалагайский пийт	61
Легенды Малинового родника	66
Легенды наших мест	68
Легенды Большого Иргиза	75
Легенды Прихоперья	79
Дети солнца	91
Легенда о Соколовой горе	100
Роман губернатора	102
Гора любви	104
Гагаринское поле	109
Здравствуйте, товарищ Бендер!	113
Вольск-городок – Петербурга уголок	123
А знаете, почему Алтынная?	126
Река Хопер: от истока до устья	128
Легенды Девичьих гор	132
Загадки старого города	135

Горицвет	137
Родник	144
Чертов палец	148
Царство иноков	151
Парад легенд	171
По возможным пушкинским местам Саратовского Заволжья	178
Прииргизье – не только природный, но и исторический памятник России	182
Династия пароходчиков	186
<i>Сведения об авторах</i>	191
<i>Авторы цветных иллюстраций</i>	193

Историко-краеведческое издание

АЛЕГЕНДЫ ЗЕМЛИ САРАТОВСКОЙ

Редакторы Т. Иванова, Е. Феклистова

Корректоры Л. Михайлова, А. Персиянова

Компьютерный дизайн и оформление Т. Иванова, Н. Морозов

Компьютерная верстка Н. Морозов

Подписано к печати 25.11.2004 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 11,39+1,16 вкл. Уч.-изд. л. 10,0+1,6 вкл.

Тираж 300. Заказ 759.

ГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы

им. П.А. Столыпина».

410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25

ПОВОЛЖСКАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
имени П.А. СТОЛЬШИНА

ISBN 5-8180-0182-2

9 785818 001821